

к19
т78

Трунчинский А.В.

Среднее

Поволжье.

150837

91
М-77

Средний фонд

Соколов

K19
T48

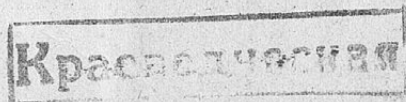
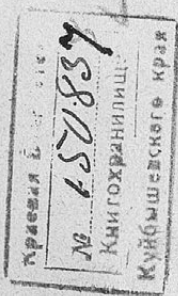
Среднее Поволжье.

СОСТАВИЛЪ

А. В. Лупгинский.

Съ рисунками.

ИЗДАНИЕ

Т-ва И. Д. СЫТИНА.

I.

Трудно представить себѣ въ настоящее время ту картину, какую представляла восточно-европейская равнина наканунѣ появленія на ней человѣка. Начиная съ Финляндіи и кончая центральной черноземной Россіей (а по низинамъ и южнѣе), все пространство было покрыто льдомъ. Лды эти, однако, почти не коснулись той области, о которой у насъ будетъ итти рѣчь, именно губерній: Казанской, Симбирской, Саратовской и Самарской. Только западъ нынѣшней Саратовской губ. былъ захваченъ ледниковымъ покровомъ. Проходящая по западной части нынѣшняго средняго Поволжья Приволжская возвышенность представила серьезное препятствіе для движенія ледника, и онъ остановился у ея западной окраины.

Примыкая на западъ къ леднику, Приволжская возвышенность на востокѣ омывалась водами Кавказскаго моря, доходившаго до теперешнихъ устій Камы и Бѣлой. Нынѣшняя Самарская губ. была, такимъ образомъ, въ то время подъ водою.

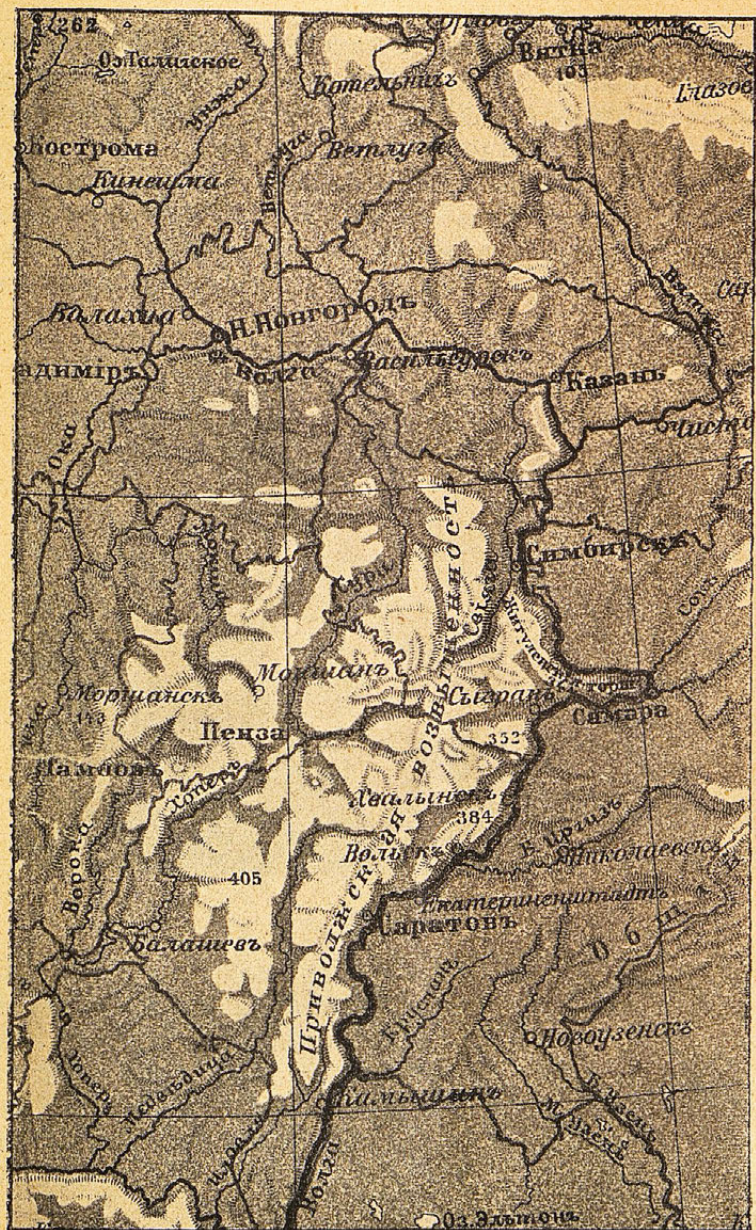
Когда же обширный ледникъ, долго сковывавшій ледянымъ покровомъ большую часть русской равнины, отступилъ далеко на сѣверъ въ Скандинавскія горы, Каспійское море сильно сократилось въ своихъ размѣрахъ, оставивъ послѣ себя соляныя озера, болота и солончаки, гдѣ и начали селиться солончаковыя растенія. Постепенно почва подъ вліяніемъ дождевой и рѣчной воды все болѣе и болѣе избавлялась отъ

излишняго количества солей — выщелачивалась и гуще заселялась растительностью, среди которой начали получать преобладаніе чисто степныя растенія. Въ зависимости отъ почвы и строенія поверхности здѣсь образовались луговья, ковыльные или полныныя степи.

По мѣрѣ отступанія на югъ Каспійскаго моря, постепенно вытягивалась долина Волги. Долина эта окаймлена съ правой стороны высокимъ берегомъ, переходящимъ въ Приволжскую возвышенность. Такъ какъ возвышенность эта существовала до образованія теченія Волги ниже Казани, то рѣка должна была пойти вдоль ея окраинъ. Въ Казанской губ. Волга до Казани идетъ вдоль сѣвернаго края возвышенности и течетъ въ поперечномъ направленіи (съ с. на в.). Достигнувъ близъ Казани восточнаго края возвышенности, Волга рѣзко мѣняетъ свое направленіе на продольное (съ с. на югъ). Не доходя Ставрополя, Волга снова принимаетъ поперечное направленіе. Это Жигулевскія горы, протянувшіяся на востокъ, заставили Волгу обойти себя, сдѣлавъ огромную излучину (Самарская лука). Отъ Сызрани Волга возобновляетъ свое прежнее продольное направленіе.

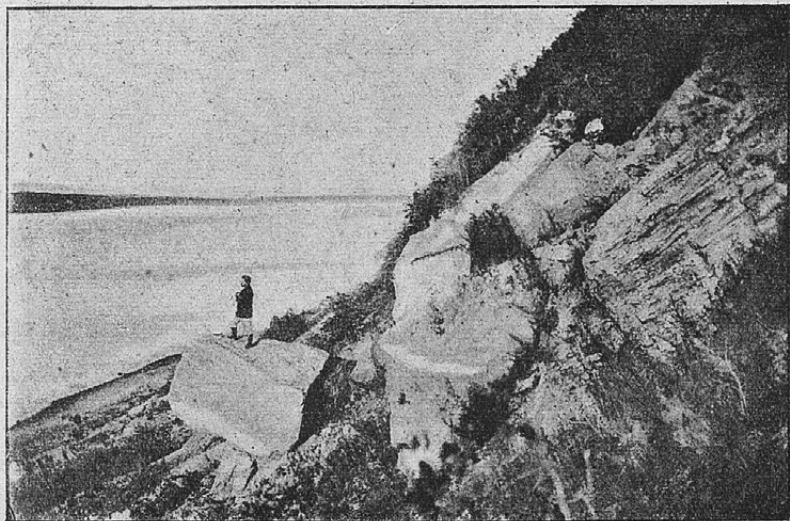
Волга постоянно подмываетъ свой правый берегъ, разрушая цѣлые участки селъ и городовъ, построенныхъ на ея берегу. Такъ погибли части городовъ Козьмодемьянска, Симбирска, Вольска, Саратова и Царицына.

Несмотря на опасность подмытія, большинство селъ и городовъ расположено все-таки на правомъ, а не на лѣвомъ берегу. Внѣдряясь въ правый берегъ, Волга постепенно отходитъ отъ лѣваго (Казань, когда-то лежавшая на берегу Волги, теперь находится въ разстояніи 5 верстъ отъ нея; развалины древнихъ болгаръ отстоятъ отъ Волги на 10 верстъ, а въ

Х вѣкъ городъ лежалъ на самомъ берегу Волги). Покинутыя Волгой земли превратились въ луга, заливаемые во время половодья. Для поселенія поэтому они совершенно неудобны.

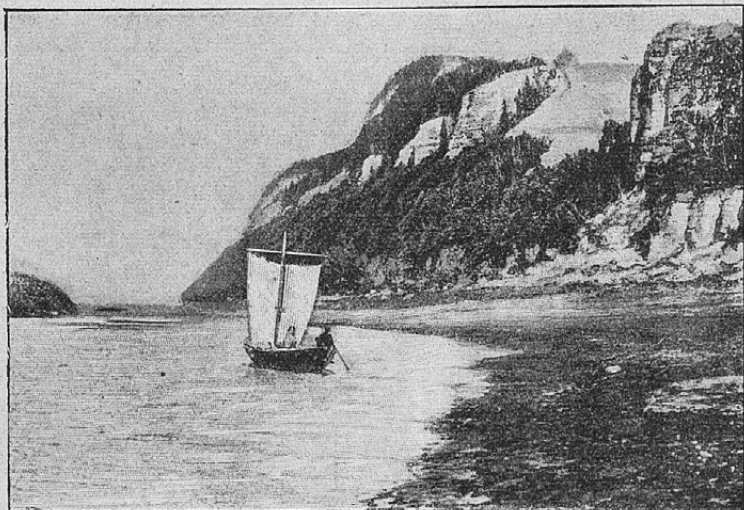
Волга очень прихотливо вьется среди луговъ, безпрестанно мѣняя свое направленіе. Несдерживаемая никакими возвышенностями, рѣка, какъ говорятъ, блуждаетъ. Во время половодья она прокладываетъ

Старица.

себѣ новыя русла. Послѣ спада высокихъ водъ она нерѣдко засоряетъ входы въ старыя русла и продолжаетъ течь по новымъ. Эти покинутыя рукава, слѣпыя русла рѣки, разбросаны въ видѣ серповидныхъ озеръ по всей луговой сторонѣ Волги и носятъ названіе «старицъ». Рукава, отдѣлившіеся отъ Волги только одной своей частью, а другой еще соединенныя съ ней, зовутся затонами.

Желтыя воды Волги несутъ въ себѣ много глины и песку. Отлагаясь на днѣ рѣки, особенно въ мѣстахъ впаденія притоковъ, пески и глины образуютъ мели или перекаты; превращающіеся иногда въ острова. Во время весеннихъ разливовъ Волга покрываетъ своими наносами лѣвый берегъ и образуетъ при этомъ такъ называемую заливную луговую долину или террасу. Надъ этой луговой террасой, поднимаясь

Въ затонѣ.

уступомъ въ 2—5 саж., встрѣчается мѣстами надлуговая или средняя терраса, надъ которой идетъ еще кое-гдѣ 3-й уступъ верхней террасы.

Красива Волга въ своемъ среднемъ и нижнемъ теченіи. Кто разъ побывалъ на ней, того неудержимо тянетъ снова и снова къ ея тихому раздолью.

«Я ничего не знаю, — говоритъ Немировичъ-Данченко по поводу мѣстности у сліянія Волги съ Ка-

мой, — живописнѣе этихъ мягко зеленѣющихъ пони-
зей, нѣжныя, бархатистыя луговины которыхъ про-
рѣзаны лазорево-золотистыми воложками камскихъ
разливовъ. Если хотите, здѣсь нѣтъ рамки для
картины. Нѣтъ горъ, которыя окаймляли бы приволь-
ныя глади...

Куда ни кинешь взглядъ, вездѣ ширь и даль, вездѣ
зелень, вода и небо; но нужно видѣть ихъ соче-

Молодецкій курганъ на Волгѣ.

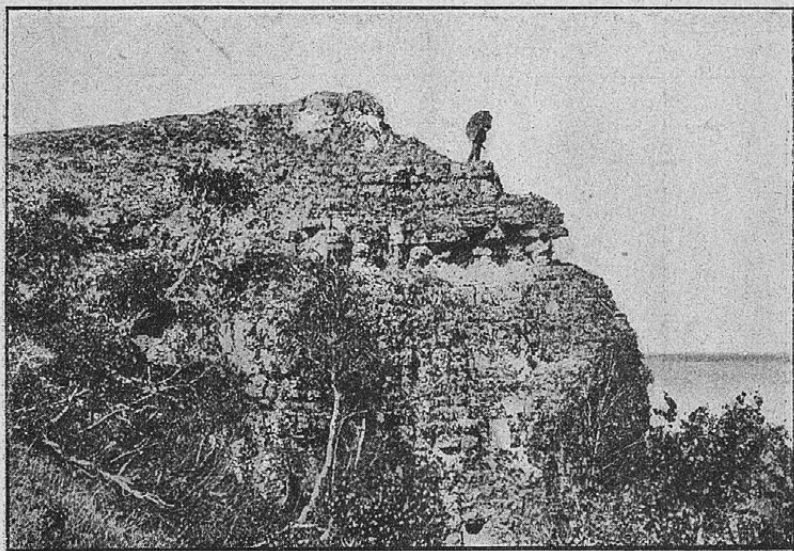
танія, нужно видѣть эти извивы берега, эти жемчуж-
ныя облака, отраженные въ спокойномъ зеркалѣ
Волги, эти зеленые поросли, чтобы разомъ почув-
ствовать себя счастливымъ и веселымъ.

Кажется какое-нибудь горе, придешь на Волгу —
и позабудешь его!..

Далеко отошли горы отъ того мѣста, гдѣ свидѣлись
двѣ сестры — Волга и Кама, точно не хотятъ онѣ,
хмурыя, мѣшать ихъ счастливому свиданью...

Далеко отошли онѣ и только на западѣ едва-едва синѣютъ, точно тучки синія прорѣзались тамъ на небосклонѣ...

Раздвигаются зеленыя понизи, все шире и шире раздвигаются онѣ... раздвигаются понизи, и глубже и глубже смотрится въ воду лазурное небо со всѣми своими серебряными тучками, точно не наглядится

Дѣвья гора.

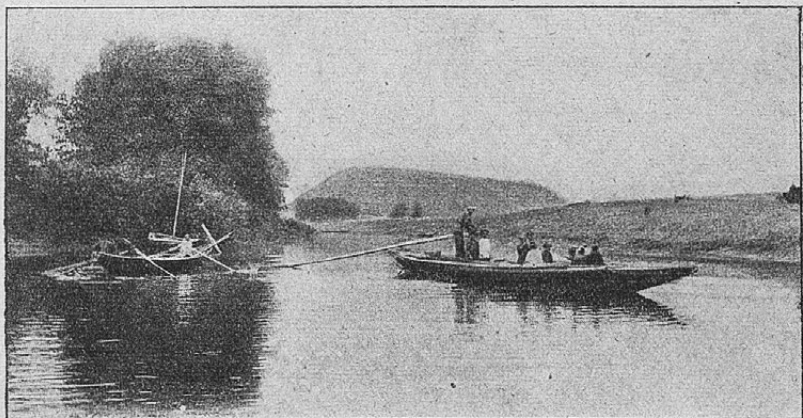
оно на безмятежное счастье двухъ сестеръ-красавицъ.

Даже лѣсъ не подступаетъ сюда, точно ему не хочется заслонять солнцу доступъ къ водѣ...

Вонъ онъ синѣетъ далеко-далеко, отодвигая свою зеленую чащу подальше отъ устья Камы».

Особенно же красива Волга у Жигулевскихъ горъ. Только всхолмленная въ своей сѣверной части, Приволжская возвышенность принимаетъ постепенно въ

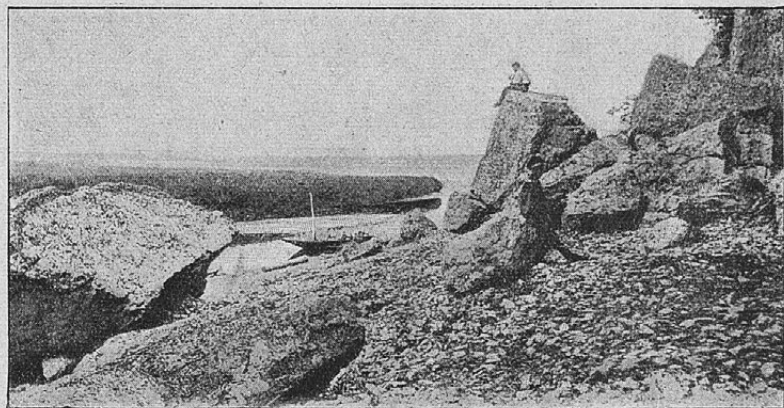
Симбирской губерніи характеръ почти гористой мѣстности. Надъ широкими и глубокими долинами высятся округленныя поднятія, иногда заканчивающіяся холмообразными вершинами, то одиночными, то соединенными въ гряды. Вблизи Ставрополя мѣстность становится все болѣе гористой. Здѣсь начинаются Жигули, или Жигулевскія горы. Непрерывной грядой идутъ онѣ вдоль праваго берега до Самары, гдѣ переносятся и на лѣвый берегъ рѣки, образуя такъ на-

Царевъ курганъ.

зываемыя Самарскія ворота. Горы не особенно высоки; надъ уровнемъ моря наивысшія вершины ихъ поднимаются всего на 160 саж., надъ уровнемъ Волги—на 100 или нѣсколько болѣе сажень. Но и при такой высотѣ приходится закидывать голову, чтобы полюбоваться съ палубы парохода лѣсистыми вершинами. Очертанія горъ волнисты, но иногда выдѣляются причудливые утесы, высящіеся надъ глубокими ущельями, буераками. Отдѣльныя вершины выступаютъ

иногда въ видѣ острыхъ шпигель (Козьи рожки, на-
примѣръ), иногда же носятъ округленные очертанія
(утесъ Лепешка). Наибольшей закругленностью отли-
чается Царевъ курганъ (на лѣвомъ берегу Волги,
гдѣ она, въ Самарской луцѣ, мѣняетъ восточное на-
правленіе на южное). Курганъ имѣетъ настолько
правильную форму, что невольно возникаетъ мысль
объ его искусственномъ происхожденіи, и у народа

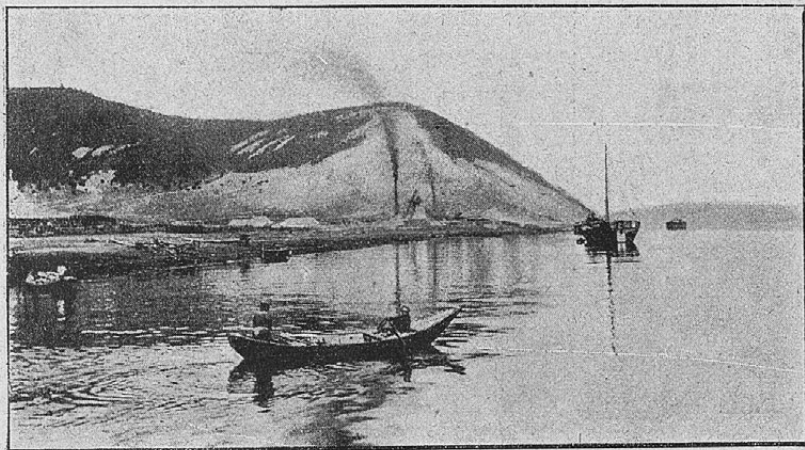

Жигули. Обваль.

сложилась легенда, что курганъ этотъ насыпанъ въ
стародавнія времена несчетнымъ воинствомъ невѣдо-
маго царя. На самомъ же дѣлѣ Царевъ курганъ не
искусственного, а природнаго происхожденія и пред-
ставляетъ собою бугоръ, отрѣзанный рѣчнымъ тече-
ніемъ отъ общей массы Жигулей и затѣмъ сглажен-
ный дѣйствіемъ воды.

Чтобы познакомить съ красой Волги вблизи Жи-
гулей и у нихъ, воспользуемся описаніемъ Немиро-
вича-Данченко.

Около Симбирска Волга замѣтно расширяется. Горы выше и лѣсистѣе. Села уже не на юру, а въ лощинахъ, словно хоронятся отъ чужого глаза. Чуть отойдешь отъ берега подальше — пустыня. Десятки верстъ бѣжить пароходъ вдоль крутого берега, не встрѣчая соломенной кровли русскаго хлѣбопашца. Пусты и безжизненны окрестности, сурово хмурятся высокія горы, раздвигаясь все шире и шире передъ рвущеюся

Ширяево у Жигулей.

на просторъ Волгою... И чувствуется уже, что здѣсь чужая сторона, куда мы зашли поселенцами, и съ которою еще не сжились какъ слѣдуетъ... Другой языкъ, иные народы и обличье чужое.

Зато Волга еще красивѣе, еще раздольнѣе. До Жигулей далеко, но онѣ уже чувствуются. Привольнѣе ложатся разливы рѣки, смѣлѣе ея излучины въ крутоярахъ. Вонъ и мѣловыя горы направо пошли, сверкають на солнцѣ яркою бѣлизною. скаль, только

сверху полуприкрытыя зеленью. Да и зелень какая-то сѣрая, непривѣтливая... Кое-гдѣ горы срѣзаны горизонтально. Зелени пока еще мало и въ логахъ. Точно природа нарочно обрекла безплодію эту мѣловую пустыню, чтобы тѣмъ рѣзче, неожиданнѣе былъ переходъ къ молчаливымъ лѣсамъ Жигулей.

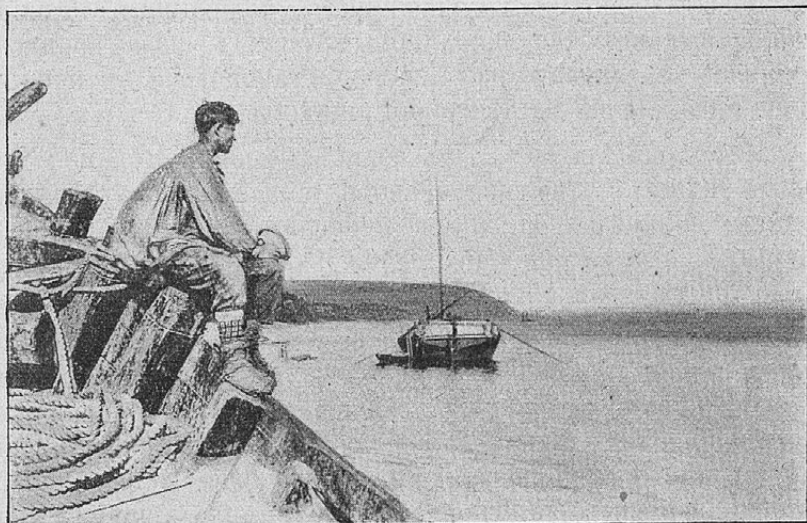
Точно сказочное царство началось. Горные лѣса небо подпираютъ; одна за другою выдвигаются ихъ махровыя вершины, точно рядъ великановъ. Дикія скалы выдвигаются изъ черныхъ гущъ дѣвственнаго дубоваго и липоваго лѣса, переплетающагося въ непроходимыя стѣны частымъ орѣшникомъ...

Пароходъ ползетъ въ тѣни громадныхъ скалъ и горъ. Жутко, — налѣво мрачный обрывъ, направо яркіе блики солнца... За ними исчезаютъ массы Царева кургана, совершенно безлѣснаго. Точно насыпь надъ великаномъ.

Ниже Царева кургана по теченію попадались еще круче громады горъ, еще величественнѣе. Изрѣдка сверху внизъ сползали каменные полосы голой почвы, остальное заполонилъ тотъ же мрачный молчаливый лѣсъ. Часто камень сверху донизу шелъ гребнемъ, словно взрѣзывавшимъ гору. На камняхъ побережья раза три мелькнула сѣрая избушка рыболова или небольшое становище промышленниковъ, обжигающихъ алебастръ. Уже поздно вечеромъ, въ черныхъ щеляхъ между горами стали золотиться огоньки угольщиковъ. Разъ какъ-то раздвинулись горы, и на песчаномъ побережьѣ показались избы затеряннаго въ глуши села. А тамъ опять безлюдье и тишина... Рѣчка бѣжитъ по ущелью, съ громкимъ ропотомъ огибаетъ выступы, пѣнится въ камняхъ и бѣлыми клубами, словно взмыленная, съ разлету кидается въ Волгу сверху, нисколько не волнуя безмятежной русской

красавицы - рѣки. Еще поразительнѣе, когда вполвину высоты горы горизонтально выдвигается изъ лѣсу слой бѣлаго камня. Издали кажется онъ стѣною какой-то старинной крѣпости.

Миновали Жигули и только темными массами обступаютъ онѣ голубые разливы Волги на розовомъ полѣ неба; въ самой дали рисовался еще песчаный

Въ водополе.

бугоръ Царева кургана, а уже вдали блеснула на гребнѣ довольно возвышеннаго берега Самара. Солнце ярко бьетъ въ лѣсной скатъ, массы судовъ, барокъ, расшивъ золотятся внизу, а надъ всѣмъ, и надъ этою красивою рѣкою и надъ этими зелеными горами, рисуются полувоздушными очерками бѣлыя стѣны молодого города, все вырастающаго на горе бѣднѣющему Симбирску.

За Самарой Приволжская возвышенность теряет свой причудливый видъ. Берегъ понижается, холмы принимаютъ все болѣе округленныя формы. Вдали отъ Волги поверхность становится почти равниной, и только края возвышенности, обрывающіеся въ сторону Волги, носятъ иногда скалистый характеръ и вблизи Саратова, напримѣръ, красивы.

Заволжье между Волгой и Камой въ западной своей части является болотистою низменностью, а въ восточной — холмистой страной. Тотъ же холмистый, мѣстами почти гористый характеръ сохраняется и по ту сторону Камы въ ю.-в. части Казанской и с.-в. части Самарской губерніи. Мѣстность здѣсь пересѣчена долинами и оврагами. Отдѣльныя возвышенныя точки достигаютъ до 120, мѣстами даже до 170 саж. надъ уровнемъ моря. Въ средней части Самарской губерніи встрѣчаются лишь невысокіе холмы, и мѣстность все болѣе пріобрѣтаетъ видъ равнинной низины.

II.

За исключеніемъ своей сѣверной части, принадлежащей къ лѣсному пространству, все остальное среднее Поволжье принадлежитъ къ области степей. Рѣзкой границы между лѣсомъ и степью въ немъ, конечно, не замѣчается. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣса успѣли проникнуть вдоль по берегамъ рѣкъ и по возвышеннымъ водораздѣламъ далеко на югъ и достигли, по правой сторонѣ Волги, до г. Царицына и даже нѣсколько далѣе. Впрочемъ, здѣсь они попадаютъ уже очень небольшими, разрозненными участками, такъ что большая часть средняго Поволжья

должна быть причислена къ степной полосѣ. Только сѣверная часть Казанской губ. носить еще чисто лѣсной характеръ, благодаря своимъ обширнымъ, мшистымъ еловымъ лѣсамъ, торфянымъ болотамъ и старымъ сосновымъ борамъ. Лѣса эти клиномъ вдаются вдоль по долинѣ рѣки Суры и въ Сим-

бирскую губернію. Уже въ южной части Казанской губерніи появляются обширныя степныя пространства, луговыя и травяныя болота. Здѣсь лѣса начинаютъ ютиться большей частью по долинамъ рѣкъ да на возвышенныхъ водораздѣлахъ. Сосновые боры рѣдѣютъ, смѣшиваются съ лиственными породами и, наконецъ, совершенно уступаютъ имъ свое мѣсто.

Немного ниже Саратова есть еще нѣсколько небольшихъ сосняковъ, но дальше къ югу они совсѣмъ исчезаютъ. Тогда какъ въ Симбирской губ. еще довольно обширныя пространства покрыты сосной, большая часть лѣсовъ Самарской губ. относится къ смѣшаннымъ или же чисто лиственнымъ. Только извѣстный боръ въ Бузулукскомъ уѣздѣ и нѣкоторые

другіе представляютъ собою чистый соснякъ. Что же касается южной части Самарской губ.; южнѣе рѣки Самары, и почти всей Саратовской, то онѣ отличаются положительно степнымъ характеромъ. Здѣсь появляются уже типчаковыя степи, получившія свое названіе отъ растущаго на нихъ въ изобиліи типчака;

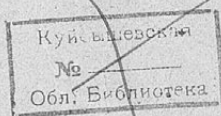
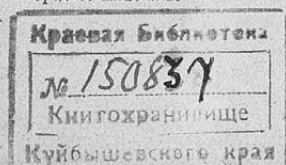

Березовый лѣсъ на черноземѣ (Симб. губ.).

эта трава придаетъ степямъ своеобразную, желтую окраску, такъ какъ она очень рано засыхаетъ.

Попадаются здѣсь довольно обширными площадями и ковыльные степи, получающія, по мѣрѣ приближенія къ югу, свое полное развитіе, особенно въ Астраханской губерніи.

Среднее Поволжье.

Рѣчныя долины средняго и нижняго Поволжья и особенно самой Волги представляютъ замѣчательное богатство и разнообразіе животныхъ формъ. «Нѣтъ мѣстности, — говоритъ профессоръ Богдановъ, — въ Поволжьѣ съ такимъ разнообразнымъ и многочисленнымъ животнымъ населеніемъ, какъ долина Волги. Группировка формъ, скученныхъ въ большомъ числѣ

Лѣсъ на черноземѣ (Симб. губ.).

на маломъ пространствѣ, представляется здѣсь болѣе запутанной, чѣмъ гдѣ-нибудь, что, само собою понятно, зависитъ отъ обилія пищи и естественнаго разнообразія жизненныхъ условій. Поросшій на большомъ протяженіи лѣсомъ, нагорный берегъ волжской долины составляетъ продолженіе лѣсной области, богатой самыми разнообразными породами птицъ.

Лѣвый берегъ долины средней Волги до р. Самары, имѣя въ общемъ такой же лѣсной характеръ, представляетъ гораздо больше разнообразія: раздѣляясь на нѣсколько террасъ, онъ не представляетъ сплошной ровной полосы, а является то поросшимъ чистымъ сосновымъ боромъ (песчаныя — верхняя и средняя — террасы), то покрытымъ мѣстами лиственнымъ лѣсомъ; поэтому всѣ лѣсныя и боровыя птицы и звѣри водятся здѣсь.

Кромѣ лѣсовъ, волжскія террасы и особенно средняя во многихъ мѣстахъ имѣютъ обширныя роскошныя поля, онѣ богаты лугами, нерѣдко заняты озерами и болотами, а потому заключаютъ въ себѣ всѣ условія, благопріятныя не только для болотноводныхъ породъ, но и для жизни и птицъ мелколѣся, ближайшихъ полей и степей. Особенно богаты видами птицъ низовья Волги и ея устье, привлекающія ихъ необыкновеннымъ обиліемъ пищи и удобствами жизни.

Весной и лѣтомъ, съ самаго ранняго утра на отмеляхъ и песчаныхъ косахъ начинается здѣсь крикливая, тревожная дѣятельность. Раздаются звонкіе голоса улитовъ, зуйковъ и другихъ куликовъ, бѣгающихъ по берегу и мелководью; многочисленныя мартышки снуютъ назадъ и впередъ надъ водой; по берегу у самаго урѣза воды сидятъ рядомъ обыкновенныя и серебристыя чайки. Стоянь и хохоть ихъ раздается въ утреннемъ воздухѣ. Каждая неосторожная рыбешка, показавшаяся у поверхности воды, немедленно схватывается которой-нибудь изъ птицъ и подаетъ поводъ къ ссорамъ и крикамъ. Но вотъ на горизонтѣ показывается солнце, и вскорѣ раздается гдѣ-то далеко, въ уремѣ, короткій, рѣзкій крикъ бѣлохвоста.

Немного погодя, появляется и самъ онъ изъ-за деревьевъ. Тихимъ, лѣнивымъ полетомъ облетаетъ

орель рѣку, всматриваясь въ воду, какъ опытный рыбакъ, и, наконецъ, садится на отмели. Въ минуту смолкли крики и драки между ея посѣтителеми. Обсидѣвшись нѣсколько, бѣлохвость, переваливаясь съ боку на бокъ, отправляется къ берегу, заходитъ въ воду по отмели и останавливается неподвижно, въ

Опушка лѣса. Примѣръ смѣшенія лѣсной и степной флоры
Симбирской губ.

ожиданіи добычи. Ни одна рыба, показавшаяся на поверхности, хотя бы за 20 сажень, не ускользаетъ отъ его вниманія. Сильнымъ и легкимъ взмахомъ могучихъ крыльевъ поднимается онъ съ воды и низко летитъ надъ рѣкой къ намѣченной добычѣ; быстро всаживаетъ въ нее когти и тѣмъ же лѣнливимъ полетомъ возвращается къ гнѣзду.

Чаще всего ловить онъ бѣшенку и чехонь, поднимающихся къ поверхности воды.

На ватагѣ рыбаки вытянули первую тоню. Зорко слѣдятъ за ними чайки, вороны, коршуны и проч., ожидающіе своей доли въ добычѣ.

Они знаютъ, что добыча будетъ вѣрная и обильная, благодаря варварскому обычаю волжскихъ рыбаковъ выбрасывать всю «недѣльную рыбу». Какъ только отойдутъ неводчики, начинаются безконечные драки и гвалтъ между чайками, воронами и коршунами изъ-за рыбы. Но какъ только показался бѣлохвость — все смолкаетъ, разлетается въ стороны и, пока онъ насыщается, держится въ почтительномъ отдаленіи, изъ боязни самимъ сдѣлаться его добычей. Къ осени, когда рыба вообще рѣже поднимается къ поверхности воды, и когда ее становится меньше, бѣлохвость принимается за другую охоту. Въ это время въ низовьяхъ Волги появляются безчисленные стада разныхъ утокъ, гусей и лебедей, доставляющихъ ему обильный кормъ».

III.

Какъ ни поздно появился человѣкъ впервые на пространствѣ восточной Россіи, все-таки и эта эпоха отдѣлена многими тысячелѣтіями отъ того времени, о которомъ мы имѣемъ сколько-нибудь достовѣрные свѣдѣнія. Что происходило въ этотъ длинный и темный промежутокъ, для насъ совершенно неизвѣстно.

Только около времени Рождества Христова мы начинаемъ получать о населеніи Россіи сколько-нибудь положительныя или вѣроятныя извѣстія.

Уже въ историческое время на югѣ Россіи выдвинулись тюркскія племена, принадлежавшія къ

обширной Урало-алтайской группѣ народовъ. Родиной ихъ были обширныя степи въ глубинѣ азіатскаго материка, откуда, въ поискахъ лучшаго, и двинулись они на далекій, невѣдомый западъ. Сборы недолги. «Шатры разобраны, телѣги готовы двинуться въ походъ!» И потянулись вереницы кочевниковъ на своихъ маленькихъ, выносливыхъ лошаденкахъ, угадывая направленіе по солнцу, звѣздамъ, а больше всего по тѣмъ неуловимымъ признакамъ, какими руководятся въ своихъ тысячеверстныхъ путешествіяхъ дикіе звѣри и птицы. Кочевыя орды направились къ предуготованному самой природой воротамъ между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ. Они заняли собою все среднее и нижнее Поволжье, Новороссію и докатились до средняго Дуная.

За гуннами (IV вѣкъ), появившимися ранѣе другихъ тюрковъ, послѣдовали булгары, авары (VI в.); затѣмъ владычество на югѣ Россіи переходило поочередно къ хазарамъ (VII — X в.), печенѣгамъ (IX — XI в.), половцамъ (XI — XIII в.).

Всѣ эти волны кочевниковъ, набѣгавшія одна на другую, смели безслѣдно старое осѣдлое населеніе южной Россіи, когда-то кормившее своимъ хлѣбомъ Аѳины.

Усѣвшись на мѣстахъ, каждая изъ ордъ замирялась и устанавливала прочныя отношенія съ сосѣдями. Но едва успѣвали установиться эти отношенія, какъ набѣгала новая волна и безъ слѣда смывала осѣвшихъ; жалкіе остатки кочевниковъ искали спасенія отъ своихъ соплеменниковъ на окраинахъ поселеній и составляли съ пограничными жителями пеструю смѣсь племенъ.

Такъ заселялось среднее и нижнее Поволжье, начиная отъ Нижняго и Казани и кончая Прикаспійскими солончаковыми степями.

Особенно удобенъ былъ сѣверный уголъ нашей области, мѣсто сліянія двухъ громаднѣхъ рѣкъ Волги и Камы. Здѣсь основалось Болгарское царство. Сейчасъ трудно установить границы этого царства, но приблизительно оно охватывало Казанскую, Симбирскую, Самарскую и часть Саратовской губерніи.

Главные города ихъ — Болгарь, или Великій Городъ, Буляръ и др. — находились, приблизительно, въ Чистопольскомъ и Спасскомъ уѣздахъ теперешней Казанской губерніи.

Отъ восточныхъ народовъ болгары позаимствовали магометанскую религію, которую они пытались распространить и на другіе прилегающіе народы, въ томъ числѣ даже на русскихъ славянъ. Послѣ предыдущей кочевой жизни, они перешли къ жизни осѣдлой. Болгары вели оживленные торговые сношенія съ русскими, расселившимися къ тому времени по Днѣпру и верхней Волгѣ.

Мирные переговоры часто прерывались звономъ мечей, воинственные русскіе князья не любили давать своимъ доспѣхамъ покрываться ржавчиной отъ бездѣйствія. Пограбить сосѣдей въ доброе старое время не считалось предосудительнымъ. Но первые же побѣдные походы на болгарскую землю навели русскихъ на размышленіе.

«Они всѣ въ сапогахъ, — докладывалъ послѣ похода Добрыня Владимиру, — эти не будутъ платить намъ дани, поищемъ лапотниковъ», и въ 1006 году князь Владимиръ рѣшилъ заключить съ болгарами торговый договоръ и миръ, «пока камень не начнетъ плавать, а хмель — тонуть».

Но недолго тянулось мирное состояніе для русскихъ и болгаръ. Пришли татары. Стонъ поднялся надъ молодой русской землею.

Батый разорилъ Мордовскую и Болгарскую земли, завладѣлъ почти всею Европейской Россіей и построилъ при помощи болгарскихъ архитекторовъ свой «Сарай» на лѣвомъ берегу Ахтубы, около нынѣшняго Царева, въ низовьяхъ красавицы земли русской — Волги. Степные наѣзники разбросались по всей средней Волгѣ, Уралу и Камѣ. На Яикѣ (Уралѣ) основалась ногайская орда, а Улу-Махметъ, бывший ханъ Золотой Орды, изгнанный оттуда своими братьями, положилъ начало Казанскому царству. Столицу онъ устроилъ себѣ на берегахъ рѣки Казанки.

Кромѣ татаръ, подъ власть Улу-Махмета подпали нынѣшніе жители средняго Поволжья: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, мещеряки и башкиры, входившіе, за исключеніемъ мордвы, въ составъ прежняго болгарскаго царства.

По мѣрѣ того, какъ мѣнялся строй жизни татаръ, въ зависимости отъ перехода ихъ къ осѣдлому образу жизни, измѣнялась и власть хана, раньше неограниченно правившаго кочевниками.

Вокругъ хана сплотились беки и мурзы, представители дворянскаго и княжескаго сословія.

Званіе ихъ было наследственно. Въ ихъ рукахъ сосредоточились большія богатства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе всѣмъ царствомъ. Отъ нихъ зависѣлъ выборъ хана; они имѣли возможность выгнать его, а въ случаѣ нужды даже умертвить. Вслѣдствіе этого на казанскомъ престолѣ за столѣтній промежутокъ времени смѣнилось до 20 владыкъ, при чемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ призывали и прогоняли по нѣскольку разъ. При такихъ условіяхъ положеніе покоренныхъ народовъ было очень тяжелое.

Каждый покоренный народъ долженъ былъ платить ясакъ въ пользу татарскаго дворянства.

Дальновидныхъ московскихъ государей Ивана III, Василия III и Ивана IV давно соблазняли несмѣтные богатства Поволжья. Помимо этого, имъ было очень важно всячески ослабить своего безпокойнаго сосѣда — Казань; поэтому они постоянно подливали масла въ огонь и по мѣрѣ силъ и возможности обостряли столкновенія между отдѣльными татарскими ордами и родами, оказывая помощь тѣмъ ханамъ, которые тянули руку Москвы. Улучая удобные моменты, князья предпринимали походы на неугомонныхъ казанцевъ, но покуда довольно безуспѣшно. Только Ивану Васильевичу Грозному удалось сломить татарскую твердыню и положить начало полному присоединенію Казани къ Москвѣ въ 1552 году.

Къ этому же времени относится основаніе нѣсколькихъ опорныхъ, укрѣпленныхъ пунктовъ для наблюденія и подчиненія Казани.

Къ нимъ, между прочимъ, приходится отнести Васильсурскъ и Свияжскъ.

Одновременно съ Казанью отдались Москвѣ ногаи, которые просили позволенія безпрепятственно ловить рыбу въ Волгѣ и вести торговлю.

Да и башкиры, жившіе по Камѣ, Уфѣ и Бѣлой съ притоками, добровольно предложили платить ясакъ, чтобы избѣжать военныхъ дѣйствій со стороны великаго московскаго государя.

Такимъ образомъ вся средняя и нижняя Волга съ ея разноплеменнымъ населеніемъ и несмѣтными природными богатствами вошла въ составъ русскихъ владѣній.

Одновременно съ присоединеніемъ Поволжья къ Россіи шло и заселеніе его русскими, притомъ заселеніе совершенно своевольное, а не по желанію русскихъ властей. Голодно жилось крестьянамъ во вто-

рой половинѣ царствованія Ивана Грознаго и при Борисѣ Годуновѣ. Всячески утѣсняли ихъ въ родныхъ мѣстахъ, наконецъ, закрѣпостили, взымали слишкомъ тяжелыя подати. Все это заставляло бѣжать съ родины, искать пріюта на новыхъ мѣстахъ, гдѣ никто не посягалъ «на ихъ вольную волю». И потянулась крестьянская «голытьба» въ раздольныя, пустынные пока мѣстности вновь присоединеннаго края.

Съ поразительной быстротой заселялось Поволжье. Еще всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ по волжскимъ берегамъ рыскали татарскіе отряды, русское имя произносилось только съ презрѣніемъ, гордые ханы боролись съ Москвою, истребляли купцовъ. Но не успѣли зарасти травой татарскіе «шляхи», какъ, послѣ покоренія Казани и Астрахани, на горномъ, правомъ берегу Волги, появились русскіе колонисты, а по широкому раздолью ея понеслась удалая, вольная казачья пѣсня.

Нелегко было русскимъ переселенцамъ устраивать свои жилища въ дикомъ, враждебномъ имъ краю.

Одной рукой взрывая землю подъ посѣвъ, а другой не выпуская рукоятки пицали или бердыша, добывалъ первый переселенецъ скудное пропитаніе.

Тяжела была жизненная обстановка, но, видимо, опасные сосѣди, глухія мѣста не пугали поселенцевъ и казались легкими, сравнительно съ тяжестью податного бремени въ центрѣ государства.

Большую поддержку оказала имъ благодатная природа Поволжья.

Величайшая водная артерія всей Европейской Россіи клала свой отпечатокъ и вліяла на всю жизнь области. Обильныя рыбой воды Волги давали пищу и работу прибрежному населенію. Рѣка кормила многое множество людей.

«Теперь Волга обнищала рыбой, и кормилица-рѣка сравнительно скупно вознаграждаетъ трудъ рыболова, но въ XVI—XVII вѣкахъ рыба, — говоритъ Соколовскій, — составляла одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ потребленія, особенно во время постовъ, и была обыкновенной принадлежностью базаровъ.

На берегахъ большихъ озеръ и рѣкъ были расположены слободы рыболововъ, жившихъ почти исключительно продуктами своего промысла...

Естественныя условія того времени были весьма благопріятны для производительности труда, и человѣкъ гораздо легче могъ добыть себѣ необходимыя средства къ существованію, чѣмъ въ какую-либо изъ послѣдующихъ эпохъ русской исторіи».

«Далѣе, — продолжаетъ Соколовскій *), — природа страны давала населенію русской земли богатые средства къ существованію, требуя для ихъ приобрѣтенія, сравнительно, незначительнаго труда. Почва отличалась производительностью, которая можетъ показаться теперь почти невѣроятной. Области по берегамъ Оки давали отъ 20 до 30 зеренъ. Лошади не могли проѣхать черезъ густыя нивы.

Въ новозавоеванныхъ земляхъ между рѣками Волгой и Дономъ шли громадныя пространства земли, покрытыя толстымъ слоемъ жирнаго чернозема...

Лѣса покрывали огромную часть территоріи...

Около Казани водилось множество бѣлокъ, самаго высокаго качества...

Берега сѣверныхъ рѣкъ изобиловали соболями, лисицами, куницами, бобрами, волками и т. п.

*) Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей.

Пчеловодство было распространено повсюду, являясь очень важнымъ подспорьемъ для населенія, но имъ преимущественно занимались въ земляхъ Казанской, Нижегородской, Муромской и др.»

IV.

Новыя владѣнія принесли много безпокойствъ русскому правительству. Инородцы — черемисы, мордва, чувашы — въ 1550 году перешли къ Москвѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы московское правительство убавило ихъ податное бремя, но уже въ 1552 году они заволновались.

Такъ тянулось лѣтъ пять. Затѣмъ наступилъ перерывъ до новаго возмущенія въ 1572 до 1584 г., при чемъ волненія охватили громадное пространство, до самой Сибири. Татары тоже не успокаивались.

Въ первой половинѣ XVII вѣка въ Астраханскихъ степяхъ на смѣну ногайцамъ появился новый народъ — калмыки, вышедшіе изъ Средне-азиатскихъ степей. Въ 1655 году они приняли русское подданство, давъ московскому государю записъ, по которой обѣщались не дѣлать грабежей по Волгѣ, оставить въ покоѣ рыбныя промыслы, не переманивать къ себѣ и не разорять астраханскихъ татаръ, не жечь русскихъ поселеній, ходить на недруговъ государя, не безчестить посланцевъ московскихъ и отъ всѣхъ прежнихъ своихъ неправдъ отстать, — и, тѣмъ не менѣе, калмыки продолжали свои набѣги на русскія поселенія. Еще больше безпокойства причинили русскіе вольные засельники Приволжья, спасавшіеся сюда, какъ уже указано, отъ нужды и отъ ограниченія личныхъ правъ.

Побѣги постепенно достигаютъ огромныхъ размѣровъ.

Бѣглецы, заселившіе юго-восточныя степи отъ Дона до Урала, устроили свой бытъ на излюбленныхъ началахъ вольной казацкой общины.

Вотъ что говоритъ Костомаровъ объ условіяхъ жизни простонародья того времени:

Какъ крестьянинъ, такъ и холопъ, были преданы произволу владѣльца.

Мы не знаемъ никакихъ обезпеченій, которыя бы ограждали какъ того, такъ и другого, отъ этого произвола...

Въ записяхъ на крестьянство писалось, что отдающій себя въ крестьянское званіе позволялъ продать себя и заложить...

Дворянинъ, убившій крестьянина, рѣдко отвѣчаетъ. Самые законы не давали никакого ручательства подвластнымъ въ ихъ тяжбахъ съ господами. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ бояре приговорили: крестьянъ подвергать на судѣ пыткамъ по одному слову владѣльцевъ. Этотъ законъ наблюдался и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ...

Отягощеніе (разными поборами) крестьянъ въ XVII вѣкѣ было столь велико и сборы съ нихъ такъ огромны, что они были принуждены занимать деньги за большою ростъ, разорялись до остатка и, спасаясь отъ битья, разбѣгались...

Злоупотребленія воеводъ и вообще служебныхъ лицъ и дурныя стороны правосудія увеличивали тягостное положеніе жителей.

Воеводы посылались на кормленье; они смотрѣли на свою должность, какъ на доходъ, и сами высказывали этотъ свой взглядъ въ своихъ челобитныхъ (докладахъ).

Суды, находясь въ рукахъ этихъ грабителей, до крайности были продажны. Они открыто продавали

свои приговоры той изъ тяжущихся сторонъ, которая больше дастъ...

Подъ влияніемъ такого внутренняго гражданскаго неурядища побѣги были обыкновенны; въ чело-битныхъ на царское имя жители не боялись грозить правительству тѣмъ, что разбредутся врознь... Царствованіе Алексѣя Михайловича богато разбоями, особенно въ десятилѣтіе передъ появленіемъ Стеньки Разина. Посланы были въ понизовые города Казань, Нижній, Алатырь, Курмышъ сыщики изъ дворянъ; они должны были ловить разбойниковъ и бѣглыхъ.

Въ 1665 году замѣтили, что преслѣдуемые такимъ образомъ удалцы бѣгутъ преимущественно въ низовья Волги; поэтому правительство приказывало воеводамъ городовъ Самары, Саратова, Царицына, Чернаго Яра находиться между собою постоянно въ связи и ловить подозрительныхъ людей - казаковъ. Но правительственныя мѣропріятія не дали желанныхъ результатовъ. За казаками гонялись на Волгѣ и въ степяхъ, а между тѣмъ, «подметныя» письма съ призывомъ къ возмущенію стали распространяться въ самой Москвѣ, въ столичныхъ кабакахъ и «кружалахъ». И вспыхнуло движеніе, которое находило себѣ ярыхъ приверженцевъ, недовольныхъ тяжелыми условіями жизни, въ крестьянскихъ слояхъ.

Народъ сочувствовалъ казацкой голытьбѣ, мечтавшей и неоднократно пытавшейся осуществить свою мечту о перестройкѣ Руси сообразно съ казацкими идеалами.

Стремленія понизовой вольницы вылились въ цѣломъ рядѣ волненій, изъ которыхъ на долю Разинскаго приходится отвести одно изъ очень видныхъ мѣстъ.

Верстахъ въ 15 отъ деревни Банновки, ниже Саратова, между буераками, выходящими къ Волгѣ,

возвышается утесъ, извѣстный подъ названіемъ кургана или бугра Стеньки Разина со слѣдами стараго городища на немъ.

На вершинѣ его не растеть ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободно гуляетъ...
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Изъ людей лишь одинъ на утесъ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ челоуѣка того не забылъ
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался...
И понинѣ стоитъ тотъ утесъ, и хранить
Онъ завѣтныя думы Степана
И лишь съ Волгой одной воспоминаетъ порой
Удалое житіе атамана.

Здѣсь, по преданью, въ одной изъ пещеръ, обитой бархатомъ и украшенной драгоценностями, жилъ знаменитый атаманъ Степанъ Тимоѣевичъ и чинилъ свою расправу, о которой до сихъ поръ поются пѣсни по волжскимъ берегамъ.

На волжскомъ берегу стояло кресло съ насѣчкой изъ слоновой кости, съ котораго Стенька разсматривалъ проходящія суда.

«Только платкомъ, бывало, махнетъ, — судно сейчасъ останавливается; и крикнетъ Стенька зычнымъ голосомъ, чтобъ дань везли къ берегу. Не послушаютъ, свистнетъ, гаркнетъ — и, отколь ни возьмутся, 12 лодокъ съ удалыми молодцами налетятъ на судно — и прощайся купецъ съ добромъ да и съ головой своею».

Саженьяхъ въ 200 отъ бугра Стеньки находится жилище, прозванное Стенькиной тюрьмой, или Дурманомъ.

Здѣсь будто бы Стенька запиралъ въ подземелья захваченныхъ въ плѣнъ.

«Донской казакъ, — говоритъ Семеновъ, — Стенька Разинъ, особенно ненавидѣвшій гнетъ и вліяніе пра-

вѣщихъ и именитыхъ людей, явился выразителемъ настроенія голытьбы и истолкователемъ ея смутныхъ намѣреній.

Собравъ вокругъ себя голытьбу и объявивъ, что пора итти «выводить воеводъ и бояръ», онъ заѣхалъ у Камышина на холмахъ, которые и теперь называются буграми Стеньки Разина. Отсюда онъ пошелъ «гулять» по Волгѣ и Каспійскому морю, нападая на русскихъ купцовъ и воеводъ, отнимая у нихъ товары и пушки, дѣлая набѣги на персидскія владѣнія. Правительство пошло было на уступки, объявивъ прощеніе Разину, если онъ выдастъ пушки и распустилъ свое войско. Послѣдній согласился и возвратился домой на Донъ.

Но голытьба снова стала стекаться къ нему отовсюду и рассказывать про горькую долю бѣдноты на Руси.

Тогда Разинъ съ 10.000 войска снова двинулся на Волгу, объявивъ, что уничтожить всякую власть, а также «царскихъ богомольцевъ» (духовенство) и вездѣ ввести вольное казачество. Народъ повсюду встрѣчалъ его любовно, какъ смирителя «нашихъ лиходѣевъ», называлъ его своимъ «батюшкой», кланялся ему въ землю, сдѣлалъ его героемъ своихъ пѣсень.

Приволжскіе инородцы, не вполне еще умиротворенные и также немало страдавшіе отъ злоупотребленій русскихъ служилыхъ людей, охотно приставали къ нему, увеличивая собой его войско. Города вверхъ по Волгѣ одни за другимъ сдавались Разину. Бунтъ разлился до Оки, Камы и Урала»...

Разинъ былъ разбитъ подъ Симбирскомъ и казненъ въ Москвѣ.

Послѣ Разина пошли «башкирскіе бунты». Порядки на Руси были прежніе, и недовольство постоянно прорывалась въ той или иной формѣ.

Населявшіе Поволжье инородцы и русская голытьба представляли очень беспокойную среду. Вся эта масса еще разъ дала себя очень сильно почувствовать во второй половинѣ XVIII вѣка, проявившись въ небываломъ еще по своей силѣ народномъ движеніи, извѣстномъ Пугачевскомъ бунтѣ.

Это движеніе также разлилось, главнымъ образомъ, по области средняго и нижняго Поволжья.

31 іюля 1774 года Пугачевъ, на другой день послѣ выступленія изъ Саранска (Пензенской провинціи), обнародовалъ слѣдующее воззваніе, заставившее радостно биться всѣ крѣпостныя сердца:

«Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностью и свободою вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и соляными озерами безъ оброку и безъ покупки и освобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ-дворянъ и гражданскихъ мздоимцевъ-судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніемъ и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ прописанныхъ злодѣевъ-дворянъ странствіе и немалыя бѣдства».

Въ этомъ указѣ было все, чего жаждалъ, къ чему тяготѣлъ всею своею подавленной душою тогдашній подневольный русскій крестьянинъ. Пугачевъ обѣщалъ ему уничтоженіе всѣхъ тяготъ и щедрое надѣленіе землею, поэтому, гдѣ только появлялись пугачевскія полчища, тамъ немедленно вспыхивало волненіе.

Громадное число крѣпостныхъ ждали Пугачева какъ избавителя, съ жадностью читали манифесты, обѣщавшіе не только осьмиконечный (старовѣрческій) крестъ (онъ одинъ приманилъ бы далеко не всѣхъ), но также жалованіе землями, рѣками и другими вольностями.

Но какихъ громадныхъ размѣровъ ни достигло народное возстаніе, рано или поздно его беспорядочныя полчища должны были уступить лучше вооруженнымъ регулярнымъ войскамъ.

V.

Пугачевъ былъ казненъ. Движеніе его уничтожено. Такъ кончились попытки крестьянъ добиться освобожденія собственными силами. Конецъ XVIII столѣтія былъ рѣшительнымъ моментомъ въ исторіи крѣпостного права. Къ этому времени закрѣпощеніе достигло своего высшаго предѣла, дальше ему уже некуда было итти, и оно, хотя медленно, но безостановочно стало сокращаться, покуда, наконецъ, манифестъ 19 февраля 1861 года не покончилъ навсегда съ юридической зависимостью крестьянъ отъ помѣщиковъ и прочихъ собственниковъ.

Крестьянство стало свободнымъ, но его имущественное положеніе не измѣнилось къ лучшему. Благополучіе крестьянскаго сословія вообще и нашей области, т. е. Казанской, Симбирской, Самарской и Саратовской губерніи, въ частности падаетъ.

Въ общемъ, къ 1897 г. недоимки въ нашемъ краѣ почти вдвое превысили размѣры годового оклада, достигши 35 милліоновъ рублей (по Саратовской губерніи она нѣсколько превысила годовой окладъ, по

Симбирской достигла почти двойного размѣра годового оклада, а по Самарской и Казанской — тройного и болѣе, чѣмъ тройного).

Недоимки растутъ съ невѣроятной быстротой. За какихъ-нибудь 10 лѣтъ, съ 1888 года по 1897 годъ, по свѣдѣніямъ департамента окладныхъ сборовъ, Симбирская губернія увеличила свою недоимку въ 6 разъ, остальные губерніи нашей области дали увеличенія только въ два раза.

Вся эта недоимочность должна быть отнесена почти всецѣло на долю сельскаго населенія. Самой крупной группой по окладнымъ платежамъ является сельское сословіе, несущее на себѣ $121\frac{1}{3}$ милліоновъ рублей, составляющихъ 86% или выше $\frac{6}{7}$ частей общаго окладнаго обложенія имперіи въ $141\frac{1}{4}$ милліоновъ рублей. И только около $\frac{1}{7}$ части распредѣляется, почти поровну, между двумя прочими категориями: частныхъ землевладѣльцевъ $9\frac{3}{4}$ милліона рублей (6,9%) и городскихъ жителей — 10,1 милліона рублей (7,1%).

Въ нашихъ же 4 губерніяхъ сельское населеніе составляетъ 0,9 всего населенія, распредѣляясь слѣдующимъ образомъ:

	Городское.	Сельское.
Казанская	8,5%	91,5%
Симбирская	7%	93%
Самарская	5,8%	94,2%
Саратовская	13,2%	86,8%.

Это сельское населеніе, составляющее, такимъ образомъ, громаднѣйшую долю населенія Поволжья, не выходило изъ долга правительству.

По свѣдѣніямъ департамента окладныхъ сборовъ, за цѣлое десятилѣтіе, съ 1888 по 1898 г., нѣтъ ни

1897-98

одного года, чтобы какая-нибудь губернія не задолжала правительству, а при настойчивомъ взысканіи недоимокъ трудно объяснить эту неисполнительность однимъ только уклоненіемъ отъ платежа повинностей.

Н. Бржескій въ своей книгѣ «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» (стр. 315) говоритъ, что въ Самарской губерніи полиція принуждаетъ сельскія общества отбирать надѣлъ у недоимщиковъ, и такимъ образомъ совершается на законномъ основаніи обезземеленіе массы крестьянъ.

За время 95 — 96 гг., по его словамъ, отобрано надѣловъ за неплатежъ недоимокъ болѣе 30 тысячъ десятинъ. По выраженію одного корреспондента, взысканіе податей усиленно рѣзкое. Случаи принудительной продажи крестьянскаго скота (говорится въ Сельскохозяйственномъ обзорѣ за 95 — 96 гг., стр. 130 — 137) упоминаются довольно часто. «Даже куры не избѣгли участи принудительной продажи».

Велика нужда вообще, но въ голодные годы она достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Исканіе выхода изъ нея принимаетъ подчасъ уродливыя формы. Художникъ слова, Маминъ-Сибирякъ, въ своей бытовой картинкѣ изъ жизни голодающаго населенія «Счастливый Аблай» очень живо передаетъ настроеніе крестьянской массы. Крестьяне изловили конокрада Аблая. Дѣло было въ 1892 году; все благословенное Зауралье было охвачено голодомъ, и особенно пострадала Башкирія, гдѣ и въ нормальные годы населеніе голодало каждую зиму. Когда, послѣ прочтенія протокола, предсѣдатель суда спросилъ Аблая, признаетъ ли онъ себя виновнымъ, башкирь отвѣтилъ съ особенной торопливостью: «Ашаты хочу»... (ѣсть хочу.) Свидѣтели крестьяне начинали свои показанія одной и той же фразой. «Мы къ этому непричинны, потому какъ вся округа пухнетъ съ голоду...

Изнищали вконецъ... Скотинку, которую пораспродали, которую сами прикололи».

О кражѣ всѣ отказывались давать показанія, отзываясь незнаніемъ.

Подсудимый былъ спокоенъ и улыбался все время, закрывая ротъ рукою.

Судебный приставъ гнѣвно пожималъ плечами. Прокуроръ выходилъ изъ себя, видя, что вѣрное обвиненіе уплываетъ изъ-подъ пальцевъ. Защитникъ смотрѣлъ разочарованно, такъ какъ лишился возможности проявить свое краснорѣчіе. Судъ былъ сбить съ толку, пока одна баба не провралась.

— А кто васъ научилъ, Матрена Мошкина, показывать теперь совсѣмъ другое, чѣмъ у слѣдователя? — спросилъ неожиданно прокуроръ.

— Вѣстимо, дѣдушка Тимошей... Аблайка-то, грить, хочеть, на всю зиму на казенные хлѣба въ острогъ попасть, а мы, грить, его не пустимъ. Пусть, грить, лучше самъ на волѣ съ голоду подохнетъ... Ужъ ежели наши крестьяне голодаютъ, такъ башкириш-камъ-то безъ смерти — смерть.

Присяжные вынесли Аблаю обвинительный приговоръ. Аблай счастливо улыбался. Свидѣтели качали головами, а дѣдушка Тимошей грозилъ ему вслѣдъ кулакомъ. «Вотъ счастье-то дармоѣду».

Къ счастью, голодовка не стала еще обычнымъ состояніемъ Поволжья. Въ средніе годы самая богатая изъ губерній Поволжья — Самарская — добываетъ на человѣка болѣе 25½ пудовъ хлѣба. Для питанія человѣка достаточно 20 пудовъ въ годъ, слѣдовательно, по Самарской губерніи получается 5½ пудовъ излишка на cadaго человѣка.

Конечно, не нужно думать, что Самарская губернія и съѣдаетъ этотъ излишекъ.

Если вы подъѣзжаете въ вагонъ Самаро-Златоустовской желѣзной дороги къ Самарѣ, то васъ поражаетъ громадное количество многоэтажныхъ амбаровъ, предназначенныхъ для ссыпки хлѣба. Здѣсь лежатъ тысячи пудовъ, которые отправляютъ во всѣ концы Россіи и другихъ государствъ и водою и сухимъ путемъ. Столица Поволжья, Саратовъ, тоже ведетъ крупную хлѣбную торговлю. Противъ Саратова растянулась по лѣвому берегу Волги, собственно по

ея рукаву, Сазанкѣ, Покровская слобода. Если взглянуть съ рѣки на линію громадныхъ хлѣбныхъ амбаровъ, растянувшихся на полверсты въ три ряда по берегу Сазанки, да на сосѣднюю съ ними площадь, сплошь обставленную каменными зданіями мѣстныхъ тузовъ, то всякій заѣзжій человекъ сразу придетъ къ заключенію, что Покровская слобода изобилуетъ коммерческими людьми и крупными капиталами. Вмѣстимость этихъ амбаровъ восходитъ до 20 милліоновъ пудовъ. Изъ этого можно заключить, какъ

велики обороты Покровской слободы. Почти въ теченіе всего года, помимо ея собственныхъ торговцевъ хлѣбомъ, она бываетъ полна прїѣзжими покупателями-комиссіонерами. Они прїѣзжаютъ сюда и изъ балтійскихъ портовъ, и изъ Варшавы, Москвы, Нижняго и другихъ мѣстъ.

Но если Самарская губернія даетъ все-таки излишекъ, то этого нельзя сказать объ остальныхъ нашихъ губерніяхъ. Казанская не добираетъ полтора пуда на душу, Саратовская около трехъ пудовъ (2,8), а Симбирской еще нужно на душу пять съ половиной пудовъ хлѣба.

По поводу этихъ недобираемыхъ пудовъ хлѣба, мнѣ вспоминается посѣщеніе Тетюшей, небольшого уютнаго городка на правомъ гористомъ берегу Волги. Пара крѣпкихъ лошадокъ съ видимымъ усиліемъ подымали отъ пристани легкую телѣжку съ двумя сѣдоками. Я былъ въ студенческомъ кителѣ.

Ямщикъ-татаринъ долго вертѣлся на козлахъ и, наконецъ, спросилъ:

— А что, баринъ, курмить насъ будешь?

Я удивился.

— Бульно хлѣба мало!

А то былъ обычный 1902 годъ.

Оказывается, что онъ принялъ меня за представителя Краснаго Креста, который почти каждый годъ имѣетъ здѣсь свое отдѣленіе.

Въ Мелекесѣ, Самарской губ., податной инспекторъ рассказывалъ мнѣ, что ему пришлось объѣзжать весной свой районъ съ цѣлью выяснитъ виды на урожай, и въ одномъ башкирскомъ селѣ съ ободранными крышами и развалившимися хатами на вопросъ объ урожаѣ ему мрачно отвѣчали:

— Скоро большой башкирь малый башкирь (своихъ дѣтей) апать будетъ.

И такихъ селъ немало.

Помню, какъ поѣздъ узкоколейной дороги неся меня не спѣша отъ Мелекеса къ Симбирску, и это мнѣ дало возможность вполне насладиться чудной природой.

Былъ прелестный день. Іюльское солнце щедро лило свои лучи на безконечныя поля, разстилавшіяся по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна и засѣянные подсолнечниками.

Вся площадь казалась какъ въ золотѣ. Подсолнечникъ былъ въ цвѣту; это былъ тотъ моментъ, когда граціозное растеніе, страшно истощающее почву, распустило свою желтовато-золотистую въ бахромѣ шапку и, еще не отяжелѣвшее отъ назрѣвающихъ зеренъ, гордо смотрѣло въ чистую лазурь безоблачнаго неба и жадно вдыхало палящіе лучи іюльскаго полуденнаго солнца.

Тихій вѣтерокъ и движеніе вагона не давало глазамъ останавливаться на подробностяхъ картины, и все поле казалось какимъ-то сплошнымъ золотымъ моремъ; лишь мѣстами перерѣзалось оно пятнами овраговъ и изумрудной зеленью небольшихъ перелѣсковъ.

Вдали синѣла Волга, а на горизонтѣ сверкали кресты и крыши Симбирска.

Если ѣхать отъ Уфы къ Пензѣ, то мѣстность носить другой характеръ. Безконечныя степи покрыты ковылемъ; на степномъ просторѣ пасутся табуны полудикихъ лошадей. Здѣсь онѣ проводятъ почти цѣлое лѣто. Затѣмъ ихъ гонять куда-нибудь на ярмарку, опять-таки цѣлыми табунами, и покупатель можетъ только издали осматривать и выбирать себѣ коня. Когда онъ остановится на какой-нибудь лошади, тогда конюха бросаются въ табунъ съ само-

дѣльными арканами въ рукахъ. Безъ этого приспособленія свободолюбивый степнякъ не дается въ руки. Эти лошади совсѣмъ не похожи на своихъ собратьевъ въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ. Шерсть на нихъ очень оригинальная. Мать-природа не пожалѣла красокъ на свое четвероногое дѣтище. Вся лошадь покрыта разнообразными пятнами крупныхъ размѣровъ, которыя рѣзко выдѣляются на основномъ фонѣ масти. Разноцвѣтные глаза тоже не рѣдкость.

VI.

Кромѣ этихъ табуновъ, разнообразять степное раздолье не особенно густо раскинутыя селенія. По мѣстнымъ причинамъ, вѣроятно, укрываясь отъ суровыхъ вѣтровъ, а также въ поискахъ за водой, населеніе попрягало свои жилища въ складкахъ мѣстности. Вы почти не встрѣтите деревень, расположенныхъ по возвышеніямъ. Въ большинствѣ случаевъ дома тянутся по лощинамъ и теченію какой-нибудь рѣчки. Вышній обликъ напоминаетъ обычную великорусскую деревню, только острый шпиль и полумѣсяцъ мечети на высокой башнѣ минарета подчасъ рѣжетъ непривычный глазъ жителя средней Россіи. Есть селенія, гдѣ почти не видно церквей. И это даже тамъ, гдѣ нѣтъ мечетей и жители не принадлежатъ къ мусульманскому вѣроисповѣданію. Это значитъ, что живутъ здѣсь сектанты, которыми изобилуетъ эта часть Россіи. Начиная со временъ Алексѣя Михайловича, когда возникъ расколъ старообрядчества, въ Поволжьѣ стали скрываться разные отступники отъ чистаго православія.

Въ началѣ XVIII вѣка волжскіе скиты сдѣлались разсадниками раскола. Преслѣдуемые правительствомъ раскольники были настроены враждебно по отношенію

къ нему и приняли очень дѣятельное участіе въ Пугачевскомъ движеніи. Отъ пугачевщины они ждали возвращенія къ старой вѣрѣ и разрушенія царства антихриста на землѣ. Надъ шатромъ Пугачева развѣвалось бѣлое знамя съ восьмиконечнымъ крестомъ, а онъ

Крестьяне (русскіе) Симбирской губ.

самъ обѣщалъ ихъ пожаловать крестомъ и бородою. Пугачевщина была послѣднимъ актомъ, когда расколъ дѣйствіемъ выразилъ свое сопротивленіе власти. Съ самаго начала раскола въ XVI вѣкѣ постоянно принимались мѣры къ борьбѣ съ расколомъ. Мѣры эти были

и мирнаго и принудительнаго характера. Но всѣми этими мѣрами не удалось добиться искорененія раскола, который пустилъ сильныя корни и въ нашей области.

Основное населеніе области составляютъ великоруссы. Они превосходятъ все инородческое населеніе края почти въ два раза, то-есть равняются шести

Русская деревня (Симбирской губ.)

милліонамъ или $\frac{2}{3}$ отъ 9 милліоновъ. Русская колонизація началась здѣсь во второй половинѣ XVI в. раздачей правительствомъ помѣстій и вотчинъ русскимъ служилымъ людямъ въ нынѣшнихъ Казанской и Симбирской губ. и переселеніемъ въ эти помѣстья ихъ новыхъ владѣльцевъ съ ихъ крѣпостными людьми. Но гораздо большее количество переселенцевъ явля-

лось на Волгу на свой рискъ и страхъ. Это были, какъ мы говорили уже, люди, искавшіе житья подальше отъ власти и господъ, главнымъ образомъ, крестьяне, дворовые, которыхъ одолѣло непосильное бремя государственныхъ и помѣщичьихъ налоговъ. Всѣ эти бѣглецы, не помнящіе родства, воровскіе казаки и понизовая вольница, а также сектанты разныхъ толковъ, среди широкаго раздолья своеобразно дикой и богатой природы превратились въ отважное, смышленное и полное жизни населеніе.

Разновременный наплывъ въ Поволжье переселенцевъ изъ разныхъ частей Россіи вызвалъ въ приволжскомъ великоруссѣ отступленія отъ типа великоруссовъ двухъ сосѣднихъ, болѣе коренныхъ великорусскихъ областей. Не осталось безслѣднымъ для этого типа и продолжительное сосѣдство его съ финско-тюркскими племенами. Если само великорусское племя представляется смѣшаннымъ, то здѣсь, въ среднемъ и нижнемъ Поволжьѣ, славяно-финская основа была измѣнена еще разъ новымъ притокомъ инородцевъ, не только финской, но и татарской крови.

По вычисленіямъ профессора Анучина, вліяніе инородческаго населенія сильно сказалось на среднемъ ростѣ новобранцевъ. Чѣмъ ближе къ Казани, чѣмъ дальше отъ Астрахани, тѣмъ ростъ новобранцевъ становится ниже, и самая инородческая губернія—Казанская—отличается самымъ малымъ среднимъ ростомъ.

Еще при Екатеринѣ II пришли въ Поволжье нѣмцы и малороссы — солевозы; послѣдніе появились даже раньше, около второй половины XVII вѣка. Расселились они только въ Самарской и Саратовской губерніяхъ. Интересно опредѣлить тѣ измѣненія, которыя потерпѣли въ Поволжьѣ германское племя и малороссы. Перемѣны эти безспорно бросаются сразу

въ глаза и далеко не въ пользу тѣхъ и другихъ, пишетъ Маликовъ, авторъ «Края безъ будущаго» (такъ называетъ онъ волжскія степи). Какъ нѣмцы, такъ и малороссы безусловно вырождаются, утрачивая тѣ симпатичныя культурныя черты, которыя были свойственны имъ прежде. Добродушіе, мягкость и какая-то особенная поэтическая нѣжность, замѣтная даже въ рѣчи настоящаго малоросса, уже исчезли изъ сердца хохла-переселенца. Онъ заразился сквернословіемъ, пронырливостію и страстію къ безцеремонной наживѣ, маклачеству и всѣмъ соединеннымъ съ ними некрасивымъ приемамъ. Даже лицо его измѣнилось къ худшему: оно огрубѣло, утратило свой добродушно-лѣнивый казацкій видъ и обросло бородою; нигдѣ не увидишь цвѣтовъ на головѣ дивчатъ или малорусскаго костюма; вконецъ сгилла и малороссійская пѣсня. Вообще, здѣшній хохоль утратилъ даже память о своей прекрасной Украинѣ. Онъ ничего не знаетъ о своемъ прошломъ. Несмотря на давнюю жизнь среди великорусскаго населенія, хохоль не утратилъ лишь своего языка. Почти та же участь постигла и мѣстныхъ нѣмцевъ. Они порастеряли почти все свое лучшее, а съ русскимъ населеніемъ тоже не сжились. Полтора ста лѣтъ и болѣе живутъ нѣмцы и хохлы въ самой глубинѣ Россіи и ведутъ свою жизнь совершенно особнякомъ. Они женятся только на своихъ, они и въ гости ходятъ почти только къ своимъ же; вся ихъ внутренняя жизнь ведется только между своими. Потому хохоль до сихъ поръ смотритъ недовѣрчиво, словно боится, что его задѣнутъ или обидятъ, а нѣмецъ считаетъ себя высшей расой и съ презрѣніемъ отворачивается отъ мужика, если только не видитъ отъ него какой-либо выгоды. По религіи нѣмцы принадлежатъ частью къ лютеранамъ и протестантамъ, частью католики.

VII.

Средоточіемъ инородческаго населенія въ краѣ является Казанская губернія. Число инородцевъ здѣсь равняется одной трети всего населенія области. Самымъ многочисленнымъ нерусскимъ племенемъ въ

Поволжѣ вообще, а въ Казанской губерніи въ частности являются татары.

Они достигаютъ 1.200.000—1.300.000 чело-вѣкъ, живутъ во всѣхъ губерніяхъ области, но главнымъ образомъ, въ Казанской, гдѣ ихъ болѣе половины общаго числа татарскаго населенія края. Татары

должны быть признаны самыми красивыми изъ всѣхъ здѣшнихъ инородцевъ. Сложены они хорошо: ростъ средній, широкія плечи, высокая грудь и толстая короткая шея обнаруживаютъ силу, здоровье и крѣпость; продолговатый овалъ лица, пропорціональный прямой носъ, умные, выразительные черные глаза съ правильнымъ разрѣзомъ и клинообразная негустая борода придаютъ типу татарина красоту, общая гармонія которой нѣсколько нарушается слегка выдаю-

щимися скулами и толстыми губами. Татарки красивыя собою также не рѣдкость, но, къ сожалѣнію, многія изъ нихъ портятъ свою красоту: густо намазываютъ лица бѣлилами и румянами, сурмятъ брови и рѣсницы, чернятъ зубы и красятъ ногти.

Одежда татаръ чисто восточная. Теплыя страны, откуда пришли татары, не позволяли носить тѣснаго платья, поэтому все на татаринѣ и на татаркѣ свободно, широко и своеобразно.

Что касается до жилищъ, то они напоминаютъ собою случайно разбросанный таборъ. Нѣтъ никакой правильности въ размѣщеніи построекъ. Улицы кривыя, косыя, дома не выходятъ на улицу, а прячутся, по восточному обычаю, во дворѣ около забора вмѣстѣ съ другими домашними постройками.

Пища татаръ несравненно лучше, чѣмъ у русскихъ. У послѣднихъ въ массѣ населенія мясо появляется по большимъ праздникамъ, тогда какъ за татарскимъ столомъ не рѣдкость встрѣтить баранину, козлятину и рѣже конину. Свиное мясо запрещается ихъ религіей, кораномъ. Вино тоже запрещенный плодъ; воздержаніе отъ вина благопріятно отзывается на народномъ благосостояніи, хотя татары далеко не безукоризненно выполняютъ эту статью своего закона.

Въ своихъ занятіяхъ татары рѣзко отличаются и отъ русскихъ и отъ другихъ инородцевъ. Всѣ они совершенно чужды хлѣбопашеству и охотно уступаютъ эту работу чувашамъ или русскимъ. Они сдаютъ землю въ аренду, исполу, за снопъ, то-есть русскій пашеть, сѣять, убираетъ, молотить хлѣбъ, а татаринъ является только къ раздѣлу. Но зато, пренебрегая земледѣліемъ, татаринъ всю душу свою отдаетъ торговлѣ. Достаточно татарину сколотить нѣсколько рублей, и ужъ онъ бросается въ торговлю. Покупаетъ, продаетъ, мѣняетъ, занимается извозомъ,

пчеловодствомъ, содержаніемъ постоянныхъ дворовъ, нанимается въ приказчики, половые и такъ далѣе. На волжскихъ пристаняхъ вы нерѣдко встрѣтите татарина въ качествѣ грузчика, носильщика, гребца-перевозчика. Занимаясь этой далеко не легкой работой, онъ обнаруживаетъ большую ловкость, честность

въ исполненіи работы и громадную физическую силу; его стальной позвонокъ выдерживаетъ кули до 15—18 пудовъ вѣсомъ. Наряду съ татарами, надрывающимися надъ работой, въ Казани насчитывается немало татаръ, состояніе которыхъ доходитъ до милліоновъ. А чѣмъ богаче татаринъ, тѣмъ больше у него женъ и тѣмъ старательнѣе скрываетъ онъ ихъ отъ нескромныхъ постороннихъ взоровъ. Не только чужіе, но даже ближайшіе родственники не должны видѣть ихъ лица.

Татары исповѣдуютъ религію Магомета. Общественныя моленія происходятъ въ мечетяхъ. О будущей жизни понятія магометанъ таковы: они вѣрятъ въ такъ называемый намогильный судъ, совершаемый ангелами въ ту самую минуту, когда трупъ опускается въ могилу. Этотъ судъ очень похожъ на еврейскій.

У праведнаго душа отдѣляется отъ тѣла легко, у грѣшнаго же она выбирается съ трудомъ и конвульсіями. Еще до страшнаго суда души павшихъ воиновъ живутъ въ раю, прочіе скитаются надъ могилами, какъ духи, являясь живымъ во снѣ, вслѣдствіе чего татары дѣлають по усопшимъ частыя поминки. Въ день погребенія родные не употребляютъ ни пищи ни питья. По прошествіи трехъ дней мулла, знакомые

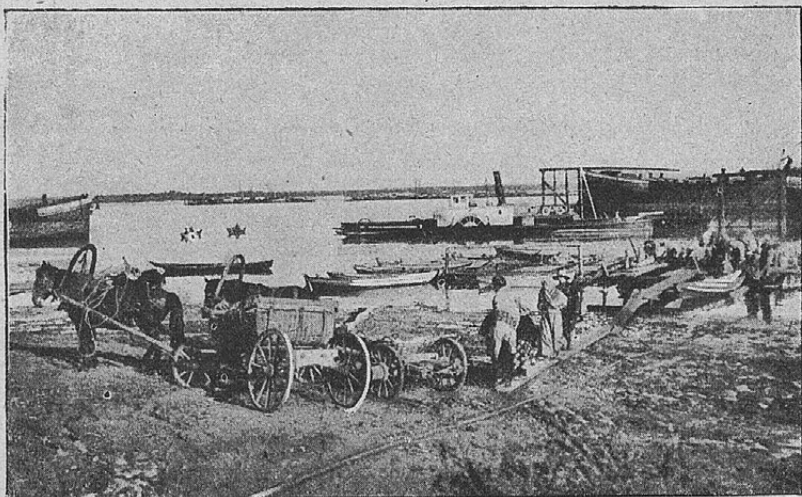

и родственники приглашаются на обѣдъ. То же бываетъ на 7, 40 день и черезъ годъ. Поминанія состоятъ въ томъ, что мулла (священникъ) ежедневно и даже по нѣскольку разъ въ день читаетъ на дому коранъ, что продолжается шесть недѣль, такъ же, какъ и раздача милостыни.

Благодаря магометанской религіи, у татаръ есть письменность, вслѣдствіе чего татары стали по своему развитію выше всѣхъ прочихъ инородцевъ. Об-

учають у татаръ муллы и ихъ жены. Они учать дѣтей не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ. Начальное образованіе достаточно распространено между татарами: мало найдется даже женщинъ, которыя бы не умѣли читать и писать по-татарски.

Но если татары производятъ благопріятное впечатлѣніе своимъ развитіемъ, трезвостью, честностью и другими хорошими качествами, то нельзя того же

сказать о чувашахъ. Умъ чувашина находится въ первобытномъ состояніи. Чуваши охотно учатся и довольно воспримчивы къ усвоенію знаній, но до сихъ поръ еще очень мало развиты. Серьезнымъ недостаткомъ чувашъ является большая склонность къ пьянству. Внѣшность чувашина не привлекательна. Ростъ небольшой, тѣлосложеніе слабое, походка тяжелая, съ переваливаніемъ, лица блѣдныя, видъ апатичный. Отличительныя черты — выдающіяся скулы,

узкій разрѣзь глазъ, низкій покатый лобъ, смуглый цвѣтъ кожи, каріе и черные глаза и темнорусые волосы. Женщины еще болѣе некрасивы: тѣлосложеніемъ онѣ похожи на мужчинъ, а узкій разрѣзь глазъ, выдающіяся скулы и неуклюжая походка у нихъ еще болѣе рѣзко выражены. Главнымъ занятіемъ, въ противоположность татарамъ, служитъ земледѣліе. Способъ пользованія землею общинный, но передѣлы бываютъ рѣдко. Второстепенныя занятія — пчеловодство, охота, извозъ, бурлачество и нѣкоторые кустарные промыслы: плетеніе рогожъ, кулей, лаптей, изготовленіе телѣгъ, саней, гнутой мебели и др. Языкъ чуваша сходенъ съ татарскимъ. Чувашскія жилища отличаются страшной нечистоплотностью. Главную и любимую пищу чувашъ въ прежнее время составляло лошадиное мясо.

Въ послѣднее время, впрочемъ, мясная пища начинаетъ уступать мѣсто мучной.

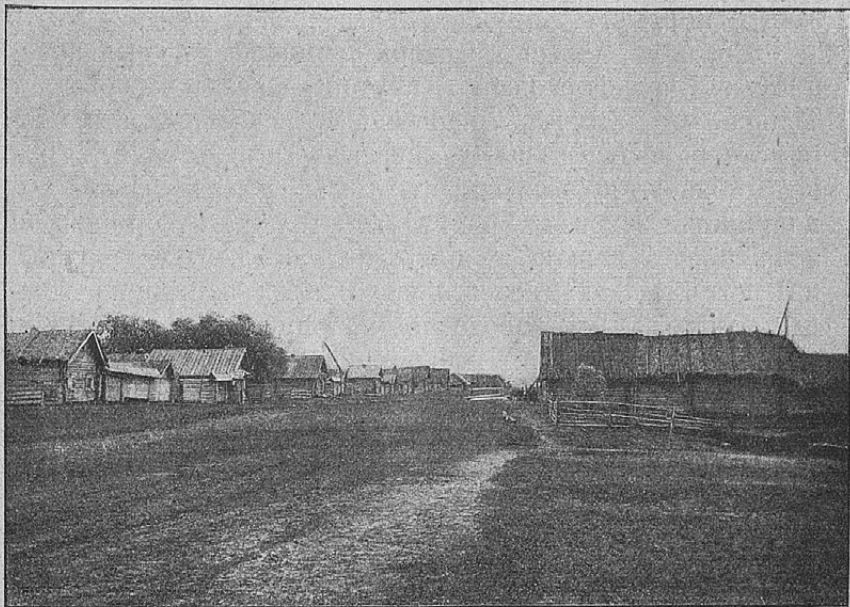
Невысокое умственное развитіе чувашъ должно было отразиться и отразилось на религіозномъ мірѣ чувашина. Чувашинъ обоготворилъ силы природы и придалъ имъ полубожескія, получеловѣческія свойства и качества. Домовые, водяные, лѣшіе, русалки нашего великорусса повторяются въ религіи казанскаго инородца только подъ другими названіями. Всѣхъ боговъ чувашъ подѣлилъ на добрыхъ (тора) и злыхъ (шайтанъ). Посредниками между двумя главными богами является цѣлый рядъ второстепенныхъ боговъ, добрыхъ и злыхъ. Къ числу добрыхъ боговъ принадлежать: богъ свѣта и тепла, творецъ душъ, богъ солнца, богъ мѣсяца, богъ грома и молніи, богъ вѣтра, богъ, управляющій судьбой человѣка, и его помощники, надѣляющіе людей счастьемъ или несчастьемъ, богатствомъ или бѣдностью и т. д. Къ

добрымъ же относятся богъ плодородія, домовый, хранитель лѣсовъ, блюститель полей, покровитель скотнаго двора и многіе другіе. Всѣ эти боги, по представленію чувашъ, имѣютъ женъ и дѣтей. Что касается до злого начала, то оно не сразу распространилось на землѣ. Однажды старшій сынъ добраго бога Кереметь разъѣзжалъ въ колесницѣ на бѣлыхъ коняхъ, повсюду водворяя довольство. Злые люди, подѣ влияніемъ винныхъ паровъ, убили его, тѣло сожгли и прахъ разсѣяли по воздуху. Изъ каждой пылинки праха возникло злое божество, которое, размножившись путемъ бракосочетаній, населило почти всю землю, каждый кустъ, каждый оврагъ, каждую деревню.

Въ настоящее время большая часть чувашъ уже крещена (язычниковъ не болѣе 2 на 100 человекъ), но въ то же время христіанскія представленія перепутались у нихъ съ прежними языческими. Разныя качества своихъ старыхъ боговъ чуваша перенесли на христіанскихъ святыхъ. О Христѣ чувашъ имѣетъ крайне смутное представленіе: для него Никола-чудотворецъ, котораго онъ называетъ «Микола-богъ», гораздо важнѣе Христа.

Весь кругъ знакомства съ христіанскимъ вѣроученіемъ у массы едва ли не ограничивается умѣніемъ изображать на себѣ крестное знаменіе, знаніемъ, что, по русской вѣрѣ, праздничный день — воскресенье и что въ среду и пятницу грѣхъ ѣсть скоромное. Икону чувашинъ называетъ «богомъ угла» и представляетъ живымъ существомъ, которое находится въ обществѣ съ священникомъ и передаетъ ему о всѣхъ отступленіяхъ чувашина отъ православія; поэтому онъ оборачиваетъ ее ликомъ къ стѣнѣ, когда намѣревается въ чемъ-либо прегрѣшить, напримѣръ, поѣсть въ постъ скоромнаго и т. п.

Кромѣ вѣры въ разныхъ боговъ, у чувашъ сохранилось еще почитаніе предковъ, которые послѣ смерти становятся высшими существами и требуютъ себѣ умиловительныхъ жертвъ. Такая религіозная путаница и обиліе боговъ продолжается до сихъ поръ.

Чувашская деревня (Симбирской губ.).

Разводы у чувашъ чрезвычайно упрощены. У чувашей для полученія развода достаточно несогласной жизни супруговъ. Какъ знакъ развода, разрываютъ на двѣ части полотенце, и одна остается у жены, а другая—у мужа. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводу предшествуетъ судъ стариковъ, которые устанавливають условія развода, дѣлятъ имущество, дѣтей и т. п., затѣмъ ставятъ

супруговъ спиною другъ къ другу, связываютъ ихъ кушакомъ, и одинъ изъ стариковъ разрѣзаетъ его. Недовольные супруги стараются въ это время пнуть другъ друга и бѣгутъ въ рѣчку умываться. На этомъ оканчивается формальный разводъ.

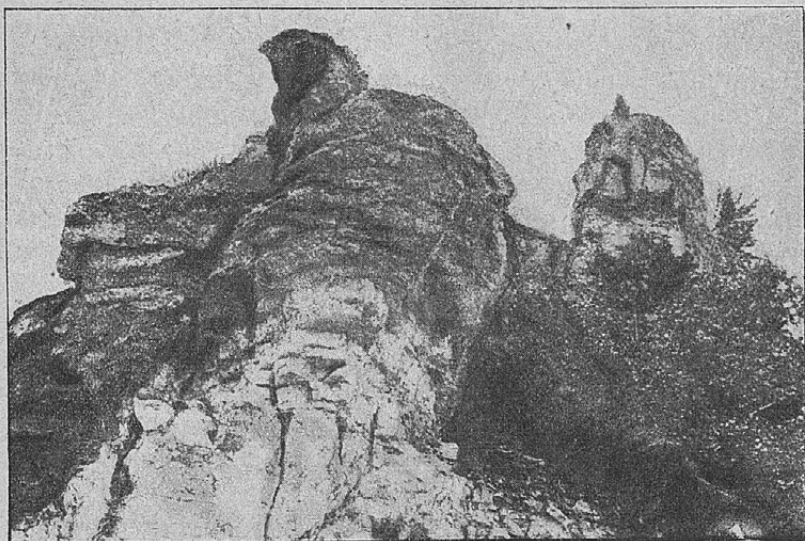
Но если такъ легко добиться раздѣльной жизни въ чувашской средѣ, то этого совсѣмъ нельзя сказать о мордвѣ.

«Свадьба — цѣпь», говоритъ мокша, а эрзя поясняетъ: «Свадьба сковала — никто не можетъ расковать». Только въ случаѣ полнѣйшей невозможности совмѣстной жизни рѣшаются на разрывъ, хотя и здѣсь не добиваются развода въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ законъ. Упомянутыя только что мокша и эрзя представляютъ собою двѣ основныхъ группы, изъ которыхъ слагается мордва. Эрзя занимаетъ южные уѣзды Нижегородской и Симбирской губерніи, а равно заходитъ въ губерніи Тамбовскую и Пензенскую, по мѣстамъ смѣшиваясь съ мокшей. Эрзя же преобладаетъ въ мордовскомъ населеніи степного Заволжья — губерній Самарской, Уфимской и Оренбургской.

Мордва (безъ различія основныхъ группировокъ) представляетъ рѣзкую противоположность остальнымъ инородцамъ — черемисамъ, пермякамъ, вотякамъ — своимъ крупнымъ ростомъ, плотнымъ сложеніемъ, здоровымъ цвѣтомъ лица и большимъ запасомъ силы. Пища мордвина мало отличается отъ русской. Черный хлѣбъ, пироги, блины, лепешки, оладьи, щи, кулага, каша изъ разной крупы составляютъ существенное содержаніе мордовской кухни, какъ и русской, но животную пищу мордвинъ употребляетъ чаще, чѣмъ его русскій сосѣдь. Что же касается до содержанія въ чистотѣ жилища, то неряшливость мордвы равняется, если еще не перещеголяетъ, нечистоплотности русскихъ крестьянъ. Внутреннее убранство мордов-

скаго жилья крайне неряшливо и неприглядно. Всю мебель составляют лавка вдоль стѣнъ, столъ и нары для сна. Нерѣдко полъ замѣняетъ земля, сверху убитая глиной.

Зимой въ избѣ, кромѣ людей, помѣщаются телята, ягнята, поросята, куры и т. д., въ силу чего воздухъ въ жилищѣ пропитанъ одуряющимъ запахомъ. Всюду

грязь, нечистота, по щелямъ тысячи таракановъ, вездѣ виситъ паутина, и обитатели часто страдаютъ кожными и глазными болѣзнями.

Переходя къ описанію вѣрованій, мы должны прежде всего указать у мордвы вѣру въ предковъ. Умершіе члены семьи составляютъ первую группу боговъ. Въ этомъ отношеніи мордва, повидимому, раздѣляетъ воззрѣнія остальныхъ восточныхъ финновъ. Мордвинъ смотритъ на смерть, какъ на переходъ къ

новому образу жизни: за гробомъ его ожидаетъ удовлетвореніе всѣхъ тѣхъ желаній, которыя оказались напрасными при его земной жизни. Пьяница на томъ свѣтѣ купается въ водѣ, холостякъ и вдовецъ женятся на красавицахъ, старая дѣва выходитъ замужъ; мордвинъ въ «елисейскихъ поляхъ» вдоволь надѣленъ землею, торгуетъ, барышничаетъ и т. п.

Въ гробъ покойнику клали водки опохмелиться на томъ свѣтѣ и подкупить старшихъ покойниковъ, клали денегъ на покупку земли, топоръ; дѣвущкѣ — перстень, а ребенку — чашку, ложку и орѣшки изъ пшеничной муки. Въ могилу бросали съѣстного, чтобы задобрить родичей, умершихъ раньше.

Всѣ невзгоды — болѣзнь, безплодіе, моръ на скотину — мордва приписываетъ гнѣву родичей за непочтеніе и слѣшитъ ихъ умиловити при соблюденіи цѣлаго ряда обрядовъ, изъ которыхъ очень многіе сохранились и до настоящаго времени.

Такимъ образомъ предки являлись первыми и самыми близкими къ мордвѣ сверхъестественными существами. За ними слѣдовалъ обширный міръ подобныхъ имъ боговъ. Здѣсь были духи, власть которыхъ строго разграничивалась. Одни владѣли мордвиномъ въ его жилищѣ, другіе начинали имѣть къ нему отношеніе только по выходѣ изъ двора. Къ нимъ относилась мать гумна, хозяйка овина, хранительница хлѣбовъ и даже хозяйка бани.

Кромѣ нихъ, были извѣстны хранители пчельниковъ, бревенъ, сохъ, лубковъ, воздѣланныхъ полей и т. д.

За ними слѣдовали духи стихій и явленій природы — боги и богини ручьевъ, колодцевъ и озеръ.

Были особые боги луны, огня, лѣсовъ, вѣтра, грома, молніи, а во главѣ всего мірозданія стоялъ богъ солнца.

Всѣ эти боги, по вѣрованію мордвы, были чело-
вѣкообразны, тѣлесны, смертны, имѣли полѣ, пло-
дились и множились какъ люди, вступали въ браки
даже съ земными женщинами и отдавали за людей
своихъ дочерей.

Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, предметомъ
поклоненія для мордвы являлись боги, которые ца-
рили надъ всѣмъ міромъ, и въ рукахъ которыхъ
были сосредоточены свѣтъ, тепло, дождь, громъ,
молнія, которые могли дать или не дать урожай,
приплодъ скота, дѣтей. Средствомъ, при помощи ко-
торого можно было подкупить бога въ свою пользу,
была жертва, но приносить ихъ могли только особые
избранники, родъ шамановъ. Теперь послѣдніе уже
не въ такой чести, и вся ихъ дѣятельность ограни-
чивается знахарствомъ и лѣченіемъ болѣзней.

Вообще, мордвѣ, охваченной великорусскимъ пле-
менемъ, не удалось сохранить во всей чистотѣ свои
религіозныя вѣрованія. Правда, часть своихъ обрядовъ
она сообщила русскому населенію, но зато, въ свою
очередь, и сама много восприняла отъ него.

Обращенная въ XVIII вѣкѣ въ христіанство почти
насильственнымъ образомъ, мордва на самомъ дѣлѣ
долго оставалась языческой, долго сопротивлялась,
не хотѣла носить крестовъ, била миссіонеровъ, бунто-
вала, но, частью уступая силѣ, частью привлекаемая
разными матеріальными выгодами и льготами, выну-
ждена была смириться. Старая вѣра начала понемногу
уступать новой, христіанскіе обряды стали сливаться
съ языческими молянами, христіанскіе святые — съ язы-
ческими богами. Такъ, Николая-чудотворца мордва при-
равнивала къ Мастырѣ-пасу (богу плодородія); Іоаннъ
Креститель сливался съ Нишка-пасомъ, съ богомъ неба,
солнца, свѣта, тепла и т. д.

Въ началѣ XIX столѣтія среди мордвы возникла мысль о возстановленіи старой вѣры. Осуществлять эту идею взялся одинъ мордвинъ, извѣстный въ простомъ народѣ подъ именемъ «Кузьки — мордовскаго бога». Попытка эта возникла, какъ это видно изъ словъ проповѣдника Кузьки, частью на почвѣ имущественныхъ отношеній, частью религіозныхъ представленій, при чемъ религіозныя языческія воззрѣнія перемѣшаны съ христіанскими. Апостолъ мордовской вѣры, призывая мордву возстановить старую вѣру, между прочимъ, говорилъ, «что весь свѣтъ приметъ законъ, обычаи и одежду мордовскіе и во всемъ будетъ слѣдовать мордовскимъ обрядамъ, а они, *мордвины, будутъ свободны, не будутъ принадлежать помѣщикамъ и платить оброка, а будутъ первыми людьми*».

Видимо, на міровоззрѣніи мордовскаго проповѣдника отразились тѣ же стремленія, которыя выяснились у крестьянъ, попавшихъ въ движеніе конца XVIII столѣтія.

Семейный бытъ мордвы въ прежнее время отличался многотягольностью, т.е. средоточіемъ нѣсколькихъ тяголъ около одного двора. Въ многотягольной семьѣ бываетъ обыкновенно одинъ голова, старикъ или хозяинъ. Онъ распоряжается имуществомъ семьи. Если кто-нибудь изъ членовъ семьи провинится, то глава семьи въ правѣ «проучить» его, а иногда можетъ прибѣгнуть даже къ розгамъ. И вотъ, сознавая всю выгоду жизни въ большой общей семьѣ, молодежь, тѣмъ не менѣе, стремится къ обособленію, къ выдѣлу и выходу изъ-подъ власти хозяина. Теченіе это началось, постепенно оно быстро усиливается, и надо думать, что недалеко то время, когда желаніе жить независимо и за собственный счетъ покончить съ многотягольностью и создать самостоятельность каждого отдѣльнаго надѣла, каждой отдѣльной семьи.

Обыкновенно внутри семьи замѣчаются хорошія отношенія, такъ какъ мордовская молодежь вступаетъ въ бракъ въ большинствѣ случаевъ по обоюдному согласію, а иногда даже и по взаимному влеченію. Благодаря добровольному вступленію въ бракъ, положеніе мордовской женщины въ семьѣ можно считать хорошимъ. Она пользуется большимъ уваженіемъ, отношенія между мужемъ и женою отличаются сердечностью, и мужъ совѣтуется съ женой во всѣхъ важныхъ вопросахъ.

Что касается формы совершенія брака, то она является очень сложной, и всѣ обряды и обычаи, сопровождающіе свадьбу, проникнуты воспоминаніями о совершавшемся прежде насиліи, объ увозѣ женихомъ неvěсты. Какъ пережитокъ старины, мокшанская вѣтвь мордвы знаетъ до сихъ поръ браки увозомъ, самокрутки.

VIII.

Если инородцы Поволжья исповѣдуютъ магометанство и язычество, скрашенное кое-гдѣ христіанскими обычаями, то великоруссы и малоруссы нашей области очень часто отклоняются отъ православной вѣры. Самарская, на примѣръ, губернія переполнена всевозможными сектантами и разновѣрами, которыхъ, по свѣдѣніямъ полиціи, въ 1895 году считалось тамъ 102.837 человекъ (смотри Памятную книжку Самарской губ. за 1897 г., стр. 75). Въ дѣйствительности же ихъ гораздо больше, такъ какъ очень многіе изъ нихъ, опасаясь полицейскаго и церковнаго преслѣдованія, не обнаруживаютъ своей принадлежности къ той или другой сектѣ.

Поволжье является родиной большей части русскихъ сектъ.

Кромѣ духовнаго христіанства (духоборства), на Волгѣ создалось много хлыстовскихъ общинъ, и отсюда хлыстовщина распространилась и по остальной Россіи. Начавши съ проповѣди воздержанія, хлысты постепенно перешли въ противоположную крайность.

Въ XIX столѣтіи востокъ Россіи, а частью и среднія губерніи слышали проповѣдь Семена Уклеина. Семень Уклеинъ сначала перешелъ въ духоборство, а затѣмъ началъ колебаться и раздумывать. У «внутреннихъ» христіанъ (духоборовъ) писаніе стояло на второмъ планѣ; главное значеніе они придавали внутреннему откровенію.

Набожному и религіозному Уклеину это было не по душѣ, и постепенно онъ сталъ создавать самостоятельное ученіе.

Главную сущность своей вѣры онъ почерпнулъ изъ духоборческихъ ученій; сюда относится отрицаніе храмовъ, иконъ, богослуженія, поста, пониманіе таинствъ въ духовномъ смыслѣ, идея воскресенія «въ новомъ тѣлѣ».

Но за каждымъ изъ приведенныхъ положеній въ письменномъ изложеніи Уклеинской религіи слѣдовали ссылки на тексты изъ Библіи. Такимъ образомъ ученіе ставилось подъ защиту писанія.

Свою проповѣдь Уклеинъ началъ среди жителей Воронежской и Саратовской губерній. Въ послѣдней проповѣдь пошла особенно успѣшно.

Ученіе Уклеина быстро распространилось затѣмъ въ губерніяхъ Симбирской, Пензенской, Орловской и Рязанской.

Быстрота, съ какою распространялось ученіе Уклеина (секта его получила отъ православныхъ названіе «молоканъ», т.-е. пьющихъ въ постъ молоко), показываетъ, что его ученіе гораздо больше приходи-

лось по плечу русскому населенію, чѣмъ ученіе духовоборства.

Впрочемъ, нужно добавить, что такое распространеніе Уклеину пришлось купить уступкой нѣкоторыхъ правилъ своей вѣры.

Дѣло въ томъ, что среди послѣдователей Уклеина было много людей, уже затронутыхъ евангельскими ученіями въ формѣ «жидовства». Особенно сильно было это теченіе въ Саратовскомъ краѣ, гдѣ во главѣ его стоялъ Семенъ Далматовъ.

Уклеину пришлось принять отъ новаго теченія нѣкоторыя характерныя особенности, такъ, напр., отказаться отъ употребленія въ пищу свиного мяса и рыбы, не имѣющей чешуи.

Уступка эта вызвала нѣкоторый разладъ, и молокане подѣлились на молоканъ воскресниковъ и субботниковъ. Къ вопросу о пищѣ присоединился еще вопросъ о молитвенныхъ формахъ и обрядахъ, введенныхъ болѣе слабыми въ вѣрѣ.

Въ Симбирскѣ возникло ученіе «бѣлоризцевъ», основателемъ котораго считаютъ Василия Ивановича Писцова. Ученіе бѣлоризцевъ скорѣе нравственно-экономическое ученіе.

Писцовъ происходитъ изъ крестьянъ села Никольскаго, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ.

Въ основѣ его ученія, по мнѣнію А. С. Пругавина, лежитъ та мысль, что «всѣ люди живутъ не такъ, какъ надо жить, и не такъ, какъ жили и учили святые отцы. Жить надо по правдѣ, жить надо просто, разумно, не давать воли страстямъ. А нужно это для того, чтобы жилось легко и свободно».

«Такая жизнь, какою живутъ многіе, продолжаться долго не можетъ, а скоро придетъ время, и этотъ

Вавилонъ погибнетъ. А тогда... тогда всѣ будутъ «бѣленькіе», какъ мы» *), говорить бѣлоризцы.

Слѣдуя своему идеалу, бѣлоризцы прежде всего стараются жить какъ можно скромнѣе и проще, тщательно избѣгая всякаго рода излишествъ.

Никто изъ нихъ и никогда не пьетъ ни вина, ни водки, ни пива. Никто не куритъ. Затѣмъ они не пьютъ чаю, не ѣдятъ мяса, молока и яицъ; а прежде не ѣли даже рыбы, луку и хрѣну. Пьютъ они только воду, а ѣдятъ, кромѣ рыбы, все растительное.

Одѣваются симбирскіе бѣлоризцы во все «самодѣльное» и по возможности во все бѣлое.

Отъ шапки до сапогъ или лаптей и отъ кафтана до мѣдной застежки, на бѣлоризцѣ все своей собственной работы. Они сѣютъ ленъ, обдѣлываютъ его, жены ихъ ткутъ холстъ и шьютъ одежду. Но они носятъ бѣлую одежду не потому, чтобы этого непременно требовала ихъ вѣра, а потому, что это естественный цвѣтъ холста, а всякую окраску его они считаютъ совершенно излишнею, такъ какъ она сопряжена съ лишнимъ расходомъ. На всякій излишекъ въ одеждѣ, на всякую окраску, «фасонъ», вышивку бѣлоризецъ смотритъ съ усмѣшкой и при случаѣ не прочь сказать, что «дурачокъ красенькое любить».

Всѣ симбирскіе бѣлоризцы работаютъ очень много, очень усердно, толково и аккуратно.

Работаютъ они больше для себя, около дома, а заниматься не любятъ, но разъ наймутся, дѣлаютъ такъ, какъ сдѣлаетъ рѣдкій не бѣлоризецъ.

Праздникъ бѣлоризцы проводятъ въ собесѣдованіяхъ и чтеніи книгъ, преимущественно священнаго писанія и твореній святыхъ отцовъ, между которыми Іоаннъ Златоустъ въ наибольшемъ употребленіи.

*) „Волжскій Вѣстникъ“, 1895 г., № 19.

Бѣлоризцы читають не только духовныя, но и свѣтскія, «гражданскія» книги; «вообще грамота и наука у нихъ въ большемъ почетѣ»... Книги не лежатъ у нихъ только для вида, а все, что имѣется, читается и читается со смысломъ.

Бѣлоризцы не любятъ никакихъ обрядовъ, ничего такого, что не имѣетъ за собой здраваго смысла. Даже свадьбы у нихъ происходятъ безъ рюмки водки, безъ всякихъ «вечеровъ».

Въ церковь бѣлоризцы не ходять.

Бдятъ только растительную пищу и основываютъ это исключительно на священномъ писаніи и примѣрѣ святыхъ отцовъ.

Въ 1894—95 году въ Симбирскѣ бѣлоризцевъ было всего лишь нѣсколько семействъ, но ихъ много раскидано по окрестнымъ селамъ и деревнямъ, какъ, напримѣръ, въ Крестовыхъ Городищахъ, въ Кайбалѣ (Ставропольскаго у., Самарской губ.), въ Крестовниковѣ, Погребяхъ, Елисаветинѣ (Симбирскаго у.) и др.

А. С. Пругавину пришлось лично познакомиться съ руководителемъ бѣлоризцевъ Писцовымъ.

Писцовъ, говоритъ Пругавинъ, человѣкъ толковый и разсудительный.

По мнѣнію Писцова, роскошь и «пышность», какъ онъ выражается, всегда ведетъ, съ одной стороны, къ разоренію, а съ другой — къ разврату.

Роскошь Римъ обнизила, Вавилонъ отъ роскоши разорился.

Какъ умный мужикъ, прекрасно знакомый съ океаномъ народной нужды, Писцовъ ясно видитъ, разумѣется, какъ бесплодна и безсильна частная личная благотворительность въ дѣлѣ борьбы съ бѣдностью и нищетою. Но, сознавая это, Писцовъ въ то же время постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ,

указываетъ на необходимость такихъ мѣръ, которыя помогли бы бѣднымъ встать на ноги.

Писцовъ не старовѣръ, а отнести его къ духовоборамъ, молоканамъ и т. п. нѣтъ основаній.

Писцовъ не любитъ старообрядцевъ больше всего за ихъ темноту и косность, за ихъ слѣпую приверженность къ буквѣ. Объ ученіи же духовоборовъ онъ такъ отзывается: духовные христіане отвергають всю внѣшность, всю видимость и признають и почитають одно только духовное. По-моему, это несправедливо, такъ какъ, пока мы живемъ во плоти, нельзя понимать все въ духовномъ смыслѣ. Это будетъ потомъ, когда духъ отдѣлится отъ плоти. А теперь нужно не одно духовное, но и плотское, тѣлесное.

Вообще Писцовъ отнюдь не раздѣляетъ слишкомъ пренебрежительнаго отношенія духовныхъ христіанъ ко всякому обряду, ко всякимъ внѣшнимъ формамъ религіи.

Горячо остаивая свои религіозные взгляды, Писцовъ вовсе не считаетъ ихъ непреложными.

Время смущеній пришло, — говоритъ Писцовъ, — и богатые и бѣдные, всѣ смущаются.

Много дорогъ въ полѣ, много вѣръ у людей... Много толковъ всякихъ развелось... Надо собраться всѣмъ толкамъ, надо обдумать все...

Отчего погибаемъ?

Желая, чтобы Писцовъ высказался болѣе опредѣленно, Пругавинъ спросилъ его, въ чемъ собственно усматриваетъ онъ нашу гибель.

— А какъ же, — сказалъ Писцовъ, — развѣ не сбывается пророчество: «Трудившійся сытъ не будетъ!»

Голоднаго народу все прибываетъ...

Народъ изъ силъ вышелъ! Все дѣло стало.. Богатый мужикъ землю снимаетъ, опять бѣда. Сельчане снять не въ силахъ: денегъ нѣтъ.

Сами не могут снять и других не подпускают, чуть что — грозят сжечь... Вездѣ нужда — и въ господяхъ и въ народѣ. Жить нельзя стало...

Развивая дальше свою мысль, Писцовъ говорилъ: «Отъ господъ прижимка: земля стоитъ двѣнадцать руб. аренды, а въ другихъ мѣстахъ и того дороже... Теперь ты подумай: сколько получить крестьянинъ съ десятины? Въ нашемъ мѣстѣ десятина даетъ пятьдесятъ пудовъ, считай по полтинѣ за пудъ — двадцать-пять рублей. Двѣнадцать рублей аренды, обработка стоитъ тоже двѣнадцать рублей, на сѣмена остается одинъ рубль.

«Стало-быть, за труды-то крестьянину ничего и не придется получить.

«При чемъ тутъ жить — скажите на милость? Какъ питаться?»

Такимъ образомъ, — продолжаетъ Пругавинъ, — разговоръ, начатый съ религіи, перешелъ на тяжелыя условія крестьянскаго житья. И подобные переходы очень часты у Писцова.

Все это, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что религіозныя взгляды Писцова чужды узкаго сектантства и что въ основѣ ихъ лежатъ чисто жизненныя побужденія и стремленія. Вообще, находить Пругавинъ, у насъ слишкомъ злоупотребляютъ словомъ сектантъ.

Безразличное отношеніе къ Церкви со стороны образованныхъ людей не кажется чѣмъ-нибудь ужаснымъ; но если въ душу крестьянина или рабочаго западутъ сомнѣнья къ религіи, то нѣтъ для него другого названья, какъ сектантъ.

Послѣдствія такого положенія вещей получаются очень печальныя. Людямъ, которыхъ зачисляютъ въ «сектанты», буквально отравляется вся жизнь: за ними подглядываютъ, ихъ выслѣживаютъ, донимаютъ

доносами, таскають на увѣщанія, преслѣдуютъ подозрѣніями, подвергаютъ обыскамъ и т. д.

Дѣла о сектантахъ возникаютъ довольно легко.

Въ мартѣ 1881 года одинъ изъ урядниковъ Самарскаго уѣзда донесъ мѣстному становому, что кр. деревни Щигровки, Петропавловской волости, Самарскаго уѣзда, Зосима Семеновичъ Широу, непочтительно и дерзко отзыаается о властяхъ. Этого было достаточно, рассказываетъ Пругавинъ, чтобы загорѣлось «политическое дѣло».

Въ мирную, захолаустную Щигровку наѣхали небывалые, никогда невиданные тамъ гости: пріѣхалъ товарищъ прокурора, пріѣхалъ жандармскій офицеръ, началось дознание. На этотъ разъ слѣдствіе прекратилось, но черезъ нѣсколько времени началось снова.

Слѣдствіемъ было обращено главное вниманіе на выясненіе нравственной личности подсудимаго.

Оказалось, что раньше онъ принадлежалъ къ православному вѣроисповѣданію, ходилъ въ церковь, принималъ священниковъ и исполнялъ всѣ обряды.

Подъ вліяніемъ сильной нужды Широу ушелъ на Кавказъ искать лучшихъ условій жизни, а когда вернулся черезъ 10 лѣтъ, то сталъ неузнаваемъ.

Онъ пересталъ ходить въ церковь, пересталъ молиться, о священникахъ началъ отзываться рѣзко и неодобрительно.

Въ то же время онъ пересталъ пить, пересталъ ругаться и на брань никогда не отвѣчалъ бранью. Все свободное отъ работы время онъ началъ проводить за книгою.

Свидѣтели показали, что Зосима вѣруетъ въ Бога, но всѣ таинства, въ томъ числѣ и крещеніе, отвергаетъ.

Ребенокъ его до сихъ поръ не крещенъ. Но съ другой стороны, всѣ свидѣтели единогласно подтвердили, что Зосима — человѣкъ хорошій, честный и добрый, что онъ прекрасный работникъ, много трудится, каждому, чѣмъ можетъ, готовъ помочь, водки не пьетъ, ни съ кѣмъ не ссорится, — словомъ, человѣкъ высокой нравственности; своихъ религіозныхъ убѣжденій онъ никому не навязываетъ, если же завести разговоръ о религіи, то охотно вступаетъ въ разговоръ объ этомъ.

Пругавину захотѣлось лично повидать «апостола», и въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней тройка ободранныхъ земскихъ клячъ привезла его въ деревню Троицкую.

Почти у самаго края деревни пріютилась маленькая, убогая, вросшая въ землю хата съ крохотными, чуть замѣтными окнами, съ растрепанной соломенной крышей, съ покосившимися плетнями. На порогѣ показался Зосима, держа за руку своего ребенка. Смуглое, худое, нервноподвижное лицо «апостола» носило отпечатокъ нужды и лишеній и въ то же время не то усталость, не то изнуреніе можно было прочесть въ отдѣльных чертахъ этого лица; но каріе, глубоко сидящія, воспаленные, жгучіе глаза свѣтились бодро и увѣренно.

Весь костюмъ «апостола» состоялъ изъ очень ветхой, грязной рубахи, рваного, дыряваго жилета, чуть-чуть державшагося на двухъ мѣдныхъ пуговицахъ и казинетовыхъ, тоже весьма ветхихъ и достаточно рваныхъ штановъ.

Изба, въ которой жилъ Зосима, оказалась курною, черною мазанкой, съ землянымъ поломъ, низкимъ потолкомъ, съ тяжелымъ, сырымъ, удушливымъ воздухомъ. Вся обстановка громко говорила о крайней бѣдности, о ничетѣ обитателей этой мазанки...

Пругавинъ завязалъ съ Зосимой разговоръ о Богѣ. И изъ разговора выяснилось, что Зосима вѣруеть въ Бога, но представляетъ Его себѣ совсѣмъ иначе, чѣмъ православные.

— Богъ?.. — говорилъ Зосима... — Вездѣ Богъ, во всемъ: и въ деревѣ Богъ, и въ землѣ Богъ, и въ водѣ Богъ, во всякой вещи все Богъ...

Богъ — міръ... И въ каждомъ человѣкѣ — Богъ... Въ комъ есть добро, въ томъ и Богъ...

Богъ — правосудіе. Богъ есть добро и любовь...

Св. Троицы Зосима не признаеть. Иисусъ Христосъ, по его мнѣнію, не былъ Богомъ. Онъ родился «по плоти», т.-е. какъ обыкновенный человѣкъ, но «явилъ Себя въ духѣ»; то же самое можетъ сдѣлать всякій, для этого нужно только «правильно поступать», т.-е. жить по Евангелію...

Не признавая рая въ томъ смыслѣ, въ какомъ признаеть его православная Церковь, Зосима въ то же время вѣритъ, что рано или поздно на землѣ должно настать «царство небесное».

— Какъ же это на землѣ небесное царство? — спросилъ Пругавинъ.

— Да што такое небеса-то?—въ свою очередь, спрашиваетъ Зосима.— Ты думаешь, во-о... эти, што наверху - то, — продолжалъ онъ, указывая на небо.— Нѣтъ, братъ, небеса—значить праведность. Праведное царство будетъ на землѣ, справедливое.

— Что же это за царство такое и когда оно наступитъ?

— А когда всѣ познають истину, когда законъ Христовъ познають, тогда и царство небесное наступитъ. Будетъ у всѣхъ единомысліе, миръ, добро. Будетъ тогда промежъ людей дружелюбіе, благо, любовь...

При дознаніи, на вопросъ слѣдователя о царѣ и властяхъ, Зосима отвѣчалъ, что царь — это земной Богъ; чиновники — это ангелы. Но ангелы бываютъ добрые и злые. Царь самъ по себѣ не можетъ сдѣлать ничего несправедливаго, такъ какъ онъ не видитъ и не слышитъ того, что происходитъ въ разныхъ мѣстахъ, а дѣйствуетъ сообразно тому, что ему говорятъ ангелы: добрые — добро, злые — зло. Такъ онъ и поступаетъ.

Всѣ свидѣтели показали, что Зосима — добросовѣстный и прилежный работникъ. Трудолюбіе Зосимы непосредственно вытекаетъ изъ его міровоззрѣнія. Трудъ — главная основа жизни, по мнѣнію Зосимы. Трудъ долженъ служить единственнымъ мѣриломъ на пользованіе благами жизни. Зосима не отрицаетъ частной собственности, но онъ говоритъ, что человѣкъ только то можетъ считать своимъ, что онъ самъ заработалъ своимъ собственнымъ, личнымъ трудомъ.

«Што выработалъ, то мое», говоритъ онъ.

О землѣ Зосима думаетъ приблизительно такъ:

— Земля — Божіе созданіе, поэтому продавать ее никакъ нельзя; владѣть можно, а продавать — грѣхъ. Земля должна быть общая.

— Почему же общая?

— Потому что она на всѣхъ людей дадена, а не то, чтобы тебѣ есть, а мнѣ и нѣтъ ничего. У Бога всѣ равны. Земли много, про всѣхъ хватить...

Мысли объ «общей» землѣ и про «общую» жизнь бродили не въ одной головѣ Зосимы. Къ подобной цѣли стремилась и секта сютеевцевъ.

«Воровъ не будетъ, когда общую-то жисть устроимъ, когда въ любви-то будемъ жить»...

«Надо, — говорилъ Сютеевъ (и это было его основной мыслью), — чтобы грѣшники не грѣшили, чтобы

воры не воровали, а это будетъ только при общей жизни».

Теперь Сютеевъ, вслѣдствіе тѣхъ возраженій, которыя ему приходится постоянно слышать отъ православныхъ о томъ, что «начальство не допустить» до устройства «общей жизни», о которой онъ мечтаетъ, начинаетъ все чаще и чаще задумываться надъ мыслью о начальствѣ и власти.

«Не можетъ остаться такой порядокъ, — высказывался Сютеевъ, — при которомъ одинъ живетъ «дарма», не трудясь и не работая, на готовый капиталъ, на проценты, а другой бьется до кроваваго поту изъ-за каждаго куска хлѣба»

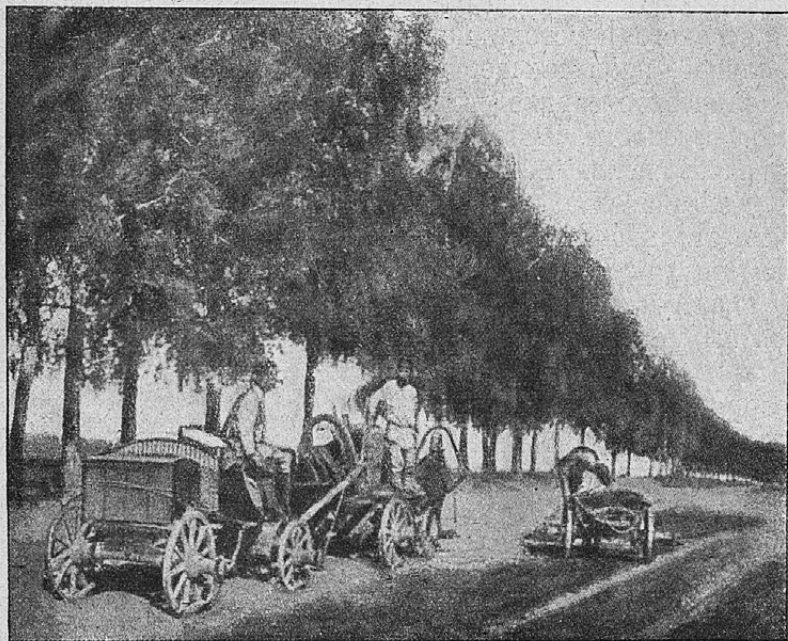
«Всѣ должны сами трудиться,
Сообща — единство должно быть».

«Это сходство во взглядахъ различныхъ учителей сектантства наводитъ на мысль, — говоритъ Милуковъ, — что секты наши, въ большинствѣ своихъ послѣдователей, способны объединиться; только для этого необходимо такое религіозное вѣроученіе, которое, разрѣшая вопросъ вѣры, не оставило бы безъ отвѣта условій общественной, имущественной и государственной жизни».

IX.

Хороши приволжскія степи! «Незамѣтно подошелъ вечеръ (вспоминаетъ о своей поѣздкѣ по этимъ степямъ г. Маликовъ, авторъ книги «Край безъ будущаго»), и мнѣ казалось, что степь оживаетъ и что-то говоритъ мнѣ... Необъятно широкимъ просторомъ она охватила теперь насъ кругомъ. Нигдѣ не видно было и признаковъ жилья, поля тоже уже исчезли, и вездѣ, куда только хваталъ глазъ человѣческій, стлалась

только трава и трава; кой-гдѣ вдали виднѣлись скошенные полосы ея, а потомъ та же трава безъ конца, точно бурно-зеленое и уснувшее море. Солнце уже закатилось, но ярко-розовая, переходящая къ горизонту въ оранжево-золотой цвѣтъ, широкая полоса

Большая дорога, обсаженная березами (Казанской губ.).

свѣта тихо разливалась на западной сторонѣ неба. Чѣмъ-то дивно чистымъ и благодатнымъ вѣяло отъ этого бездоннаго моря, прозрачнаго и тихаго вечерняго свѣта, и влекло всю душу человѣка въ эту прекрасную и недостигаемую глубину чистоты... Библейскіе пророки не даромъ уходили въ пустыню.

«Заря догорала и блѣднѣла, а небесная синева выступала все торжественнѣе и глубже. На ней загорались, какъ тихіе ласковые огни міровой любви, кроткія звѣзды, и круглый ликъ мѣсяца явственно уже выступалъ въ вышинѣ блѣднымъ и задумчивымъ окомъ. По степи замѣтно потянулись какія-то безмолвныя тѣни, словно тихія и неясныя сердечныя думы, и со всего ея степного простора понеслось что-то тонкое и ароматичное, проникающее весь организмъ и опьяняющее человѣческое сердце силой здоровья и вѣчной, неумирающей юности. «Всѣмъ и всего хватить съ избыткомъ!» хотѣлось крикнуть въ этотъ чудный лѣтній вечеръ».

Дѣйствительно, поражающее впечатлѣніе производить эта необъятная широта степей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и явная тѣснота и скудость крестьянской жизни. Положительно не хочется вѣрить этому, такъ невѣроятны кажутся среди всеобщаго простора эти тѣснота и скудость, а между тѣмъ, это такъ. Объ этомъ говорить цифры.

	Жителей въ 1897 г.	Земли.
Саратовская губ. . .	2.419.850 чк.	7.404.868 дес.
Крестьян.	2.154.000(89%)	3.793.896(51,3%)
Др. сословія	266.000(11%)	3.610.972(48,7%).

Такимъ образомъ мы видимъ, что девять десятыхъ населенія владѣетъ почти такой же площадью земли, какъ и одна десятая, состоящая не изъ крестьянъ. На одну душу мужского пола въ 1900 году приходилось 2,6 десятины, тогда какъ въ 1860 году надѣлъ равнялся 4,8 дес., а въ 1880 г.—3,5 десятины. Мы видимъ, какъ быстро уменьшается количество земли, падающей на одну крестьянскую душу мужского пола. Приблизительно такая же картина представляется при обзорѣ и другихъ губерній нашей области.

Размѣры надѣла въ десят. на одну душу мужск. пола :

	1860 г.	1880 г.	1900 г.
Казанская	4,8 десят.	3,6 десят.	2,7 десят.
Симбирская	3,4 »	2,6 »	2,0 »
Самарская	9,2 »	6,2 »	4,5 »
Саратовская	4,8 »	3,5 »	2,6 » *)

По всей Россіи въ 1892 г. . . . 2,01 десятины.

Количество земли на душу за 40 лѣтъ вездѣ уменьшилось почти въ 2 раза, при чемъ отношеніе количества надѣльной крестьянской и казачьей земли къ земельнымъ владѣніямъ прочихъ сословій почти такое же, то-есть одна десятая часть населенія владѣетъ такимъ количествомъ, какъ и девять десятыхъ.

Казалось бы, что, дѣйствительно, при такомъ маломъ количествѣ земли весьма понятно то бѣдственное положеніе, въ которомъ находятся жители Поволжья. Но если сравнить наши земельные достатки съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ странахъ, то мы придемъ къ заключенію, что землей-то именно мы и богаты.

Въ первоклассныхъ западно-европейскихъ государствахъ, Франціи, Германіи, Австріи, земли приходится на человѣка въ 3 раза меньше, чѣмъ у насъ. Въ Японіи приходится на душу въ 16 разъ меньше, чѣмъ у насъ. Но даже по сравненію съ остальной Россіей наши поволжскія губерніи находятся въ лучшемъ, по богатству земли, положеніи.

Почему же надъ ними такъ часто проносится грозный призракъ голода и нужды.

*) Матеріалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года комиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 г. по 1900 г. благосостоянія сельскаго населенія средне-земледѣльческихъ губерній сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи. 1903 г.

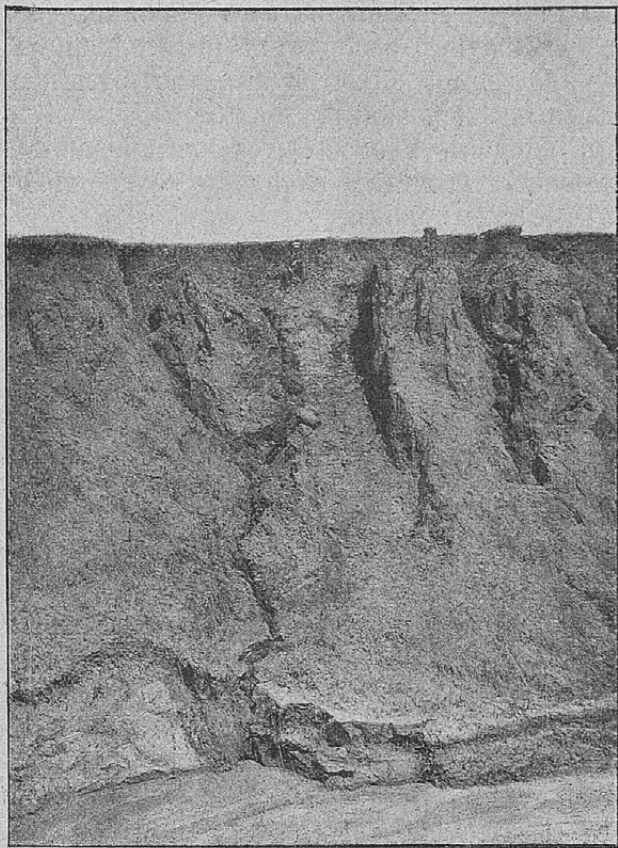
Главнымъ образомъ, это вызывается очень низкимъ уровнемъ благосостоянія крестьянъ. Еле-еле перебиваясь въ обычные годы, русскій крестьянинъ при малѣйшемъ климатическомъ осложненіи немедленно теряетъ равновѣсіе и впадаетъ въ крайнюю нищету, такъ какъ у него отсутствуютъ какіе бы то ни было запасы отъ прошлыхъ лѣтъ. Переждать тяжелую минуту ему рѣшительно нечѣмъ. Тогда какъ его западный собратъ, не дошедшій до крайней степени истощенія, питается сбереженіями прошлыхъ лѣтъ, для русской деревни это невозможно. Платежныя силы ея дошли до крайняго напряженія. Частные владѣльцы, обладая хотя нѣкоторыми запасами, при тѣхъ же отвратительныхъ приѣмахъ хозяйства, — трехпольной системѣ, залежахъ, гибели зерна отъ дурной обработки и т. д. — переносятъ довольно легко тѣ же самые годы, которые пускаютъ по міру ихъ сосѣдей — крестьянъ.

Главнымъ продуктомъ земледѣльческаго производства поволжскаго крестьянина является зерновой хлѣбъ. Но, кромѣ хлѣба, населеніе занимается разведеніемъ специальныхъ растений, имѣющихъ торговое и промышленное значеніе. Къ числу такихъ растений относятся подсолнечникъ, занимающій около 100 тысячъ десятинъ, конопля, ленъ, табакъ, горчица и т. п. По производству горчицы выдѣляется нѣмецкая колонія Саратовской губерніи Сарепта. Въ нѣмецкихъ заволжскихъ колоніяхъ разводится довольно много табаку, но только очень низкаго качества.

Огородничество развито незначительно. Зато садоводство нашло на средней Волгѣ благопріятную почву для своего развитія.

Сады расположены по правой гористой сторонѣ рѣки, по южнымъ склонамъ приволжскихъ бугровъ.

За предѣлы прибрежной полосы они почти не выступаютъ. Тѣмъ не менѣе, по количеству плодовъ наша область послѣ Крыма, Малороссіи и Бессарабіи зани-

Оврагъ въ лессово-песчанистой почвѣ (Симб. губ.).

маетъ первое мѣсто. Крестьянскіе сады рѣдко достигаютъ размѣровъ болѣе десятины, а у частныхъ владѣльцевъ подъ сады отводится иногда до 40 десятинъ и болѣе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при ограниченныхъ размѣрахъ хлѣбопашества, садоводство для крестьянъ является главнымъ источникомъ существованія.

Изъ разводимыхъ плодовыхъ деревьевъ первое мѣсто занимаютъ яблони, затѣмъ — вишни.

Сливы и груши разводятся въ меньшемъ количествѣ, — суровыя зимы губительно отзываются на этихъ нѣжныхъ деревьяхъ.

Сборъ плодовъ производится обыкновенно во второй половицѣ августа, и плоды отправляются на рынки въ свѣжемъ видѣ.

Только въ послѣднее время въ Саратовѣ стали сушить яблоки, варить варенья и посылать ихъ въ Москву. Однихъ яблоковъ сбывается въ годъ нѣсколько миллионовъ пудовъ. Наибольшаго развитія садоводство достигло въ Саратовской губерніи.

Въ Заволжѣ садоводство развито гораздо слабѣе, но, тѣмъ не менѣе, около Самары, Николаевска и въ нѣмецкихъ колоніяхъ на правомъ берегу Волги встрѣчаются значительные сады, имѣющіе промышленное значеніе.

Нѣкоторымъ подспорьемъ въ деревенскомъ хозяйствѣ края является пчеловодство, хотя оно ведется самымъ неудовлетворительнымъ способомъ.

Только съ самыхъ недавнихъ поръ, благодаря особенному усердію земства, начинаютъ проникать въ населеніе болѣе усовершенствованныя приемы пчеловодства. Заводятся рамочные ульи, искусственная вошина, посѣвъ медоносныхъ травъ и т. п.

Однимъ изъ средствъ выхода изъ неудовлетворительнаго состоянія у крестьянъ является переселеніе.

Относительно переселенія нѣтъ, къ сожалѣнію, точныхъ данныхъ. Есть только нѣсколько цифръ, сведенныхъ переселенческимъ управленіемъ Челябинска и Тюмени.

Черезъ эти пункты прошло :

1886 — 1890 гг.	107.154 челов.
1891 — 1896 гг.	353.089 „
1896 — 1900 гг.	738.378 „

Такимъ образомъ переселеніе изъ всей Россіи въ Сибирь, стремленіе найти новыя мѣста довольно сильно, но въ нѣкоторыхъ губерніяхъ нашей области оно поразительно велико.

Изъ Самарской губерніи переселилось :

1886 — 1890 гг.	2.245 челов.
1891 — 1895 гг.	8.210 „
1896 — 1900 гг.	43.508 „

Такимъ образомъ переселеніе изъ Самарской губерніи увеличилось слишкомъ въ 5 разъ за послѣднее пятилѣтіе.

Въ остальныхъ нашихъ губерніяхъ замѣчается то же явленіе, но не въ такой рѣзкой степени. Особенно много переселенцевъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, приходится на неурожайные годы.

Въ 1898 и 1899 годахъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи переселенцевъ было 13 — 19 тысячъ человѣкъ, а въ болѣе благопріятномъ 1900 году эта цифра опускается до четырехъ съ половиною тысячъ человѣкъ.

Переселенцы въ Сибирь являются той группой, которая окончательно отчаялась прокормиться у себя дома и рѣшила навсегда покончить съ родной деревней. На полдорогѣ остановилась та часть населенія, которая уходитъ на отхожіе промыслы. Покуда она не рѣшается окончательно порвать связь со своимъ гнѣздомъ. Связь эта выражается въ томъ, что деревня получаетъ отъ своего ушедшаго питомца отъ времени до времени денежную помощь.

Для нѣкоторыхъ мѣстностей эта помощь достигается очень почтенныхъ размѣровъ. Такъ, напримѣръ, по вычисленіямъ завѣдывающаго оцѣночными работами въ Ярославлѣ К. Я. Воробьева, отхожіе промыслы Ярославской губерніи даютъ крестьянству въ полтора-два раза больше, чѣмъ вся его земля.

Правда, Ярославская губернія посылаетъ въ отходъ сравнительно очень много людей. Изъ 100 человѣкъ рабочихъ, занятыхъ промыслами, уходитъ на сторону шестьдесятъ-два и остается въ деревнѣ тридцать-восемь.

По всей Россіи въ среднемъ уходитъ двадцать-семь, остается семьдесятъ-три.

По нашимъ губерніямъ эти цифры видоизмѣняются такъ: меньше всѣхъ высылаетъ Самарская губернія, всего шесть человѣкъ на сотню, около тридцати тысячъ человѣкъ, да и то это сѣверные уѣзды.

Что же касается обильныхъ пажитями, но бѣдныхъ рабочей силой южныхъ уѣздовъ заволжскихъ степей, то они не только не отпускаютъ населенія на сторону, но громадными массами привлекаютъ его къ себѣ, какъ съ сѣвера Самарской губерніи, такъ и изъ Казанской, Симбирской, Саратовской и сосѣднихъ губерній центральной черноземной полосы.

Саратовская губернія отпускаетъ изъ ста 13 человѣкъ.

Симбирская — 22 человѣка.

Болѣе всего рабочихъ въ отхожіе промыслы уходитъ изъ Казанской губерніи, гдѣ ихъ процентъ превышаетъ общерусскій отходъ.

Всего въ годъ уходитъ до 180.000 человѣкъ, то есть остается пятьдесятъ-три, покидаютъ деревню сорокъ-семь.

Какъ мы видѣли еще раньше, Казанская губернія меньше всѣхъ обезпечена землею какъ по доброкачественности, такъ и по количеству земли.

Отрывая значительныя силы отъ деревни, отходъ въ то же время служить главнымъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству. «Безъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ отходъ крестьянину, — говоритъ Воробьевъ, — хозяйство послѣдняго постепенно бы разрушилось».

Оказывая громадное вліяніе на степень деревенскаго благосостоянія, отходъ имѣетъ не менѣе важное значеніе для умственного развитія мѣстности.

Борясь за лучший заработокъ въ городахъ, соперничая съ другими соискателями труда, отправившійся въ отходъ крестьянинъ волей-неволей становится развитѣе и грамотнѣе своего деревенскаго собрата.

И на самомъ дѣлѣ, населеніе, занятое отхожими промыслами, несравненно грамотнѣе населенія деревни, — въ полтора и даже въ два раза, какъ утверждаетъ Воробьевъ.

Х.

Заговоривъ о крестьянскомъ благосостояніи, мы должны остановиться на одномъ изъ важнѣйшихъ показателей его — количествѣ скота. Скотъ имѣетъ особенное значеніе для земледѣльческаго края, а наша область почти исключительно земледѣльская.

Въ Самарской губерніи на 76 рабочихъ фабрично-заводскихъ приходится только два человѣка.

Въ остальныхъ губерніяхъ эта цифра вырастаетъ до восьми, даже до одиннадцати человѣкъ, тогда какъ во всей Россіи на двадцать-семь земледѣльческихъ рабочихъ приходится въ среднемъ четырна-

дцать фабричныхъ; цифры средняго Поволжья окажутся гораздо ниже общеимперскихъ.

Безъ рабочаго скота немыслимо никакое сельское хозяйство, даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ получили широкое примѣненіе машинная обработка и уборка земли, ну, а намъ до этого еще довольно далеко.

Имѣя значеніе рабочей силы, скотъ въ то же самое время даетъ необходимый для земледѣлія навозъ, является предметомъ продовольствія, даетъ матеріалъ для одежды, сбруи и проч.

Если мы возьмемъ количество лошадей въ поволжскихъ губерніяхъ по отдѣльнымъ годамъ, то оно почти не мѣняется, отклоняясь очень незначительно въ ту или другую сторону отъ первоначальной. Возьмемъ для примѣра хотя бы Симбирскую губернію.

Въ ней рабочихъ лошадей было :

въ 1870 г.	—	262	тысячи.
„ 1880 „	—	265	„
„ 1890 „	—	260	„
„ 1900 „	—	234	„

Въ другихъ губерніяхъ повторяется почти то же, но дѣло совершенно мѣняется, если обратиться къ числу рабочихъ лошадей на тысячу душъ населенія. Здѣсь мы замѣтили довольно значительное и за 30 лѣтъ безостановочное уменьшеніе числа лошадей. Та же Симбирская губернія имѣла на 1 тысячу душъ рабочихъ лошадей :

въ 1870 г.	—	1.087	головъ.
„ 1880 „	—	911	„
„ 1890 „	—	802	„
„ 1900 „	—	652	„

За тридцать лѣтъ каждая тысяча жителей потеряла въ Казанской губерніи 435 лошадей.

Продолжись то же отношеніе еще 50—60 лѣтъ, и наша симбирская деревня рискуетъ остаться совсѣмъ безъ лошадей.

По Симбирской губерніи на 100 дворовъ не было ни одной лошади:

въ 1882 г. у 20 дворовъ.

» 1891 » » 25 $\frac{1}{2}$ »

» 1893 » » 31 »

т.-е. изъ 100 дворовъ почти одна треть была безъ рабочей силы для обработки надѣла, безъ средствъ передвиженія, безъ навоза для удобренія полей.

Тридцать-восемь дворовъ изъ ста въ той же губерніи имѣли всего по одной лошади.

По числу безлошадныхъ Симбирская губернія во все не является какимъ-нибудь исключеніемъ.

Во всей Россіи, по даннымъ военно-конскихъ переписей, за 1893—1896 годы на каждые сто дворовъ приходилось 32 безлошадныхъ.

Въ остальныхъ губерніяхъ Поволжья число безлошадныхъ дворовъ ниже средняго; но въ то же время всѣ они обнаруживаютъ одно и то же неумолимое стремленіе давать съ каждымъ годомъ все большее количество безлошадныхъ крестьянскихъ дворовъ.

	Казанская.	Саратовская.	Самарская.
1882	19,0	21,7	11,6
1888	—	—	—
1891	24,7	25,4	19,0
1893	30,3	29,3	25,2

Положеніе Самарской губерніи по количеству безлошадныхъ дворовъ самое благопріятное. Она даетъ только одну четверть безлошадныхъ, тогда какъ всѣ

остальные приближаются къ одной трети. А насколько плохо въ деревнѣ остаться безъ лошади, объ этомъ спросимъ у «Акулины» Гарина.

«Здоровая была баба Акулина. Сквозь рваную рубаху сбитое розовое тѣло такъ и свѣтится. Здоровая Акулина и въ работѣ: всякаго мужика за поясъ заткнетъ.

Выдали ее за лядшаго мужа замужъ: песь съ нимъ, пошла! На ней да на «Буркѣ» все хозяйство держится.

Сама пашетъ, сама косить, сама возить. Вдругъ, однажды, сидитъ муженекъ въ деревенскомъ клубѣ—кабакѣ, и видитъ, бѣжить сама не своя съ поля Акулина. Увидѣла его, повернулась и стала реветъ, надрываясь.

— О-ой — о-о-ой!

Качается Акулина да кричить:

— О-о-ой — Бурко сдохъ, Бурко! сдохъ Бурко... о-о-ой!.. — реветъ бѣлугой Акулина. Бѣгутъ со всѣхъ сторонъ и старый и малый.

— Батюшки, батюшки! Бурко сдохъ! — воеетъ Акулина.

Пять ея собственныхъ ребятишекъ вѣѣпились ей въ подолъ и ревутъ вмѣстѣ съ нею. А ребятишки у ней или умирали, или если выживали, то были все такіе здоровые да круглые, что Акулина только удивлялась, съ чего только нагуль у нихъ берется.

— Ума не приложу, — сразу вдругъ успокоилась Акулина, — только такъ съ три борозды и оставалось доѣхать. Сталь онъ — я ему «но», а онъ на бокъ, на бокъ, да и сдохъ.

Деревня порѣшила, что съ наговору или мышки задушили. На томъ дѣло кончилось.

Побилась безъ лошади Акулина и видитъ, что все дѣло у нея повалится, если лошади не добьется: и озимъ не посѣетъ, и сноповъ не сvezетъ, и яровую не вспашетъ, — прямо хотъ бросай все дѣло.

Надѣялась на урожай — и урожай незавидный вышелъ.

Надвигался страшный призракъ нужды: она да Бурко тащили еще какъ-нибудь на своихъ плечахъ восьмерыхъ, а она одна хоть лопни, а не справиться.

И рѣшила Акулина во что бы то ни стало добиться лошади.

Однажды, когда управительша уѣхала къ вечернѣ, а Иванъ куда-то запропалъ, Акулина, наскоро умывши лицо и надѣвъ новый платокъ, пошла на барскій дворъ прямо къ управителю... и добыла денегъ на лошадь».

Но въ положеніи Акулины находится почти треть русскаго крестьянства. Акулина добыла себѣ денегъ у управителя, но Акулинъ-то въ деревнѣ много, а управитель одинъ.

Гдѣ же найти себѣ управителей цѣлой трети безлошаднаго русскаго населенія?

Какъ ей быть?..

Разсказъ Каронина «Солома» даетъ нѣкоторое представление о томъ, какія минуты переживаетъ деревня въ неурожайные годы.

«Плохо жилось Ивану. Въ этомъ отношеніи онъ не отличался отъ прочихъ жителей. Кособокая изба, нелѣпые постройки усадьбы, пустота на дворѣ, жалкіе предметы, рѣшительно все такъ, какъ у людей.

Одно было отличіе.

Издалека еще виднѣлся какой-то стогъ, возвышавшійся посерединѣ самой деревни. Стогъ этотъ стоялъ на дворѣ у Ивана Чихачева. Это была просто огромная куча соломы. Неизвѣстно, какъ Чихачеву удалось накопить столько богатства, въ то время, какъ у другихъ скотъ всю зиму ѣлъ крыши

Положеніе его, какъ собственника соломы, было великолѣпное.

Безкормица давала себя знать. Истощенный скотъ падалъ. Появились особенныя болѣзни, еще быстрее уничтожавшія коровъ и лошадей. Послѣднія просто стали таять. Каждый день кто-нибудь изъ деревни везъ за околицу мертвое животное, сваливалъ его днемъ въ общую яму, а ночью сдиралъ съ нея шкуру; ежедневно на какомъ-нибудь дворѣ слышался женскій плачь, — это жена хозяина жалѣла павшую скотину; не было такого отчаянія, когда мерли ребята.

Давно извѣстно, что скотинки крестьяне просятъ съ приплодомъ, а дѣтокъ — съ приморцемъ.

Деревня обезумѣла и кинулась къ Ивану за соломою. Платили сумасшедшія деньги, и Иванъ сразу разбогатѣлъ. Но быстрый переходъ отъ нужды къ достатку плохо повліялъ на Чихачева, и, въ концѣ-концовъ, онъ все-таки свихнулся»...

Еще недавно на самарскія степи смотрѣли, какъ на непочатый край; въ ихъ широту и необъятность до сихъ поръ вливаютъ переселенцевъ изъ Малороссіи, размѣщая ихъ на казенныхъ и удѣльныхъ участкахъ, и вдругъ въ то же время самарцы жалуются на тѣсноту и сами мечтаютъ о переселеніи куда-то за Уралъ, въ далекую Сибирь, на молочныя воды. Однако мгновенное недоумѣніе очень скоро разсѣивается, если мы вспомнимъ, что крестьянская надѣльная земля составляетъ всего 40% всей площади Самарской губерніи, т.е. значительно меньше половины, при чемъ на этой землѣ нигдѣ не примѣняется удобреніе, а существуетъ такъ называемое переложное хозяйство. Ясное дѣло, что давно канули въ вѣчность тѣ времена, когда послѣ двухлѣтней пашни земля отдыхала по 10 — 12 лѣтъ; когда за этотъ промежутокъ времени земля порастала могучимъ ковылемъ, свидѣтельствовавшимъ, что она снова готова къ

посѣву и уже впольнѣ возстановила свои производительныя силы.

Населеніе съ каждымъ годомъ прибываетъ, и почти повсемѣстно видно, какъ исчезаютъ подъ пахотой крестьянскіе выгоны и пропадаютъ въ морѣ крестьянскаго оскудѣнія.

Но исчезновеніемъ выгоновъ у крестьянъ уничтожается возможность поддерживать свою скотину, а безъ скота вести сельское хозяйство довольно мудрено.

Степной характеръ мѣстности, отсутствіе каменнаго угля и торфа заставляютъ не только крестьянъ, но и самихъ владѣльцевъ пользоваться навозомъ и соломой, какъ топливомъ, поэтому о вывозѣ ея на поля не можетъ быть и рѣчи. Объ истощеніи крестьянской земли свидѣтельствуетъ также пониженіе арендной платы на крестьянскую землю.

Не буду утомлять читателя цифрами и скажу только, что за аренду крестьянскихъ земель платили въ 1895 — 6 годахъ на треть меньше, чѣмъ за частновладѣльческую.

Помимо коневодства, довольно важное мѣсто въ хозяйствѣ Поволжья занимаетъ овцеводство.

Общее количество овецъ въ области превышаетъ 15 милліоновъ головъ. Въ связи съ овцеводствомъ развилась цѣлая отрасль обрабатывающей промышленности. Изъ овечьей шерсти готовятъ грубыя сукна, войлокъ, чулки, тесьму и т. п. Овцы разводятся нѣсколькихъ сортовъ: простыя — русскія, волошскія и курдючныя. Всѣ онѣ даютъ очень грубую шерсть. Но, кромѣ этихъ породъ, въ краѣ имѣются и тонкорунныя или мериносовыя овцы.

Овечья шерсть, за рѣдкими исключеніями, продается здѣсь, на мѣстѣ, всевозможнымъ скупщикамъ; только болѣе извѣстные овцеводы отправляютъ свои

товары непосредственно въ Москву или прямо на фабрики.

Цѣна за шерсть — грязную 7 — 13 рублей, мытую 20 — 40 рублей пудъ.

Кромѣ шерсти, овцы даютъ еще мясо и сало. Но мясо русскихъ овецъ очень невкусно и потребляется большею частью самими крестьянами. Въ продажу оно не идетъ. Мясо волошскихъ овецъ нѣсколько вкуснѣе. Сало идетъ на салотопенные заводы Саратовской и Самарской губерній, а частью отправляется въ другія мѣста и Петербургъ.

XI.

Недостаточность заработка отъ земли заставляетъ поволжскихъ крестьянъ искать другихъ источниковъ дохода. Однимъ изъ такихъ источниковъ и, казалось бы, многообѣщающимъ являются работы на р. Волгѣ.

Еще съ незапамятныхъ временъ торговля отношенія побуждали населеніе пользоваться рѣкою Волгой, какъ средствомъ для перевозки товаровъ. Сначала движеніе шло внизъ по рѣкѣ, сплавомъ, съ помощью вѣтра, а затѣмъ и вверхъ, противъ теченія при помощи бечевы.

Выдь на Волгу, чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется, —
То бурлаки идутъ бечевой...

Теперь этотъ способъ перевозки почти отошелъ въ область преданій, между тѣмъ, какъ въ свое время этимъ дѣломъ на Волгѣ было занято до 600.000 человекъ.

Появленіе коноводокъ значительно сократило это число, а примѣненіе пара и возникновеніе пароходства произвело цѣлый переворотъ въ доставкѣ товаровъ.

Количество товаровъ изъ года въ годъ растеть.

По бассейну р. Волги было перевезено въ 1891 г.— 518,5 миллионѣвъ пудовъ, въ 1895—741,5, въ 1900— 1.058,7 и въ 1901 — 1.113,0 миллионѣвъ пудовъ, при чемъ стоимость грузовъ въ 1901 году равнялась 394.013.000 рублей.

Весь этотъ грузъ, всѣ эти несмѣтныя сокровища нужно было провезти за навигаціонный періодъ, т.-е.

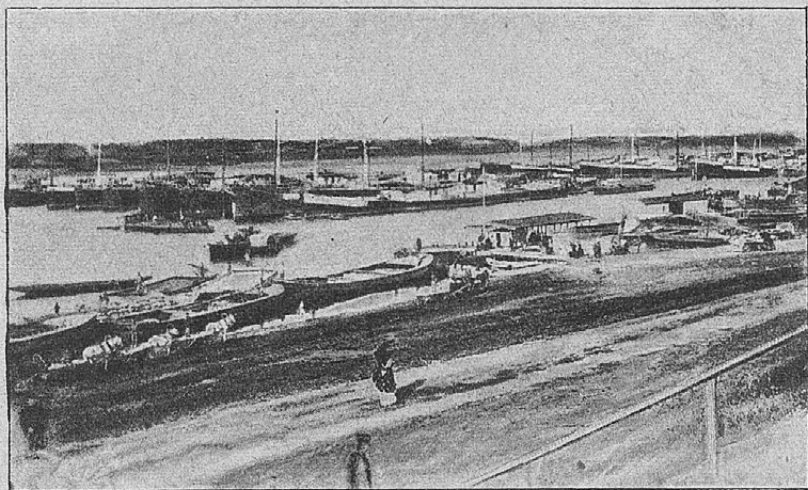
Тяга „лямкой“ лодки въ Жигуляхъ.

приблизительно въ 195 — 200 рабочихъ дней. Несомнѣнно, конечно, что такая спѣшка требовала лихорадочной поспѣшности въ человѣческой работѣ, и именно въ работѣ тѣхъ людей, отъ дѣятельности которыхъ зависѣла успѣшность въ выгрузкѣ и нагрузкѣ всѣхъ волжскихъ судовъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ. Но сколько же нужно людей, чтобы ихъ было достаточно для всей упомянутой работы?

Точную цифру довольно трудно установить, но, принимая во вниманіе свѣдѣнія газетныхъ корреспонденціи, по которымъ въ Чистополѣ считается 2.000

грузчиковъ, Царицынѣ — свыше 6.000 человекъ, и количество прошедшихъ грузовъ, можно съ увѣренностью сказать, что грузчиковъ на Волгѣ и ея бассейнѣ придется не менѣе 35 — 40 тысячъ человекъ.

Главная масса грузчиковъ состоитъ изъ крестьянъ разныхъ поволжскихъ губерній, являющихся на Волгу съ открытіемъ пароходства и отправляющихся домой только послѣ того, какъ Волга станетъ *).

Эта масса состоитъ изъ людей, вытѣсненныхъ изъ деревни безхлѣбницей и заранѣе готовыхъ на всѣ условія.

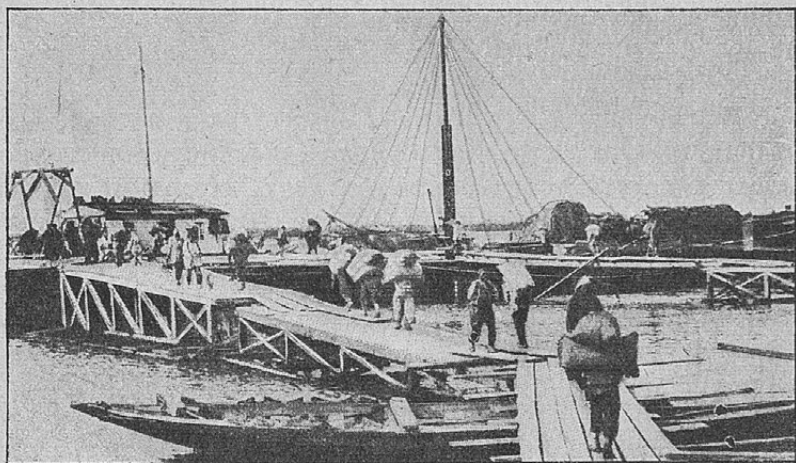
Изъ года въ годъ оставляютъ эти крестьяне свою родную ниву и, проводя слишкомъ 6 мѣсяцевъ на Волгѣ, незамѣтно и неуклонно уходятъ изъ-подъ власти земли. Но не сразу порывается вѣковая связь

*) „Очеркъ санитарно-экономическаго положенія грузчиковъ на Волгѣ“ санитарнаго врача А. Ф. Никитина. СПБ. 1904.

съ земельнымъ надѣломъ. Небольшая часть грузчиковъ покидаетъ пристани въ лѣтнюю страду на 2—3 недѣли, но такихъ будетъ не больше 5 человекъ на сотню.

Затѣмъ часть грузчиковъ приходитъ только на короткій срокъ изъ ближайшихъ деревень.

Къ этой главной массѣ рабочихъ присоединяется на разныхъ пристаняхъ нѣкоторое количество золо-

Нагрузка баржи на Волгѣ.

торотцевъ, солдатъ, арестантовъ. Количество это опредѣляется разными мѣстными условіями. Въ Нижнемъ-Новгородѣ золоторотцы, иначе зимогоры (зимой горе), облюбовали себѣ Мочальный островъ—пристань на лѣвомъ берегу Волги для склада мочалы. Здѣсь не стѣсняются въ обращеніи, а самое важное—въ костюмахъ.

Наконецъ въ грузовой работѣ принимаютъ участіе и матросы пассажирскихъ и товаро-пассажирскихъ пароходовъ.

Главнымъ образомъ, работаютъ русскіе, въ Казани и ближайшихъ пристаняхъ они перемѣшиваются съ татарами, а въ Астрахани — съ персами.

Такъ какъ татары, а въ особенности персіане работаютъ за болѣе низкую плату, чѣмъ русскіе, то между ними вѣчно непріязненные отношенія.

Въ силу дешевизны, персы вытѣсняютъ русскихъ и татаръ; безотвѣтность, рабская покорность и дешевизна, вслѣдствіе невозможно низкаго уровня потребностей, составляютъ ихъ главное достоинство въ глазахъ нанимателя.

Участіе женщинъ въ грузовыхъ работахъ не составляетъ рѣдкости. Число ихъ довольно значительно, и въ ихъ рядахъ встрѣчаются какъ дѣвушки, такъ и замужнія, зачастую на послѣднихъ мѣсяцахъ беременности.

На Ветлугѣ при нагрузкѣ бѣлянъ работаютъ артели въ 150 человѣкъ, въ томъ числѣ 50 — 60 женщинъ.

Въ Котельничѣ (на Вяткѣ) каждой весной собирается до 700 женщинъ и дѣвушекъ для выгрузки соли въ теченіе 2 — 3 недѣль.

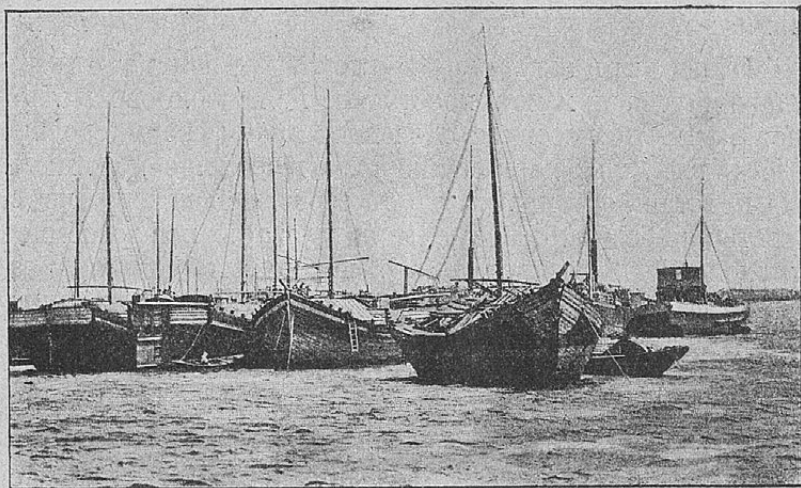
Непосредственно отъ земли пришли на пристань человѣкъ 70 на сотню, остальные 30% грузчиковъ уже раньше отбились отъ родимыхъ полей, пробуя искать заработка разными путями, помимо земледѣльческихъ работъ.

Грузовая работа, какъ отхожій промыселъ, существуетъ, конечно, давно. Историческую извѣстность на Волгѣ приобрѣло село Промзино, Симбирской губерніи. Въ былое время оно давало отборныхъ по силѣ и ловкости грузчиковъ, а въ настоящее время оно снабжаетъ волжскія пристани подрядчиками.

Изъ 700 опрошенныхъ А. Ф. Никитинымъ грузчиковъ, 45 совсѣмъ не имѣли надѣла и 30 человекъ было такихъ, которые не знали о величинѣ своего недвижимаго имущества.

Три четверти подвергшихся опросу грузчиковъ имѣли надѣлъ величиною меньше десятины.

Проводя все лѣто на Волгѣ, грузовые рабочіе оставляли свою землю въ громадномъ большинствѣ случаевъ (58,5%) на родственниковъ.

Проработавъ 6 мѣсяцевъ на рѣкѣ, грузчикъ приходитъ на зиму домой, и вторую половину года ему приходится проводить почти въ отдыхѣ. Но такое чередованіе чрезмѣрной усиленной работы съ вынужденнымъ покоемъ отражается одинаково вредно какъ на имущественномъ благосостояніи грузчиковъ, такъ и на ихъ здоровьѣ.

За навигаціонный періодъ грузчикъ не зарабатываетъ столько, сколько получаетъ человекъ при ров-

ной годовой работѣ. А между тѣмъ, на лѣтней работѣ ему приходится надрывать свое здоровье.

Средняя рабочая жизнь грузчика равняется, по данным Никитина, 8,2 года. Послѣ восьмилѣтняго труда грузчики волей или неволей уходятъ куда-то, а мѣсто ихъ занимаютъ свѣжія силы.

Свыше двухъ третей грузчиковъ совершенно незнакомы съ грамотой, и этимъ обстоятельствомъ весьма широко пользуется подрядчикъ и наниматель при заключеніи разныхъ письменныхъ условій съ рабочими.

Итакъ, что же такое волжскіе грузчики? Это въ главной своей массѣ крестьяне, покидающіе на лѣтнее, а также весеннее и осеннее время свою деревню. Связь ихъ съ землей существуетъ больше по имени. На пристань они приносятъ съ собою деревенское невѣжество и безграмотность, а вмѣстѣ съ ней огромное трудолюбіе и безпредѣльную покорность самымъ безсовѣстнымъ нанимателямъ. Отъ крестьянства они удержали только одно названіе, на самомъ же дѣлѣ изъ нихъ образовывается совершенно новая трудовая группа.

Четвертая часть грузчиковъ, изслѣдованныхъ Никитинымъ, находилась въ возрастѣ ниже 25 лѣтъ, т.е. въ возрастѣ, въ которомъ скелетъ еще не успѣлъ достигнуть своего окончательнаго развитія.

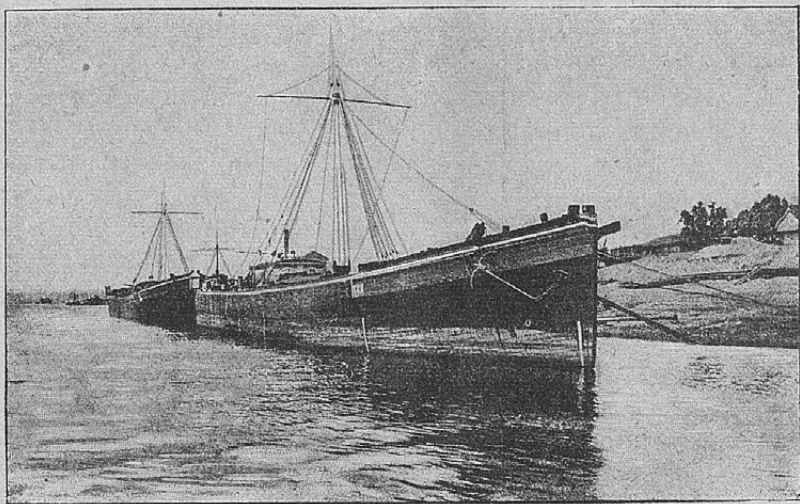
Средній возрастъ грузчиковъ равнялся 31 — 35 л.

Старше сорока лѣтъ среди грузчиковъ — 12,7%, тогда какъ, по Дементьеву, среди чернорабочихъ Серпуховскаго уѣзда, Московской губерніи, лицъ старше 40 лѣтъ оказалось 53,1%.

Казалось бы, что условія труда чернорабочихъ и грузчиковъ должны быть одинаковыми, а между тѣмъ,

приведенныя цифры указываютъ на громадную разницу.

По этимъ даннымъ мы можемъ заключить, что слишкомъ большое число грузчиковъ начали свою губительную для молодыхъ силъ работу слишкомъ рано. И непосильный трудъ быстро вывелъ изъ строя надорвавшихся и износившихся рабочихъ, для которыхъ 8—10 лѣтъ—вся ихъ трудовая жизнь. Куда дѣ-

вается вся эта масса оставшихся за бортомъ людей, Никитину не удалось услѣдить. Во всякомъ случаѣ, они покидаютъ берега обездолившей ихъ рѣки, которая для нихъ становится не матушкой, а мачехой.

Дорогъ остается еще много: или обратно въ село, или въ городъ на болѣе легкій трудъ, или — самый торный путь — въ ряды приволжской нищеты, которая носить самыя разнообразныя названія на мѣстномъ языкѣ, — золоторотцы, зимогоры, галахи, босяки, раклы, посадскіе и т. д.

По самымъ условіямъ труда въ грузчики долженъ итти отборный народъ.

Средній ростъ грузчика значительно выше средняго роста фабричнаго рабочаго Московской губерніи, имѣющаго (по Эрисману) 165,13 снт.; онъ превышаетъ также и средній ростъ рабочаго на рыбныхъ промыслахъ. Это вполне понятно, такъ какъ посредственный человѣкъ не справится съ такимъ трудомъ.

И вотъ эти отборные люди подъ вліяніемъ условій работы начинаютъ мѣняться.

У людей, разгружающихъ суда, встрѣчается извѣстное искривленіе позвоночника, образующееся вслѣдствіе привычки держать спину во время работы въ согнутомъ положеніи.

Около одной седьмой части осматрѣнныхъ грузчиковъ имѣли измѣненный позвоночникъ, — это такъ называемые «горбачи». Около двухъ третей этихъ «горбачей» начали работы ранѣе 25 лѣтъ.

Почти третья часть осматрѣнныхъ грузчиковъ имѣли расширение венъ. Это неизлѣчимое страданіе организма представляетъ собою какой-то злой рокъ и является неизбѣжнымъ удѣломъ грузчика, если онъ не покинетъ во-время своего тяжелаго труда.

Очень часты опухоли, располагающіяся по тѣлу рабочаго именно тамъ, гдѣ ихъ должны вызвать условія работы: на плечахъ, надъ ключицей, сзади надъ лопаткой, на шеѣ — именно на тѣхъ мѣстахъ, которыя подвергаются механическому раздраженію подушки или тяжести.

Мозоли на ладони и пальцахъ представляютъ настолько обычное явленіе у грузчиковъ, что на карточкахъ не дѣлалось отмѣтокъ. Кромѣ рукъ, мозолистое разращеніе кожи наблюдается на лопаткахъ и

на всей спинѣ. Въ послѣднемъ случаѣ вся кожа сплошь толста, теряетъ видъ человѣческой кожи, а напоминаетъ кожу животнаго. Это особенно наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда грузъ несутъ на голыхъ плечахъ или спинѣ даже безъ рубашки, напр., мѣшки съ мукой.

Вся обстановка работы грузчиковъ представляетъ тысячи благопріятныхъ условій для такъ называемыхъ

несчастныхъ случаевъ. Случаи болѣе легкихъ поврежденій въ родѣ ушибовъ, пораненій, растяженій проходятъ обыкновенно незамѣченными: очень часто грузчики не лѣчатся совсѣмъ или уходятъ лѣчиться домой. Серьезные случаи кончаются тяжелымъ увѣщемъ или смертью.

Число случаевъ настолько велико, что въ среднемъ одинъ изъ 7—8 грузчиковъ обязательно получаетъ поврежденіе.

Настоящимъ бичомъ грузчиковъ является лихорадка.

Болѣе половины (53%) переболѣли лихорадкой, а значительная часть болѣетъ изъ года въ годъ.

Такая громадная заболѣваемость маляріей объясняется общимъ ослабленіемъ организма, а также условіями работы и жизни.

Работа идетъ на рѣкѣ, идетъ она не только днемъ, но и утромъ, и вечеромъ, и ночью; живетъ грузчикъ на дебаркадерѣ или на берегу, а если и вдали отъ берега, то въ темной, сырой и тѣсной квартирѣ.

Огромная заболѣваемость лихорадкой среди грузчиковъ особенно бросается въ глаза, когда сравнить ее съ заболѣваемостью въ какомъ-нибудь городѣ. Напр., въ Нижнемъ-Новгородѣ, по даннымъ врача Оивейскаго, въ 1901—2 году заболѣло лихорадкой около 4%, тогда какъ грузчиковъ въ теченіе года переболѣло не менѣе 15%.

Кромѣ перечисленныхъ болѣзней, среди грузчиковъ распространены разныя кожныя болѣзни.

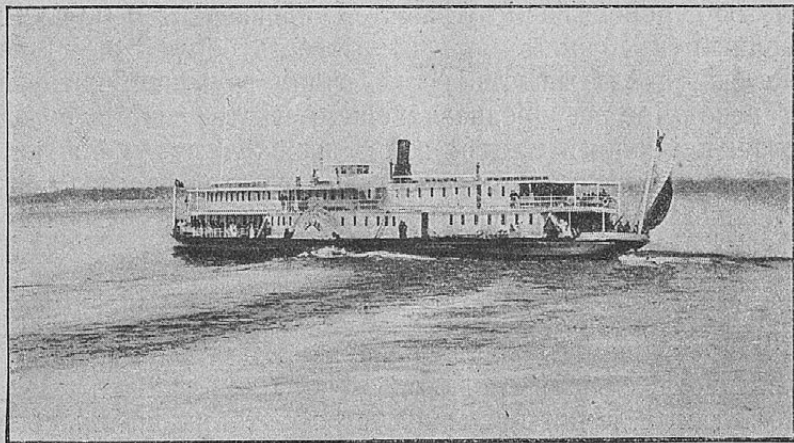
Причиной ихъ является, съ одной стороны, раздраженіе кожи тяжестями, съ другой — загрязненіе кожи частицами разныхъ грузовъ. Экзема и лишай достигаютъ иногда громадныхъ размѣровъ.

Работа, надрывающая здоровье грузчика, заключается въ переноскѣ тѣхъ милліардовъ пудовъ разнаго груза, которые ежегодно провозятся на судахъ Волжскаго бассейна. Съ судна грузчикъ долженъ перемѣстить грузъ на берегъ, въ лабазы, на подвозы, въ вагоны или на другое судно, а также и наоборотъ.

Главнѣйшими грузами на Волгѣ являются хлѣбъ (въ зернѣ и мукѣ), хлопокъ, кудель, чугуны, желѣзо, рыба, соль, нефтяные остатки и лѣсной матеріалъ.

Хлѣбъ перевозится на судахъ насыпью и въ мѣшкахъ, мука—въ мѣшкахъ, соль—насыпью. Эти товары сравнительно удобны для переноски. Въ общемъ вѣсъ одного мѣста груза не превышаетъ пяти пудовъ.

Хлопокъ, кудель, тряпье и многое тому подобное упаковывается въ тюки, покрытые холщевой оберткой или цыновкой; рукавицы, валяная обувь и проч. упаковывается въ ивовыя корзины. Тюки и корзины эти

обыкновенно бываютъ громаднѣхъ размѣровъ, вѣсъ ихъ отъ 12 до 18, чаще всего — 14 пудовъ.

По Волгѣ на Нижегородскую ярмарку идетъ масса мануфактуры, посуды и разныхъ другихъ издѣлій; все это упаковывается въ деревянные ящики необычайныхъ размѣровъ и вѣсомъ до 14 и болѣе пудовъ. Напр., ящикъ съ самоварами—вѣсомъ 10 пуд., аршина $2\frac{1}{2}$ въ длину и больше аршина въ ширину и высоту.

Свѣжая рыба упаковывается со льдомъ въ громаднѣхъ деревянныхъ ящикахъ вѣсомъ до 30 пуд. Въ большихъ бочкахъ возятъ также пиво, патоку, нефтяныя масла, сахаръ, канифоль и проч. Желѣзо

и чугуны по формѣ своей и вѣсу тоже чрезвычайно неудобны для переноски.

Въ каждой артели есть свое распредѣленіе занятій.

Артель дѣлится на «руки», т.-е. отдѣльныя кучки, которымъ поручается самостоятельная работа; но, безъ сомнѣнія, главный трудъ выпадаетъ на долю «грузчика», на обязанности котораго лежитъ самая трудная задача — перемѣстить грузы съ одного мѣста на другое.

Это перемѣщеніе тяжестей производится при помощи рукъ, спины и плеча: тяжесть берутъ 2—4 человека, накладываютъ ее на спину грузчика, который и несетъ ее на предназначенное мѣсто; иногда ее несутъ на одномъ плечѣ, напр., мѣшки съ мукой.

Если предметъ громоздкій, то его несутъ нѣсколько человекъ, число которыхъ доходитъ до 20 и болѣе.

Большинство грузовъ на всѣхъ пристаняхъ Волги переносится на спинѣ, и грузчикъ на время навигаціи превращается во вьючное животное почти въ буквальномъ смыслѣ слова.

Ручныя тачки примѣняются только на небольшомъ числѣ пристаней.

Обычный грузъ, по отзывамъ самихъ рабочихъ, колеблется между 7—8 пудами, но въ отдѣльных случаяхъ доходитъ пудовъ до 15. Только выдающіеся силачи поднимаютъ 20—25 пудовъ.

Количество произведенной работы весьма неустойчиво.

Обыкновенно на рабочій день приходится одному человеку 200—300 пудовъ, но въ дни особенно напряженной работы цифра эта достигаетъ 700—800 и болѣе пудовъ.

Исключительно пассажирскихъ пароходовъ на Волгѣ нѣтъ, такъ какъ каждый пассажирскій пароходъ бе-

реть или можетъ взять, по крайней мѣрѣ, 8—12 тысячъ пудовъ груза. Грузъ размѣщается на палубѣ парохода и въ трюмѣ. Специальнаго мѣста для груза на палубѣ нѣтъ: грузъ кладутъ вездѣ, гдѣ только возможно, а пассажиры (последняго класса) располагаются на свободныхъ мѣстахъ.

Грузовой трюмъ есть почти на всѣхъ пароходахъ, за весьма немногими исключеніями.

Караванъ на Волгѣ.

Уже работа на палубѣ представляетъ очень много неудобствъ.

Но самыя тяжелыя условія работы состоятъ въ выгрузкѣ и нагрузкѣ трюма. Съ палубы въ трюмъ ведетъ деревянная лѣстница. Одинъ конецъ ея вдѣлывается въ край люка, а другой — въ днище. Устройство лѣстницы имѣетъ для грузчиковъ громадное значеніе. Если она очень пологая, то грузъ зацѣпится за противоположный край люка; если крутая, то грузъ

чику очень трудно спускаться. Вообще подъемъ груза и спускъ по такимъ лѣстницамъ обыкновенно бываетъ чрезвычайно неудобенъ.

Но если подъемъ товаровъ изъ трюма на палубу сопряженъ съ такой массой затрудненій, то переноска тяжестей на берегъ тоже обставлена не лучше. Съ парохода на дебаркадеръ перебрасываются «сходни» — съемные мостки; такъ какъ эти мостки короткіе, то и устроены болѣе или менѣе прочно. Мостки съ баржи на берегъ имѣютъ иногда нѣсколько десятковъ сажень, вслѣдствіе того, что груженная баржа не можетъ подойти близко къ берегу. Устроены такіе мостки очень неважно. Они нерѣдко проламываются подъ грузчиками съ ношей; не одна жизнь погибла изъ-за непрочности мостковъ.

Будучи узки и въ то же время имѣя въ длину нѣсколько десятковъ сажень, баржевые мостки очень часто не имѣютъ периль. Эти мостки состоятъ изъ отдѣльныхъ длинныхъ досокъ на высокихъ подставкахъ, и доски эти сильно «пружиняются»; еще хуже, когда рядомъ лежащія доски разной толщины и, слѣдовательно, одна доска лежитъ ровно, а другая вдругъ гнется подъ ногою. Между досками бываютъ большія щели, а концы ихъ, положенные другъ на друга, торчатъ въ беспорядкѣ на пути рабочаго. Вообще за удобствомъ работы никто не смотритъ: рабочіе спѣшатъ больше выработать, а приказчики и десятники заняты своими дѣлами, хотя главнѣйшее ихъ дѣло — наблюденіе за работами.

Работа на пристани послѣ дождя становится положительно опасной для жизни грузчика: каждый шагъ по скользкой грязи можетъ вызвать потерю равновѣсія и паденіе грузчика подъ ношей. Опасна ходьба съ грузомъ и по мосткамъ, такъ какъ и мостки покрываются лишкой грязью. Никакихъ мѣръ предо-

сторожности никогда не примѣняется. Только въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ набережная вымощена камнемъ. Конечно, и мостовая не спасенье для грузчика съ ношей на спинѣ, когда она покрывается слоемъ жидкой грязи; для тачечника же она истинное мученье. Между камнями образуются выбоины, въ которыя врѣзается колесо тачки, и грузчикъ выбивается изъ силъ, стараясь подвинуть свой грузъ дальше. Плохо работать на лѣвомъ отлогомъ берегу Волги, но правый берегъ представляетъ еще худшія условія для трудового люда. Крутой подъемъ, выбоины и бугры требовали громадныхъ усилій при выполненіи работы.

Въ Саратовѣ насъ изумляло, какую массу труда и времени требовала нагрузка и разгрузка товаровъ, благодаря этому подъему на набережную. Несмотря на постоянную задержку пароходовъ вслѣдствіе нагрузки, рѣдко устраиваются какія-либо приспособленія для нагрузки. Самое сложное приспособленіе, примѣнявшееся на пристаняхъ, — это «наклонная плоскость» для механическаго подъема тяжестей на верхнюю набережную.

Наклонная плоскость примѣняется въ Саратовѣ на пристани «Увѣкъ» и «Князевка», а также въ Камышинѣ. Всѣ онѣ принадлежать Обществу Рязанско-Уральской желѣзной дороги.

Только очень недавно, по словамъ «Русскаго Судоходства» (1900 г., № 3, стр. 167), на пристани Сарепта оборудованы Владикавказской желѣзной дорогой приспособленія съ такимъ расчетомъ, чтобы можно было пропускать не менѣе 30.000 пудовъ груза въ день.

Главнѣйшимъ орудіемъ работы служить «подушка» или, какъ ее называютъ еще грузчики, «потникъ». Это — сѣдло, которое надѣваетъ грузчикъ на спину,

намѣреваясь заняться работой. На поверхности ея есть выступъ, на которомъ долженъ держаться товаръ. Кромѣ спинныхъ подушекъ, иногда, напр., въ Саратовѣ, употребляются наплечныя.

Это — серповидной формы подушечка, которую кладутъ на плечо и подвязываютъ «подмышкой». Несмотря на то, что на плечахъ приходится носить нерѣдко, наплечныя подушки на большинствѣ волжскихъ пристаней совершенно неизвѣстны.

Спеціальной рабочей одежды на Волгѣ нѣтъ. Въ жаркое время на баржахъ работаютъ иные безъ рубашки, другіе — въ рубашкѣ, но безъ штановъ, какъ, напр., въ Саратовѣ, Ярославлѣ и т. д.

Осенью работаютъ въ обычной своей одеждѣ — въ рубашкѣ и штанахъ, но безъ поддевокъ или чего-либо подобнаго.

Рабочій день у грузчиковъ не имѣетъ опредѣленной величины. Размѣры его зависятъ отъ прилива и отлива грузовъ во время всей навигаціи.

Пароходы ходятъ довольно неаккуратно. Опозданіе не рѣдкость. А между тѣмъ, чтобы не задерживать всего движенія, требуется спѣшная работа. Вслѣдствіе этого работа грузчиковъ страдаетъ страшной неравномѣрностью: то работаютъ цѣлыми днями сплошь, то бездѣйствуютъ день-другой, то работаютъ днемъ, то ночью, а то и днемъ и ночью непрерывно. Начинаютъ работать то въ 5—6 часовъ утра, то въ 8, а то и въ 3—4. Кончаютъ работу тоже не въ одно время: когда въ 7—8, а когда и въ 10—11 часовъ вечера. Слѣдовательно, заключаетъ Никитинъ, опредѣлить размѣры рабочаго дня съ точностью не представляется возможнымъ, хотя въ общемъ нужно признать, что онъ бываетъ не менѣе 14 часовъ (отъ 5 часовъ утра до 7 часовъ вечера), а иногда достигаетъ 16—17 часовъ.

Большой перерывъ въ днѣ бываетъ только одинъ, для обѣда, и онъ продолжается 1 — 1½ и даже 2 ч. За это время рабочій долженъ сходить на квартиру, пообѣдать и вернуться на пристань.

Публика 4-го класса.

Кромѣ главнаго перерыва, бываетъ нѣсколько маленькихъ по 5 — 10 минутъ, — это «залогіи». Этимъ перерывомъ пользуются для того, чтобы покурить и перевести духъ. Итакъ, чрезмѣрно продолжительный

рабочій день проходить безъ достаточнаго и правильнаго отдыха.

Оцѣнивая длину рабочаго дня, нужно еще не упускать изъ вида того, что работа продолжается непрерывно 192 — 194 дня, слишкомъ 6 мѣсяцевъ, не прекращаясь ни въ воскресенье ни въ двенадцатые праздники. Безпрерывная работа безъ соблюденія какихъ бы то ни было праздниковъ обязательно требуется въ договорѣ каждого подрядчика или конторы.

Большое вліяніе на истощеніе рабочихъ оказываетъ сдѣльная плата. Стремясь заработать какъ можно больше, люди не считаются съ своими силами.

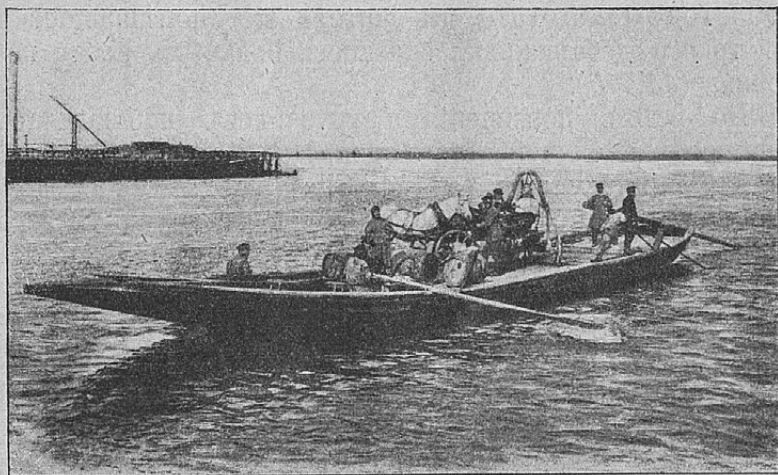
Сдѣльная плата господствуетъ на всемъ протяженіи Волжскаго бассейна. Всякая работа исчисляется сдѣльно, съ 1.000 пудовъ перенесеннаго груза; иногда только исчисляется поштучно, по количеству перенесенныхъ «мѣстъ». Сдѣльная плата, въ свою очередь, распредѣляется на нѣсколько видовъ: за выгрузку, за нагрузку, за перевалку и т. д. Основаніемъ обыкновенно служитъ разстояніе переноски. Кромѣ того, сдѣльная плата измѣняется сообразно роду груза, напр., мануфактурный, мучной, желѣзный и т. д.

Разнообразіе въ цѣнахъ даже въ одномъ и томъ же городѣ чрезвычайное: начиная отъ 2-хъ и кончая 8 рублями за 1.000 пуд.

Наибольшій заработокъ грузчика, работающаго въ постоянной артели, надо считать, — думаетъ Никитинъ, — приблизительно рублей 250 — 300 за навигацію; а за вычетомъ всѣхъ расходовъ (квартира, харчи, водка и пр.) чистаго заработка остается 150 — 180 рублей. Иногда чистый заработокъ спускается до 100 — 120 рублей и менѣе.

Что касается матросовъ, то ихъ заработокъ значительно ниже — только «хватаетъ на харчи», какъ они говорятъ.

Особенно мало зарабатывали солдаты, которые въ числѣ 28 человекъ успѣвали сработать 3 — 3½ тысячи и получить за день тяжелой работы 40 — 50 и не болѣе 65 коп. на человека.

Переправа на Волгѣ.

Тяжелыя условія труда грузчика осложняются неблагоприятной квартирной обстановкой. Жилища грузчиковъ расположены на берегу, поближе къ пристани, рѣдко на дебаркадерѣ и еще рѣже въ трюмѣ.

Жилище въ трюмѣ дебаркадеровъ представляетъ «чрезмѣрное зло, которое должно быть уничтожено».

«Ходъ въ эти помѣщенія черезъ балки неудобенъ и опасенъ, въ нихъ темно, сыро, отопленія не устраивается, воздухъ испорченный, насыщенъ испареніями трюмной воды, которая нерѣдко представляетъ

собою гниющее болото. Вода въ трюмѣ быстро загрязняется людьми и лѣтомъ быстро портится вслѣдствіе отсутствія свѣта и недостатка свѣжаго воздуха. Влажное дерево гниетъ и вноситъ, такимъ образомъ, долю въ загрязненіе воздуха». Гибельныя санитарныя условія грузчиковъ, помѣщающихся въ трюмѣ, немедленно обнаружились на количествѣ больныхъ маляріей. Грузчиковъ, страдавшихъ маляріей, въ 1903 году было 15%, въ артели же, помѣщавшейся въ трюмѣ дебаркадера, оказалось больныхъ почти половина (44,7%).

Во всѣхъ помѣщеніяхъ грузчиковъ наблюдалась невѣроятная скученность людей. Нары строятся въ два этажа, на полу тоже спятъ. Спятъ на этихъ нарахъ вповалку, плотно прижавшись другъ къ другу. Въмѣсто матрацевъ употребляется чаще всего верхняя одежда.

Осмотрѣвши довольно много квартиръ, врачъ Никитинъ пришелъ къ заключенію, что всѣ эти жилища какъ по обстановкѣ, по количеству воздуха, такъ и по прочимъ условіямъ, находятся уже за тѣмъ предѣломъ, за которымъ они не отвѣчаютъ потребностямъ человѣка. Санитарный врачъ Оивейскій подтверждаетъ, что «ни одно почти изъ осмотрѣнныхъ имъ помѣщеній не удовлетворяетъ хотя бы главнѣйшимъ требованіямъ санитаріи». Самыя помѣщенія имѣютъ характеръ временныхъ построекъ, представляя изъ себя ни болѣе ни менѣе какъ наскоро сколоченные, не приспособленные для жилья сараи, зачастую съ землянымъ поломъ; содержатся помѣщенія страшно грязно, въ большинствѣ случаевъ печи отсутствуютъ, ретирады издають невыносимое зловоніе.

Питаются грузчики довольно сносно, но между ними крайне развита страсть къ водкѣ. Водка считается необходимостью и пьется въ громаднѣхъ количествахъ; количество ея ставится въ зависимость

отъ напряженія работы: чѣмъ больше работали, тѣмъ больше пьютъ.

Сильная потребность грузчиковъ въ спиртѣ — обстоятельство, не подлежащее сомнѣнію. Причина этого — чрезвычайная физическая работа, недостатокъ отдыха, недочетъ въ питаніи, отсутствіе всякихъ разумныхъ интересовъ и развлеченій.

Пароходства, за рѣдкими исключеніями, заклю

Плотъ на Волгѣ.

чаютъ условіе съ подрядчиками, а послѣдніе, въ свою очередь, заключаютъ условіе съ рабочими. Въ случаѣ отсутствія подрядчика, условіе заключается съ десятникомъ, выбраннымъ артелью. Это по многимъ причинамъ удобнѣе для пароходчиковъ. Контора составляетъ односторонне договоры, выговаривая себѣ всѣ права и уклоняясь отъ обязанностей. А подрядчикъ стремится перенести всѣ эти обязанности на поступающихъ къ нему рабочихъ. «Подрядчикъ можетъ cadaго изъ насъ уволить... по его усмотрѣнію»...

Наемъ артелью не спасаетъ грузчиковъ отъ невыгодныхъ условій найма. Иногда даже совсѣмъ на оборотъ, артельное товарищество не сдерживаетъ дурныхъ наклонностей даже въ самихъ участникахъ артели; артели очень часто нанимаютъ на подмогу себѣ поденныхъ рабочихъ на свой счетъ и въ этомъ случаѣ платятъ такъ мало, какъ ни одинъ подрядчикъ; иногда ихъ нанимаетъ подрядчикъ на счетъ артели. Самостоятельности въ артели нѣтъ никакой.

Ея подчиненіе начинается съ десятника, который обыкновенно стремится выбиться выше, поступаясь интересами артельныхъ товарищей.

Какъ по своимъ внутреннимъ качествамъ, такъ и по внѣшности, большинство десятниковъ представляютъ собой яркій примѣръ кулачества. Заработокъ десятника далеко превосходитъ заработокъ грузчика.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что работа грузчика принадлежитъ къ одной изъ самыхъ вредныхъ для здоровья человѣка. Истощенный непосильнымъ напряженіемъ, превратившійся въ неудержимаго пьяницу, грузчикъ покидаетъ свою работу, унося на себѣ какой-нибудь неизгладимый отпечатокъ ея. Но онъ не идетъ прямой дорогой въ могилу — онъ поступаетъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ въ число такъ называемыхъ «подонковъ общества». Эта проволочка дѣлаетъ удѣлъ выбывшаго изъ службы грузчика еще болѣе горькимъ для него лично и болѣе обременительнымъ для общества.

Какъ заштатный, онъ становится непосильной тягостью для нашихъ селъ и остается поэтому въ городахъ. Потерявъ способность къ правильному труду, онъ работаетъ урывками и вѣчно страдаетъ отъ безработицы; голодъ, холодъ, несправедливость, дурное обращеніе и полная безпомощность, а также отравленіе водкой дѣлаютъ его опаснымъ для города. Напол-

ная трущобы и притоны, эти люди то высылаютъ преступниковъ, то служатъ источникомъ заразныхъ болѣзней, изъ котораго вспыхиваютъ разныя эпидеміи.

Словомъ, люди потеряли человѣческій обликъ, вычеркнуты изъ списковъ жизни и должны гдѣ-нибудь дотгнивать на пепелищѣ, какъ поваленные стволы борового лѣса, опрокинутые ураганомъ и не убранные во-время рукою заботливаго лѣсника.

Говоря о работахъ на Волгѣ, нельзя оставить безъ вниманія и рыбныхъ промысловъ.

Рыбные промыслы по размѣрамъ своихъ оборотовъ достигаютъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей. Они даютъ заработокъ многимъ тысячамъ мѣстныхъ и пришлыхъ рабочихъ и имѣютъ громадное значеніе въ народномъ хозяйствѣ разсматриваемаго нами края.

Въ былое время верховья Волги славились своими рыбными богатствами. Отъ нихъ г. Рыбинскъ получилъ свое названіе. Но въ настоящее время слава Волги начинаетъ меркнуть. Количество рыбы сильно уменьшилось. Только низовья рѣки до сихъ поръ радуютъ сердце рыболова и промышленника необычайными уловами. Впрочемъ, и на средней Волгѣ, если взять пространство приблизительно отъ Казани до Камышина, со всѣми впадающими въ Волгу рѣками и лежащими въ ея области озерами, улавливается ежегодно до милліона пудовъ разнаго рода рыбы.

Главные орудія, которыми производится рыболовный промыселъ, заключаются въ неводахъ, сѣтяхъ, вентеряхъ и т. п. Но не эти орудія истребляютъ рыбу, есть болѣе хищническіе способы ловли. Къ такимъ могутъ быть отнесены разнаго рода перегородки, совершенно преграждающія собой извѣстное

водовмѣстилище, съ цѣлью возможно полнаго вылавливанія задержанной ими рыбы. Ту же роль играютъ и земляные завалы съ устраиваемыми въ нихъ коробами (съ плетеными корзинами) для лова рыбы, задерживаемой въ этихъ коробахъ при спускѣ воды изъ-за плотины завала.

Такъ какъ большая часть рыбы ловится далеко отъ мѣстъ потребленія и наибольшіе уловы производятся въ опредѣленное только время, именно во время хода рыбы, то, само собой разумѣется, является необходимость въ обработкѣ улова для рынковъ сбыта. Эта обработка производится на такъ называемыхъ промыслахъ или ватагахъ.

Главнѣйшую принадлежность «промысла» составляетъ рыбосольная посуда, различной формы и наименованія. Второй необходимой принадлежностью промысла является холодное помѣщеніе, въ которомъ хранятъ рыбу. Точно такъ же почти около каждой ватаги стоитъ «плоть». Это простой деревянный помостъ, на который выгружаютъ ловъ, и съ котораго подаютъ на баржи уже готовые рыбные товары. Хорошій плотъ обыкновенно имѣетъ дощатые стѣны, сплошь состоящія изъ воротъ. Въ теплую погоду всѣ эти ворота раскрываются настежь. Около плота устраивается икряное отдѣленіе и визижная палатка, гдѣ вывѣшивается визига и сушится клей. На плоту производятся главнѣйшія промысловыя работы: рыбу потрошатъ, солятъ и разбираютъ по сортамъ.

Главнымъ средствомъ, предохраняющимъ рыбу отъ порчи, является соль. Ея тратятъ на промыслахъ до 7 милліоновъ пудовъ въ годъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рыбу сушатъ просто на воздухѣ, и такимъ способомъ заготавливаются самые цѣнные сорта: бѣлуга, осетръ, севрюга, бѣлорыбца.

Однако такая простота приготовления въ послѣднее время начинаетъ понемногу исчезать и замѣняется болѣе совершенными способами.

Заготовка и отправка рыбы въ свѣжемъ видѣ за послѣдніе годы сдѣлала значительные успѣхи.

На мѣстѣ потребляется самое незначительное количество рыбы. Большая же часть улова находить

Рыбаки на работѣ.

себѣ сбыть внутри Россіи и въ иностранныхъ государствахъ.

Цѣны на рыбу подвергаются постояннымъ колебаніямъ. Но если сравнить среднія цѣны за рядъ лѣтъ, то мы увидимъ, что цѣна на рыбу растетъ очень быстро; мало того, благодаря проведенію желѣзныхъ дорогъ и прочимъ благопріятнымъ условіямъ, въ настоящее время находятъ сбытъ дешевые сорта рыбы, какъ сопа, чехонь, бѣлоглазка, которая раньше не появлялась на рынкѣ. Особенно рѣзко измѣнились цѣны на воблу и сельдь.

Въ общемъ, верхняя и средняя Волга почти совсѣмъ обезрыблена, и произошло это отъ цѣлаго ряда устранимыхъ, при желаніи, причинъ:

1) Слишкомъ большое количество промысловъ у самаго устья Волги и несоблюденіе ими сроковъ для рыболовства; низовые промыслы перехватываютъ почти всю рыбу во время ея хода и не даютъ ей возможности подняться вверхъ по рѣкѣ, гдѣ для рыбы удобнѣе метать икру.

Чѣмъ выше рыба заходитъ по рѣкѣ, тѣмъ больше она находитъ благопріятныхъ условій для своего размноженія.

Сельдь мечетъ икру выше Чернаго Яра, красная рыба — выше Сарепты, бѣлорыбица — въ верхней Волгѣ и Камѣ.

2) Слишкомъ густые сѣти и невода, которыми вылавливается вся мелочь, не имѣющая для промысла никакого значенія. Эту мелочь или бросаютъ въ воду, но уже сонную, или закапываютъ на берегу и устраиваютъ громадныя такъ называемыя рыбныя кладбища. Впрочемъ, въ эти могилы попадаетъ не одна мелочь. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ особенно благопріятныхъ для рыбы годовъ, на эти кладбища попало нѣсколько миллионовъ пудовъ вполне хорошей рыбы. Промышленники боялись понизить цѣну на свой товаръ и чуть не половину улова закопали въ землю.

3) На средней Волгѣ почти вывели стерлядь шашковой снастью.

Устройство загородокъ, о чемъ сказано выше.

4) О томъ, какъ истребляютъ рыбу, даже самую мелкую, устраивая «завалы» и загородки, я уже говорилъ.

Наконецъ 5) очень губительно отразилось на количествѣ рыбы въ Волгѣ употребленіе нефти.

Нефтяные отбросы и самая нефть представляют для рыбы смертельный ядъ. Ежегодно изъ Баку привозятъ Волгой сотни миллионовъ пудовъ нефти. Перевозка производится въ деревянныхъ баржахъ, черезъ стѣны которыхъ нефть очень легко просачивается.

Рыбаки на отдыхѣ.

Бываютъ и такіе случаи, что нефтянка, благодаря своей ветхости, не выдерживаетъ пути, и вся нефть выливается въ рѣку. Кромѣ того, сильно способствуютъ загрязненію рѣки пароходы, которые не стѣсняются всю отработанную нефть выбрасывать въ воду.

ХІІ.

Кромѣ ловли рыбы, небольшимъ подспорьемъ для мѣстныхъ жителей является охота. Бьютъ, главнымъ образомъ, бѣлку и рябчика въ заволжскихъ уѣздахъ (Царевококшайскомъ, Чебоксарскомъ и Козьмодемьянскомъ) Казанской губерніи.

Хлѣбопашество и добывающая промышленность не въ состояніи, однако, занять все свободное время у мѣстнаго населенія и дать ему достаточно средствъ къ существованію. Поэтому рабочій людъ, гдѣ круглый годъ, а гдѣ только свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, удѣляетъ кустарному промыслу или ищетъ заработка на сторонѣ, отправляясь на фабрики и заводы.

Изъ промысловъ по обработкѣ дерева заслуживаетъ вниманія изготовленіе телѣгъ, колесъ, саней, санныхъ полозьевъ и дугъ. Производствомъ разныхъ экипажей славится Казанская губернія. Выдѣлка корзинъ, плетеноекъ для экипажей и гнутой мебели падаютъ, главнымъ образомъ, на ту же губернію.

Бондарный промыселъ, заключающійся въ выдѣлкѣ бочекъ, боченковъ, кадокъ, ушатовъ, цвѣточныхъ банокъ и пр., встрѣчается повсемѣстно.

Столярно-плотничный промыселъ развитъ сравнительно слабо. Почти повсемѣстно выдѣлываются чашки, тарелки, ложки, складни изъ березоваго и липоваго дерева, лопаты, корыта, балясики, ткація берда и челноки, веретена, цѣвки, улья рамочные и пр.

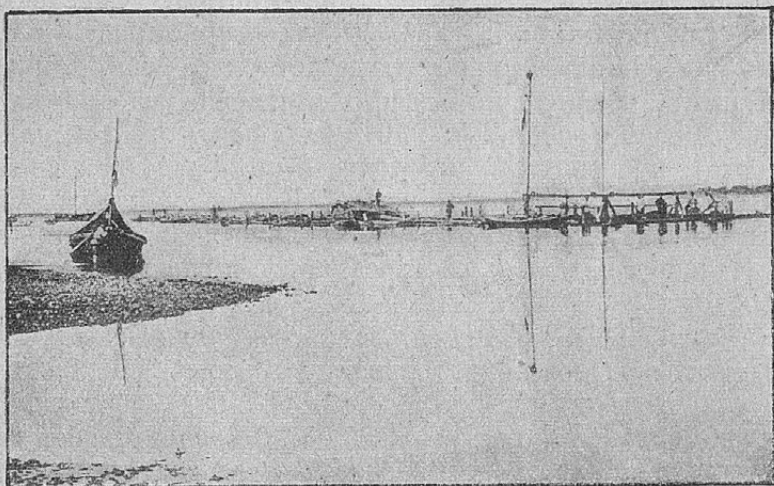
Видное мѣсто занимаетъ смолокуренье и сидка дегтя, особенно развитыя въ лѣсныхъ уѣздахъ Казанской губерніи.

Приготовленіе ткацкихъ издѣлій изъ хлопчатой бумаги, такъ называемыхъ сарпинокъ, распространено среди кустарей въ нѣмецкихъ колоніяхъ Саратовской губерніи, особенно въ Камышинскомъ уѣздѣ. Работа производится, главнымъ образомъ, въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ работъ время, и ткачъ, слѣдовательно, не совсѣмъ отрывается отъ земли.

Ковровое производство распространено въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ, Саратовской гу-

берни. Этимъ промысломъ занято преимущественно женское населеніе. Къ несчастью, это занятіе такъ просто, что къ нему находятъ возможнымъ привлекать даже дѣтей, начиная съ 8—9 лѣтъ. Опытная коверщица можетъ выткать въ день не болѣе $1\frac{1}{2}$ арш. ковра въ $1\frac{1}{4}$ ширины.

При такой работѣ, требующей большой усидчивости, мастерица вырабатываетъ 15—18 копеекъ въ день. Лѣтомъ всѣ коверщицы уходятъ на несравненно лучше

оплачиваемую поденную работу, гдѣ онѣ получаютъ отъ 1 руб. до 1 руб. 20 коп. въ день.

Только въ самые неурожайные годы мастерицы и лѣтомъ не покидаютъ своихъ станковъ.

Переходя къ фабрично-заводской промышленности края, мы видимъ, что главное мѣсто въ ней занимаетъ обработка питательныхъ продуктовъ. На ихъ долю приходится почти $\frac{3}{5}$ всего производства въ области. Второе мѣсто занимаетъ обработка животныхъ про-

дуктовъ, т.-е. выдѣлка стеариновыхъ свѣчей, oleina, глицерина, юфти, сальныхъ свѣчей, мыла и т. д.; наконецъ, третье мѣсто приходится на обработку шерсти.

Эти три отрасли промышленности охватываютъ собою три четверти всего производства въ краѣ и свидѣлствуютъ наглядно объ общемъ земледѣльческомъ характерѣ области.

Въ обработкѣ питательныхъ веществъ на первомъ планѣ стоитъ мукомольное и крупяное производства. Мукомольное дѣло на средней Волгѣ имѣетъ громадное значеніе не только для мѣстнаго населенія, а и для всей Россіи. Урожай или неурожай на Волгѣ имѣетъ вліяніе на все государство. По послѣднимъ даннымъ, общая сумма всего мукомольнаго производства Россіи равняется 250 милліонамъ рублей; Поволжье производитъ милліоновъ на 45, т.-е. приблизительно одну пятую часть. Кромѣ мукомольнаго, наибольшее значеніе имѣютъ винокуренное, спиртоочистительное, водочное, свеклосахарное и рафинадное производства.

Въ общемъ, фабрично-заводская промышленность играетъ второстепенную роль въ этомъ по преимуществу земледѣльческомъ краѣ. Возникла она сравнительно недавно и не развилась еще до значительной высоты. Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что первые рельсовые пути въ нашей области появились лишь въ 1870 году.

До этого времени было нѣсколько попытокъ построить желѣзную дорогу, но эти начинанія не удавалось довести до конца.

Товарищества, принимавшіяся за эту задачу, черезъ нѣсколько времени распадались за невозможностью собрать достаточно средствъ. И только къ концу семидесятыхъ годовъ появилась первая желѣзная дорога, прорѣзавшая Сердобскій, Аткарскій

и Саратовскій уѣзды на протяженіи 238 верстъ. Къ 77 году желѣзная дорога перекинулась за Волгу и тѣмъ вызвала необходимость построить удивительный и единственный въ своемъ родѣ мостъ черезъ Волгу. Постепенно развиваясь, желѣзнодорожная линія насчитываетъ теперь около 3.300 верстъ пути.

По отдѣльнымъ губерніямъ она распредѣлилась въ такомъ порядкѣ:

въ Саратовской	1.260 верстъ.
» Самарской	1.259 »
» Симбирской	612 »
» Казанской	159 »

Большинство этихъ дорогъ возникло за послѣднее десятилѣтіе.

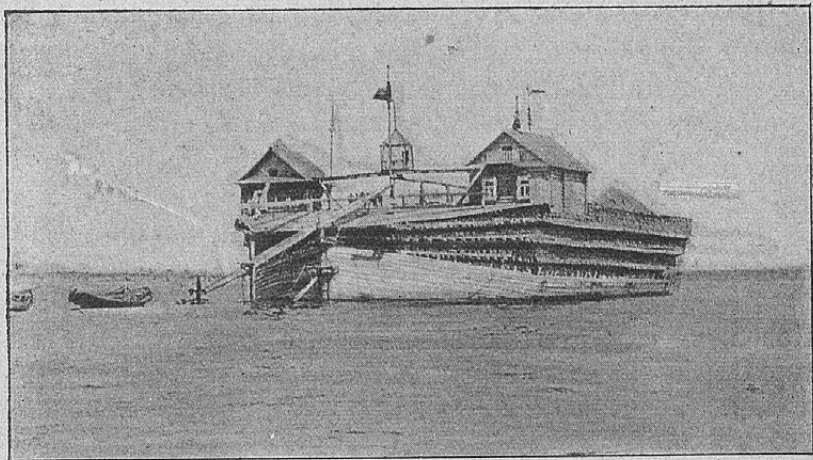
Главнѣйшими грузами на желѣзныхъ дорогахъ Поволжья служатъ: хлѣбъ, лѣсные строительные матеріалы и дрова, нефть, нефтяные остатки, керосинъ и др. нефтяные продукты, рыба, соль, каменный уголь и пр.

Наиболѣе важными желѣзнодорожными станціями какъ по отправленію, такъ и по прибытію грузовъ, являются большія волжскія пристани, на которыхъ происходитъ обмѣнъ между водными и желѣзнодорожными грузами.

Волга играетъ роль громаднaго товарнаго собирателя для упирающихся въ нее путей русской желѣзнодорожной сѣти, развозя товары на самые отдаленные рынки. Эта тѣсная связь между рѣкой и дорогой имѣетъ очень важное значеніе для края.

Благодаря пароходному сообщенію, масса товаровъ перевозится по очень низкой цѣнѣ, почему пріобрѣтаетъ возможность попасть на самые отдаленные рынки. Такъ, существованіе Волги приближаетъ хлѣбные грузы востока Россіи къ мѣстамъ потребленія.

Точно такъ же нефть и керосинъ съ береговъ Каспійскаго моря легко проникли при посредствѣ Волги на восточныя и центральныя желѣзныя дороги. Соль, лѣсъ и въ особенности горнозаводскія произведенія далекаго Урала и много сибирскихъ товаровъ сплавляется по Камѣ и ея притокамъ до Волги, которая,

Бѣляна.

при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ, открываетъ имъ удобный и дешевый путь на всѣ русскіе рынки.

По Волгѣ же поступаютъ на желѣзные пути внутренней Россіи кавказскіе, персидскіе и средне-азіатскіе товары.

XIII.

Неудовлетворительное имущественное положеніе населенія не проходитъ безслѣдно для духовной жизни области. Считается прописной истиной, что чѣмъ лучше обезпечена мѣстность или селеніе, тѣмъ больше дѣтей

посылаетъ оно въ школы. Несомнѣнно, конечно, что, помимо этого, много другихъ побочныхъ обстоятельствъ вліяетъ на тотъ же результатъ, но всѣ они болѣе или менѣе зависятъ отъ основнаго—степени благосостоянія.

Мы, напр., видѣли, что религія татаръ сама по себѣ создаетъ такія условія, что почти все татарское населеніе какъ мужское, такъ и женское, знаетъ грамоту. Поволжье, по составу своей интеллигенціи, читающей и развитой части, занимаетъ на Руси довольно видное мѣсто. Она оказываетъ большое вліяніе на распространеніе народнаго образованія въ Поволжьѣ. Въ послѣдніе годы свѣдѣнія о начальномъ образованіи нѣсколько упорядочились. Но еще въ 1894 году нельзя было получить, по сообщеніямъ Фальборка и Чарнолускаго, достаточныхъ данныхъ по этому вопросу. Насколько можно судить, расходы государственнаго казначейства на образованіе въ Поволжьѣ равнялись $3\frac{1}{2}$ милліонамъ, частныхъ пожертвованій поступило на это дѣло $2\frac{1}{2}$ милліона, а духовное въдомство тратило 500 тысячъ рублей. Все остальное расходовалось общественными учрежденіями. Такимъ образомъ казна давала на начальное образованіе одну седьмую часть, немногимъ больше того, что получалось отъ частной благотворительности. Любопытно также наблюденіе, что земскіе расходы на народное образованіе достигаютъ самыхъ большихъ размѣровъ въ губерніяхъ съ преобладающимъ крестьянскимъ представительствомъ. На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ въ этомъ отношеніи губерніи съ преобладающимъ дворянскимъ представительствомъ въ земствѣ: Симбирская губернія тратитъ меньше одной двадцатой ($4,6\%$), тогда какъ Пермская—около $\frac{1}{4}$ всѣхъ расходовъ.

Бодрая и энергичная поволжская интеллигенція, замѣчая затрудненіе казны въ производствѣ расхо-

довъ на начальную школу, откликается очень быстро на народныя нужды. Благодаря ей, почти въ каждомъ крупномъ волжскомъ центрѣ найдется бесплатная библіотека, гдѣ всякій имущій и неимущій можетъ хоть отчасти удовлетворять свою жажду знанія ¹⁾).

Въ Казани, Самарѣ и Саратовѣ издается цѣлый рядъ добросовѣстныхъ и интересныхъ газетъ. Вокругъ нихъ сплотилась группа людей, старающихся путемъ печатнаго слова освѣтить свои мѣстныя нужды и вывести на свѣтъ больныя стороны общественной жизни. Саратовское, симбирское и другія земства съ недавнихъ поръ стали издавать ежемѣсячники, на страницахъ которыхъ начинаютъ раздаваться голоса самихъ крестьянъ, ратующихъ за свои насущные интересы.

Не довольствуясь бесплатными библіотеками, при помощи которыхъ можно обслуживать только городское населеніе, земство начинаетъ устраивать центральныя библіотеки для своихъ учителей, а частью и для населенія. Кромѣ того, стремясь провести книжку въ самую глубь губерніи, общества грамотности за послѣднее время начали привлекать къ просвѣтительной дѣятельности офеней и книгоношъ. Снабдивши ихъ дешевыми народными изданіями, они посылаютъ своихъ книгоношъ по самымъ глухимъ угламъ, преслѣдуя только ту цѣль, чтобы книгоноша окупили свои расходы по путешествію. Мѣра чрезвычайно симпатичная и полезная, но, къ сожалѣнію,

1) *Примѣчаніе.*

	Библіотекъ публичныхъ.	Народныхъ читаленъ.
Казанская	19	—
Самарская	11	237
Саратовская	27	42
Симбирская	6	6
Всего	63	

рѣшающая вопросъ только съ одной стороны. Вѣдь недостаточно донести книжку до деревни и предложить ее читателю. Недостаточно вызвать желаніе прочесть предложенное изданіе, надо еще создать возможность приобрести ее, а это-то, именно, и не по силамъ самому самоотверженному и работающему обществу грамотности. Каковы покупательныя силы Поволжья, мы уже видѣли.

На одну душу населенія по послѣдней переписи земство тратило на народное образованіе:

	1885 года.	1896 года.
Казанская	9 коп.	13,4 коп.
Симбирская	6,2 »	7,0 »
Самарская	10,7 »	14,6 »
Саратовская	7,4 »	10,9 »

Въ общемъ, за послѣднее тридцатилѣтіе расходы земства на народное образованіе возросли болѣе, чѣмъ въ 10 разъ, но, тѣмъ не менѣе, народное образованіе въ краѣ стоитъ очень низко: одна школа приходится на 96 квадр. верстъ и на 1.840 жителей, а учащихся на 1.000 жителей всего 32 человѣка, при чемъ образованіе дѣвочекъ распространено въ три раза слабѣе, чѣмъ мальчиковъ.

По отдѣльнымъ губерніямъ области положеніе начальнаго образованія значительно уклоняется отъ приведенныхъ среднихъ цифръ: по числу учащихся на 1.000 жителей первое мѣсто занимаетъ Саратовская губ. (43 на 1.000), по густотѣ школъ — Казанская (1 школа на 47 квадратныхъ верстъ), а по числу жителей на школу — Самарская (1 на 588 человѣкъ).

Такимъ образомъ на 1.000 жителей приходится въ нашей области 32 человѣка учащихся, по всей Россіи число это нѣсколько больше и достигаетъ

28 человѣкъ на 1.000 жителей Европейской Россіи. По всей имперіи она даетъ только 33 человѣка въ 1898 году. Но эти цифры становятся ничтожными при сопоставленіи ихъ съ данными для другихъ государствъ.

На тысячу жителей учащихся въ

Великобританіи	175
Норвегіи	170
Швеціи	164
Германіи	158
Швейцаріи	158
Голландіи	144
Франціи	143
Австріи	134
Венгріи	132
Соедин. Штатахъ	140

У насъ, въ Финляндіи 174

Если раздѣлить учащихся по поламъ, то мы увидимъ, что въ городахъ дѣвочки составляютъ больше одной трети учащихся, тогда какъ деревенскія дѣвочки, которыхъ родители посылаютъ въ школы, не составляютъ даже четвертой части.

За послѣднее время грамотность населенія Поволжья замѣтно увеличивается.

На сто новобранцевъ приходилось грамотныхъ :

	1876 г.	1886 г.	1896 г.
Казанская	10,2	10,0	15,6
Самарская	10,0	13,3	19,1
Саратовская	17,3	20,2	32,0
Симбирская	14,3	16,4	20,9

О томъ же повышеніи грамотности говорятъ цифры учащихся въ начальныхъ и другихъ школахъ. Число ихъ растетъ, и въ своемъ ростѣ оно перегоняетъ есте-

ственный приростъ населенія. Грамотность повышается благодаря все большему развитію школьнаго дѣла, но также и благодаря другимъ причинамъ.

Такъ, отхожіе промыслы самъ собою, своей жизненной обстановкой толкаетъ и создаетъ грамотность. Затѣмъ на развитіе грамотности въ населеніи рѣшительное вліяніе оказываетъ характеръ внѣземледѣльческихъ промысловъ ¹⁾.

Но самое интересное явленіе заключается въ томъ, что у безнадѣльныхъ крестьянъ, какъ показываетъ статистическій матеріалъ, грамотность оказывается значительно выше, чѣмъ во многихъ группахъ крестьянъ надѣльныхъ.

Образованность, являясь сама результатомъ сноснаго хозяйственнаго состоянія, въ свою очередь, очень сильно вліяетъ на размѣры заработной платы. Чѣмъ выше грамотность, тѣмъ богаче населеніе и тѣмъ легче ему добывать себѣ пропитаніе.

XIV.

Въ дѣлѣ распространенія образованія очень видное мѣсто занимаютъ города. Ихъ вліяніе, вѣроятно, можетъ поспорить съ вліяніемъ отхожихъ промысловъ. Главнымъ рассадникомъ просвѣщенія для нашей области является краса востока — Казань.

Она — главный образовательный центръ средней Волги. Почти сто лѣтъ тому назадъ тамъ открылся

¹⁾ Число семей съ грамотными и учащимися на каждую сотню менѣ одной головы скота

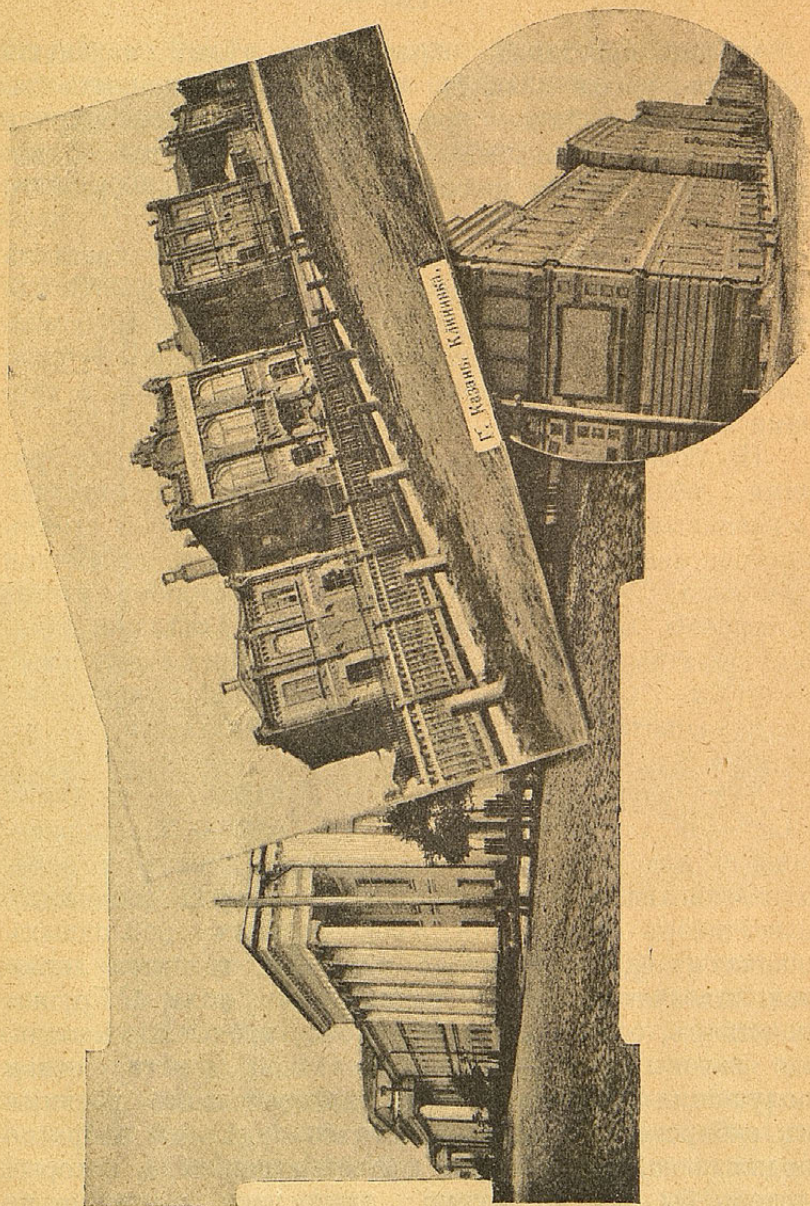
хозяйства безъ промысл.	47,3
„ съ домашними промысл.	56,1
„ мѣстными	66,3
„ отхожими	85,6

университетъ, который далъ краю много видныхъ ученыхъ, а еще больше маленькихъ, незамѣтныхъ работниковъ, медленно, но вѣрно поднимающихъ культурный уровень родной страны. Среди именъ, которыми гордится Казанскій университетъ, мы можемъ отмѣтить, напр., Лобачевского и одного изъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей С. Т. Аксакова. Въ Казанскомъ же университетѣ воспитывался Л. Н. Толстой и много извѣстныхъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ востока Россіи.

Кромѣ университета, Казань насчитываетъ еще 2 высшихъ учебныхъ заведенія — ветеринарный институтъ и духовную академію, въ которыхъ слушаютъ лекціи до полуторы тысячи человѣкъ. По количеству среднихъ учебныхъ заведеній Казань, несомнѣнно, занимаетъ первое мѣсто. Изъ 43 мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ краѣ на долю Казани приходится почти половина — 21. Женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ ней меньше.

Благодаря значительному количеству всевозможныхъ учебныхъ заведеній, Казань является не только посредницей въ торговлѣ Востока съ Западной Европой, но ей еще выпадаетъ на долю знакомить населеніе этого полудикаго и своеобразнаго края съ плодами европейской науки и завоеваніями общечеловѣческой мысли въ области познаній.

Казань отошла отъ берега Волги на довольно значительное разстояніе. На берегу столпились пароходныя конторки различныхъ обществъ. Всѣ волжскія, камскія, вятскія пароходства имѣютъ свои пристани на устьѣ Казанки, откуда въ городъ идетъ двѣ дамбы. По одной проложено полотно Московско-Казанской желѣзной дороги, а по другой шмыгаютъ вагончики электрической желѣзной дороги, только очень недавно вытѣснившей традиціонную конку.

Около пристаней образовался цѣлый маленькій городокъ, масса мелкихъ торгово-промышленныхъ заведеній. Въ лѣтнее время на пристаняхъ царить чрезвычайное оживленіе. Здѣсь нагружаются и выгружаются десятки милліоновъ пудовъ разнообразнаго груза.

Въ 1897 году, напримѣръ, на Казанскую пристань прибыло свыше $23\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, цѣнностью въ 6 милліоновъ рублей, а отправлено свыше $10\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, цѣнностью около 9 милліоновъ рублей. Главнымъ грузомъ отправленія служить хлѣбъ, а грузами прибытія — дрова, лѣсъ, нефть.

На большомъ протяженіи вдоль рѣки, двумя рядами, образующими широкую улицу, растянулись деревянные постройки. Ближе къ Волгѣ стоятъ многочисленныя конторы пароходствъ и сарайчики для склада товаровъ. По другую же сторону улицы выстроены лавки, харчевни, трактиры, заѣзжіе дома, малоопрятные внутри и очень непривлекательные снаружи. По пристани всюду оживленное движеніе; вездѣ кипитъ работа; въ воздухѣ немолчный шумъ и гамъ.

Тутъ нагружаются на баржи и пароходы продукты казанской промышленности; тамъ сгружаются привезенные для Казани товары, которые затѣмъ и наваливаются на длинные и низкіе роспуски ломовыхъ извозчиковъ-татаръ въ своеобразныхъ войлочныхъ шапкахъ; здѣсь, поджидая сѣдоковъ, толпятся легковые извозчики, тоже по преимуществу татары. Группы крестьянъ, собравшихся на отхожіе промыслы; маленькіе вагоны электрической желѣзной дороги; семьи полунищихъ переселенцевъ, малоземельемъ гонимыя въ сибирскія губерніи и часто по недѣлямъ напрасно поджидающія въ Казани дешеваго парохода, который доведъ бы ихъ до Перми; разносчики, вынесшіе на

потребу судорабочихъ съѣстные припасы подозрительнаго качества; парходные приказчики; прибывающіе и отбывающіе пассажиры, — все это смѣшалось въ одну замысловато-пеструю картину, озаренную горячимъ солнцемъ и теряющуюся въ облакахъ густой пыли. Почва по всему берегу такова, что люди, ло-

шади и экипажи просто вязнуть въ глубокомъ пескѣ, отъ котораго при мало-мальски значительномъ вѣтрѣ поднимаются клубящіяся тучи пыли. Вообще пристань производитъ очень невыгодное впечатлѣніе какого-то безпорядочнаго, чрезвычайно нечистоплотнаго базара. Казалось бы, что такой, какъ Казань, богатый городъ долженъ былъ позаботиться о благоустройствѣ пристани, по крайней мѣрѣ, о замощеніи ея, чтобы ты-

сячи живущаго на ней лѣтомъ народа избавились отъ необходимости дышать воздухомъ, насквозь пропитаннымъ пылью. Но въ оправданіе города говорятъ, что весь берегъ ранней весною и позднею осенью такъ далеко и глубоко заливается водою, достигающею до вторыхъ этажей построекъ, что никакія мостовыя не выдержали бы и одного наводненія, и что поэтому нѣтъ расчета возводить здѣсь прочныя каменные зданія, которыя ежегодно потребуютъ крупныхъ исправленій. Такъ со дня на день и живеть пристань, пока не будетъ поднятъ и укрѣпленъ берегъ.

Между приволжскою слободой и городомъ возвышается четырехугольное зданіе, нѣсколько странной формы, довольно плотное съ несоотвѣтственно малымъ позолоченнымъ крестомъ на вершинѣ. Къ четыремъ сторонамъ этого зданія ведутъ широкія и высокія каменные лѣстницы. Это — памятникъ, съ церковью внутри, на могилѣ русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Казани.

Подъ церковью устроено глубокое подземелье, въ которое входятъ при свѣтѣ восковой свѣчи по каменной лѣстницѣ; узкій и въ то же время чрезвычайно мрачный и холодный, подземный ходъ приводитъ въ центральный склепъ съ деревяннымъ поломъ, настланнымъ на грудахъ человѣческихъ костей. На полу, посерединѣ склепа, стоитъ большая гробница, наполненная человѣческими костями — многія изъ нихъ со слѣдами тяжелыхъ боевыхъ ударовъ.

Сколько жизней погребено здѣсь, этого никто не знаетъ... Испытываешь большое облегченіе, когда изъ этой давящей, холодной и темной, какъ ночь, могилы выйдешь на Божій свѣтъ, на теплый просторъ, хотя и этотъ просторъ въ Казани оставляетъ желать еще очень многого въ отношеніи чистоты и

опрятности. Мыловаренные, салотопенные и кожевенные заводы сильно насыщают городскую атмосферу невыносимыми запахами. Вообще въ санитарномъ отношеніи Казань сильно хромаетъ, чѣмъ и объясняется, до извѣстной степени, высокая заболѣваемость въ городѣ.

Если двигаться по дамбѣ дальше, по направленію къ городу, то мы попадемъ въ центральную часть Казани — кремль. Онъ расположенъ на высокомъ и крутомъ берегу р. Казанки, окруженъ высокой каменной стѣною. На мѣстѣ кремля, во времена татарскаго владычества, была также крѣпость, но деревянная. Посреди кремля находится площадь, вокругъ которой тѣсятся церкви, неразрывно связанныя съ исторіей Казани, дворецъ и Сумбекина башня, представляющая по своей древности, по красотѣ и по оригинальности своей архитектуры и по обилію связанныхъ съ ней преданій одну изъ главнѣйшихъ достопримѣчательностей Казани. Мѣстные археологи признаютъ ее единственнымъ памятникомъ татарскаго владычества въ городѣ.

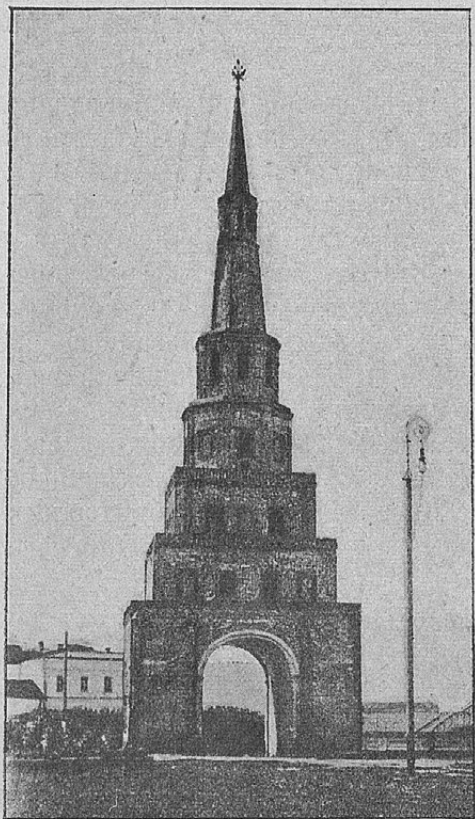
О Сумбекиной башнѣ ходитъ масса другихъ легендъ: одни говорятъ, что это остатокъ ханскаго дворца; другіе прибавляютъ, что подъ башней похороненъ благочестивый магометанинъ, и что изъ его черепа бьетъ родникъ, образующій тайничный ключъ; третьи утверждаютъ, что башня построена ханшей Сумбекой, которая бросилась внизъ съ вершины башни, когда узнала о взятіи Казани войсками Грознаго.

Словомъ, фантазія татаръ нашла въ башнѣ Сумбеки богатый матеріалъ для своего творчества.

За Сумбекиной башней начинается спускъ къ Тайничкимъ воротамъ, которыя ведутъ изъ кремля къ р. Казанкѣ. Надъ воротами возвышается башня съ

нѣсколькими окнами; внутри ея теперь помѣщается архивъ Казанской казенной палаты.

Подъ Тайницкими воротами въ татарской Каза-

Башня Сумбеки (съ зап. стороны).

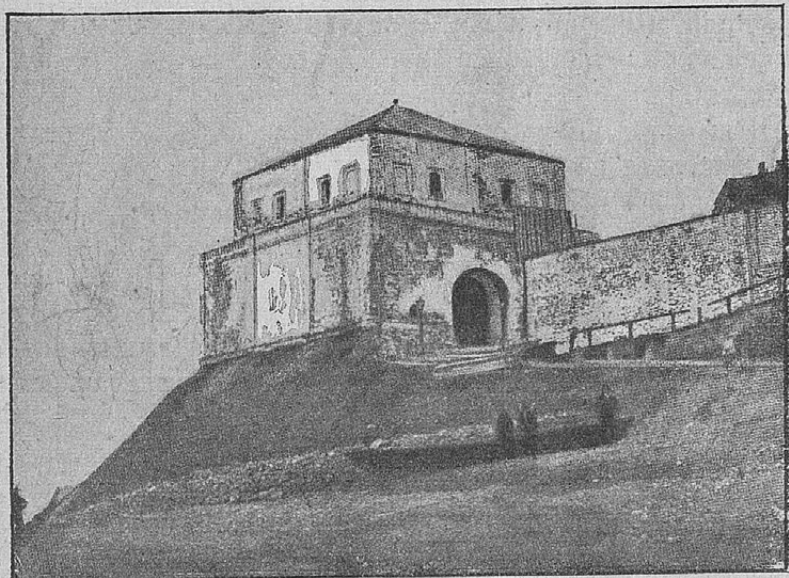
ни находился подземный ходъ (тайникъ), по которому осажденные татары получали воду. Взрывъ этого тайника русскими войсками, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ главныхъ моментовъ паденія Казани. Вокругъ западныхъ и южныхъ стѣнъ кремля расположенъ бульваръ, съ котораго весной открывается роскошный видъ на громадный разливъ Волги и Казанки, на Кизическую и Адмиралтейскую слободы съ Зилантовымъ монастыремъ, на Забулачье и заволжскія горы. Кремлевскій бульваръ когда-то былъ излюбленнымъ

мѣстомъ весенняго гулянья казанцевъ.

По другую сторону кремлевской площади находится зданіе городской думы, въ которомъ помѣщаются: городская публичная библіотека, имѣющая до 10.000 на-

званій книгъ въ 20.000 томахъ, городской банкъ и другія городскія учрежденія.

Противъ думы расположено зданіе гостинаго двора, въ части котораго, обращенной къ площади, помѣщается Казанскій городской музей, открытый для публики съ 1895 года.

Тайницкія ворота въ Казани.

Въ музеѣ 4 отдѣленія, содержащихъ въ себѣ массу научныхъ рѣдкостей, относящихся къ Волжско-Камскому краю. Здѣсь же находится музей имени А. О. Лихачева, извѣстный, между прочимъ, своей картинной галлереей. Правда, по числу она не велика и насчитываетъ въ себѣ всего 464 произведенія русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Замѣчательны коллекціи: болгарскихъ древностей (коллекція считается единственной

въ мірѣ по своей полнотѣ), орудій каменнаго вѣка и курганныхъ находокъ.

Еще болѣе, чѣмъ этимъ музеемъ, гордится Казань своимъ университетомъ.

При Казанскомъ университетѣ пріютился рядъ научныхъ и научно-вспомогательныхъ учреждений: обсерваторіи, музеи, многочисленные кабинеты и лабораторіи. При немъ же состоятъ ученые общества: врачей, историковъ, психіатровъ, естествоиспытателей и т. д.

Благодаря университету, зародилась въ Казани и періодическая печать.

Словомъ, умственная жизнь края течетъ неразрывно съ университетомъ, который сейчасъ насчитываетъ не менѣе тысячи студентовъ, тогда какъ при его открытіи 14 февраля 1805 года имѣлось, какъ говоритъ Аксаковъ въ своихъ университетскихъ воспоминаніяхъ, всего 32 — 35 студентовъ при 6 преподавателяхъ.

Противъ университета въ переулкѣ находится старое зданіе факультетскихъ клиникъ, построенное на капиталъ въ 200.000 рублей, отпущенный изъ казны во время пребыванія въ Казани Николая I въ 1836 г.

Вдоль кремля тянется тинная рѣчонка Булакъ; течетъ она версты $1\frac{1}{2}$, пока не впадаетъ въ Казанку.

На устьѣ Булака бываетъ ярмарка, называемая «весенней биржей». Продолжаясь съ 1 мая по 1—5 іюня, ярмарка имѣетъ характеръ больше розничной, даже мелочной торговли.

Привозятъ, главнымъ образомъ, посуду, ярославское полотно, саратовскую сарпинку, деревянныя издѣлія кустарнаго производства, вятскую мебель,

екатеринбургскія горныя издѣлія и пр. Обороты ярмарки за послѣдніе годы колебались: для привоза — отъ 200 до 760 тысячъ рублей, а для продажи — отъ 130 до 530 тысячъ рубл.

Булакъ вытекаетъ изъ озера Ближняго Кабана. Татары увѣряютъ, что на днѣ его сидитъ злая волшебница, которая не хотѣла пережить покоренія царства,

Казанскій университетъ.

но, поклявшись мстить русскимъ, бросилась въ Кабанъ и понынѣ тянетъ на дно купающихся.

Идя вдоль Кабана, съ лѣвой стороны его мы будемъ имѣть университетскій Ботаническій садъ, а съ правой — часть города, называемую Плетени.

Въ этихъ Плетеняхъ раскинулся цѣлый городокъ стеариноваго и мыловареннаго завода бр. Крестовниковыхъ. На заводѣ, основанномъ въ 1855 году, вы-

дѣлывается до 150 тысячъ пудовъ стеариновыхъ свѣчей и до 250 тыс. пудовъ пресловутаго «казанскаго» мыла въ годъ, для чего перерабатывается до 1.600 тыс. пуд. сала. Сало это получается не только изъ Казанской и сосѣднихъ губерніи, но даже изъ Австраліи и Южной Америки.

Кромѣ свѣчей и мыла, заводъ вырабатываетъ до 90 тыс. пуд. глицерина, между прочимъ, кристаллическаго, затѣмъ до 220 тыс. пуд. олеиновой кислоты.

Для своихъ цѣлей заводъ вырабатываетъ до 140.000 пудовъ сѣрной кислоты и перерабатываетъ до 1 милліона пуд. нефтяныхъ остатковъ.

При заводѣ работаетъ до 2.200 рабочихъ. Общая производительность завода въ 1898 году простиралась

до 6 миллионѣвъ рублей. При заводѣ есть больница всего на 20 кроватей.

За Плетенями по берегамъ Кабана тянется цѣлый рядъ дачъ, утопающихъ въ зелени.

Изъ Казани идетъ единственная въ краѣ желѣзная дорога — Московско-Казанская, по которой началось движеніе только съ 1893 г. Тѣмъ не менѣе, даже до настоящаго времени движеніе это не вполне упорядочено. Еще и теперь дорога не имѣетъ моста черезъ Волгу. Грузы, пришедшіе изъ Москвы, перегружаются на баржи и затѣмъ, чтобы достигнуть казанскаго вокзала, снова грузятся въ вагоны. Весенній и осенній ледоходы совсѣмъ прерываютъ на время сообщеніе между берегами Волги около Казани.

Несомнѣнно, что такое важное неудобство, какъ отсутствія постоянного моста, очень вредно отзывается на торговлѣ, замедляя и увеличивая стоимость доставки товаровъ.

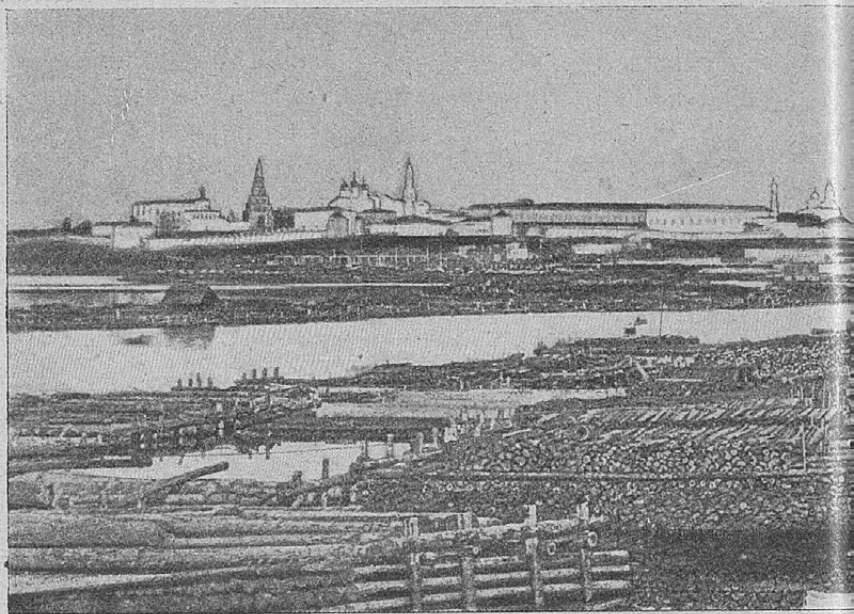
Начинаясь отъ казанскаго вокзала, очень красиваго зданія, расположеннаго въ низменной Забулачной части города, линія желѣзной дороги идетъ по высокой насыпи, пересѣкаетъ заливаемую весенними водами низменность р. Казанки и, прорѣзавъ Адмиралтейскую слободу, достигаетъ своей первой платформы — Пороховой. Возлѣ этой платформы находится казанскій пороховой заводъ, построенный еще Екатериной II въ 1787 г.

Заводъ представляетъ собой обширную рощу, по которой въ безпорядкѣ разбросаны сараи, дома, мастерскія и отдѣльныя фабрики.

Производство порохового завода было очень значительно. За XIX столѣтіе онъ далъ около 2 миллионѣвъ пудовъ пороху всевозможныхъ сортовъ. Въ послѣднее время дѣятельность завода еще болѣе усилилась, такъ какъ ему пришлось выдѣлывать такъ

называемый бездымный порохъ. Рядомъ съ казеннымъ заводомъ находится частный химическій заводъ Ушакова и К^о.

Заводъ Ушакова вырабатываетъ до 300 тыс. пуд. сѣрной кислоты ежегодно, при чемъ большая поло-

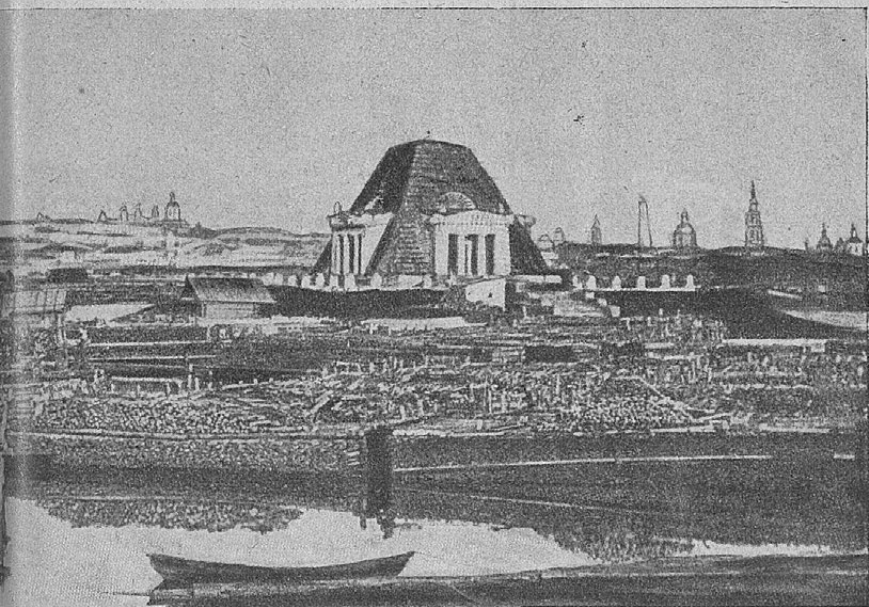
вина его продуктовъ предназначается для казеннаго порохового завода.

Въ этой же мѣстности стоитъ заводъ Алафузова, громадная производительность котораго — $2\frac{1}{2}$ тысячи рабочихъ и 4.300 тысячъ рублей — направлена на удовлетвореніе потребностей войскъ и военного времени.

Въ случайномъ посѣтителѣ Казань не оставляетъ пріятнаго воспоминанія, особенно въ лѣтнее время,

когда городъ, несмотря на свою значительную населенность, кажется вялымъ и соннымъ.

Городъ не лишенъ живописности. Лунной лѣтней ночью онъ кажется положительно красивымъ. «Весь въ лунномъ свѣтѣ, — вспоминаетъ Немировичъ-

Данченко, — разстилается городъ. Изъ темныхъ пятенъ садовъ выплываютъ стройныя, серебряныя колокольни церквей, бѣлыя линіи улицъ тянутся къ спящей красавицѣ Волгѣ. Дымится надъ нею свѣтлый паръ луннаго сіянія, точно изнутри озаренное облако поднялось надъ спокойною ширью рѣки...

«Изрѣдка звѣздится огонекъ въ окнѣ, гдѣ-то слышится унылая татарская пѣсня, надрывая душу своею

безнадежной скорбью. Нѣтъ въ ней порывовъ бѣшеной удали, словно вихрь неожиданно врывающейся въ тихое уныніе пѣсни русской. Татарская — это долгій вымученный стонъ, стонъ степной, стонъ безъ конца и края. Такъ вѣтеръ медленно и грустно пробѣгаетъ по татарской равнинѣ, гоня передъ собою сѣдое облако пыли... Ни цвѣтка ни зелени на этой мертвой глади; ни улыбки ни радости въ этой степной пѣснѣ...

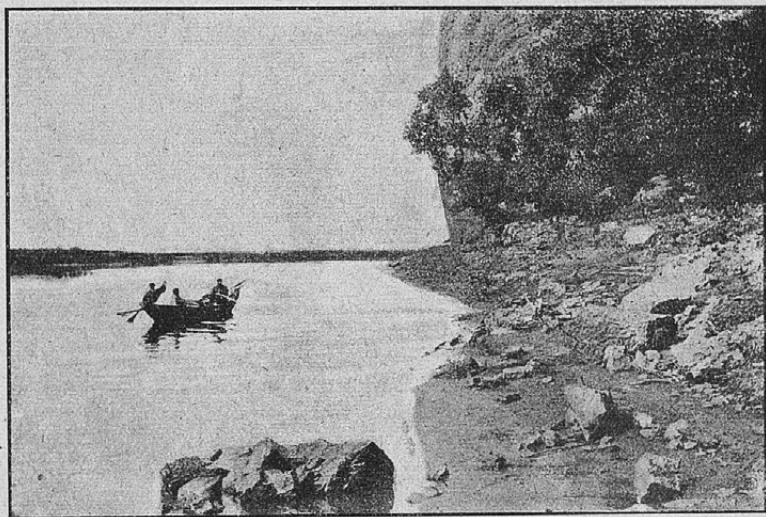
«Еще лучше Казань зарею. Розовый паръ стоитъ надъ противоположнымъ берегомъ рѣки, изъ него выдѣляются золотящіеся подъ солнцемъ верхушки колоколенъ. Гдѣ-то далеко-далеко рѣжущимъ глазъ блескомъ сверкаетъ извивъ Волги. А кругомъ эти синія мгlistыя дали... Еще нѣсколько минутъ и солнце брызнуло огненными струями въ чащу деревьевъ, и посреди ихъ темнозеленой массы точно вырѣзались тонкіе, узорчатые золотые листья.

«Точно вспыхнули верхушки травы и горятъ заревомъ-полыемъ тамъ, гдѣ огнистыя струи пролились сквозь чащу, внизъ, къ мягкимъ моховымъ проложинамъ.

«День разгорается. Передъ вами вырѣзывается вся Казань съ своими бѣлыми домами, зелеными окраинами садовъ, колокольнями церквей и минаретами многочисленныхъ мечетей. Бѣлый кремль на холмѣ съ пресловутою башней Сумбеки, бѣлыя стѣны монастыря, — все это сползаетъ внизъ, умаляясь и умаляясь, пока не пропадетъ въ зеленой сочной ложбинѣ, чтобъ сейчасъ же массою татарскихъ домовъ, перемѣшанныхъ съ красивыми силуэтами мечетей, взбѣжать наверхъ. Чѣмъ дальше относить пароходъ, тѣмъ таинственнѣй и туманнѣе дали, тѣмъ больше скучиваются башни, колокольни и минареты, такъ что подъ конецъ весь городъ кажется состоящимъ изъ нихъ. Даль скрадываетъ всѣ промежутки, по-

низъ между городомъ и рѣкою пропадаетъ, и Казань вся выплываетъ на передній планъ, тѣснѣе и тѣснѣе смыкая силуэты своихъ зданій.

«Еще нѣсколько минутъ, и чудная картина полу-восточнаго города уходитъ за зеленый выступъ берега, оставляя на душѣ впечатлѣніе какого-то смутнаго

поэтическаго сна. Если бѣ приволжскіе города были такъ хороши вблизи, какъ и издали!

«Наконецъ пропалъ и Зилантьевскій монастырь за р. Казанкою... Блеснуло и словно потухло Змѣиное озеро. Жилъ тутъ во время оно крылатый змій Зиланій, летавшій пить на озеро, перегубилъ этотъ Зиланій немало народа, пока какому-то доброму молодцу не вспало на умъ помѣриться съ нимъ со всею силою-удалью».

Противъ Казани на самомъ берегу Волги находится село Услань, около котораго похоронена жена

могущественнаго владыки своего времени, князя Меньшикова.

Когда звѣзда Александра Даниловича Меньшикова погасла и закатилась, то онъ и его семья были сосланы въ г. Березовъ. И вотъ, по дорогѣ въ далекую Сибирь, изнѣженная княгиня не вынесла трудностей пути и грубаго обращенія съ собою, заболѣла и успокоилась на волжскомъ берегу.

Ниже Казани Волга принимаетъ въ себя одинъ изъ своихъ громадныхъ притоковъ р. Каму. Правый берегъ, не доходя Камы, дѣлается все красивѣе и красивѣе. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ села Богородскаго, Волга образуетъ луку, окаймленную полукругомъ красивыхъ холмовъ, выступы которыхъ въ воду правильно срѣзаны водою. Бѣлые отрубы ихъ издали кажутся башнями, остатками стѣнъ, надъ вершинами которыхъ грузно повисли зеленые пригорки...

Рѣка расширяется... Дѣлается особенно свѣжо, весело и привольно. На покатостяхъ возвышеннаго берега разбрасывается большое село, купола церквей сверкаютъ на солнцѣ, на пристани кишмя кишить толпа народа, гдѣ, среди спокойныхъ русскихъ лицъ, встрѣчаются хмурые, скуластыя, узкоглазые татарскія фizioноміи. Крикливые голоса торговцевъ, бабьи пѣсни, топотъ пробирающихся на пароходъ «сѣрыхъ» пассажировъ, а потомъ опять приволье волжскихъ далей, все смѣняющіяся картины окрестностей и молчаливыя известковыя скалы, съ высоты которыхъ зорко оглядываетъ окрестности алчная чайка - мартынь, высматривая въ мутныхъ струяхъ, не плеснетъ ли гдѣ серебряный извивъ шаловливой рыбы.

Богородское уже исчезаетъ позади. Золотыхъ, соломанныхъ кровель его не видно, только многочисленныя мельницы андреевскими крестами чернѣютъ изъ-за

берега на голубомъ небѣ. А тамъ, направо, новыя деревушки: то выбѣжить изъ-за ложбинки, то прижмется къ отвѣсному скату, точно въ воду свалиться побаивается.

Приближается устье Камы. Въ этомъ мѣстѣ Волга принимаетъ огромные размѣры. Безконечное водное пространство разстилается во всѣ стороны. Окраска воды не одинаковая. Волжская вода своимъ болѣе

темнымъ цвѣтомъ рѣзко отличается отъ камскихъ водъ. Только спустившись значительно ниже, Волга снова принимаетъ свой обычные размѣры.

На правомъ берегу Волги, не доѣзжая Тетюшъ, виднѣется «столпъ», остатокъ минарета. Вблизи него находится село Болгара или Успенское, расположенное на мѣстѣ бывшей столицы древняго, могущественнаго и богатаго Болгарскаго царства, существовавшаго въ мѣстности, прилегающей къ берегамъ Волги и

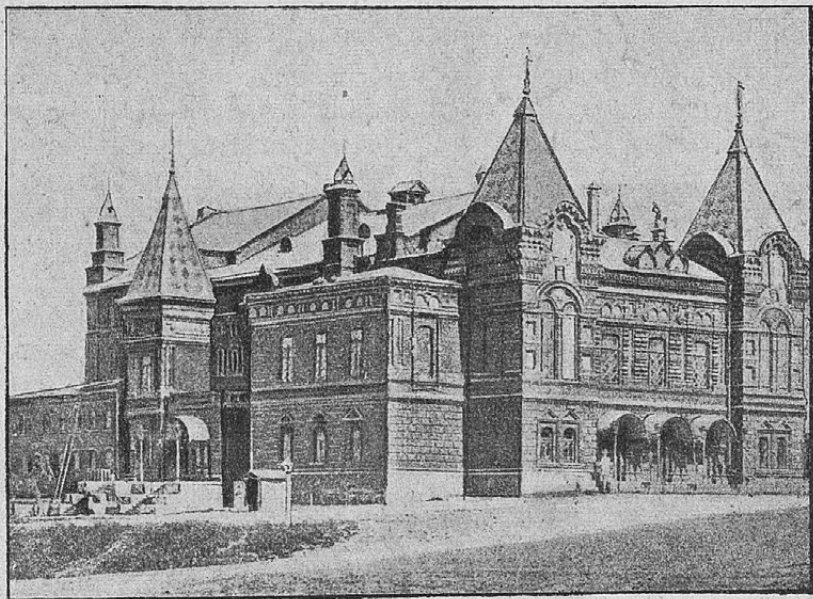
Камы, въ незапамятныя времена, когда русская земля начала свое существованіе.

Около развалинъ этого минарета разбросаны въ разныхъ направленіяхъ и другія развалины: какая-то сравнительно очень большая, потемнѣвшая, съ уцѣлѣвшимъ сводомъ, которую въ народѣ зовутъ «Черною» или «Судейскою палатою»; саженьяхъ въ 100 къ югу отъ нея находится «Бѣлая палата», очень любопытное зданіе съ подземными ходами, каналами и остатками водопроводовъ въ стѣнахъ, украшенныхъ сложною лѣпною работой. Эти величественныя развалины — могила древней Болгаріи, ея славнаго «Великаго града Булгара».

На полдорогѣ между Казанью и Самарой, по правому берегу Волги, расположенъ г. Симбирскъ. Внизу, у пристаней, раскинута только нѣсколько жалкихъ строеній да пароходныя конторки. Самый городъ стоитъ на верху горы, скатъ которой покрытъ густыми, тѣнистыми садами. Отъ рѣки въ гору ведетъ нѣсколько спусковъ, изъ которыхъ самый удобный Петропавловскій. Спуски тянутся версты на 3—4. Если подняться по крутой и извилистой дорогѣ на самый верхъ, то городъ производитъ хорошее впечатлѣніе. Симбирскъ построенъ въ духѣ новорусскихъ городовъ. Широкія, длинныя улицы, просторъ, отсутствіе скученности, большія площади пріятно удивляютъ проѣзжающаго; хорошую и просторную распланировку ставятъ въ тѣсную зависимость съ громаднымъ пожаромъ, бывшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; разбушевавшееся пламя охватило почти три четверти всѣхъ построекъ, и это понудило симбирцевъ перестроить свой городъ по болѣе широкому плану.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ является знаменитый «Вѣнецъ» Симбирска. «Вѣнецъ» предста-

вляеть изъ себя довольно обыкновенный бульваръ, но онъ расположенъ надъ самымъ обрывомъ, залитымъ зеленью. Съ этого мѣста видна на огромное пространство даль заволжскихъ степей: извивы Волги, серебряныя пятна озеръ, небольшіе перелѣски и плотно желѣзной дороги, соединяющей Мелекесь съ берегомъ Волги.

Недалеко отъ «Вѣнца» стоитъ памятникъ Карамзину, на которомъ изображена муза исторіи Кліо. Изображеніе на памятникѣ женщины непонятно для простого народа, и муза Кліо дала поводъ къ курьезнымъ предположеніямъ. Кто принимаетъ ее за икону, кто за жену историка, кто еще за что-нибудь.

Почти въ томъ же мѣстѣ находится и гордость Симбирска — публичная библіотека. Въ шестидесятихъ годахъ пожаръ не пощадилъ и этого сокровища. Но живыя мѣстныя силы не дали умереть образовательному учрежденію, и библіотека довольна скоро не только возстановила утраченныя богатства, но даже расцвѣла еще пышнѣе, чѣмъ до пожара. Однако мѣстной интеллигенціи не хватаетъ на созданіе и поддержку собственнаго печатнаго органа. Симбирскъ до сихъ поръ не имѣетъ ни одной частной газеты.

Торговое значеніе города довольно крупное. На симбирскихъ пристаняхъ въ годъ получается до $2\frac{1}{2}$ мил. пудовъ товару: дрова, лѣсные матеріалы, соль, нефть и пр. на сумму до 750 тысячъ рублей. Отправляется до 6 милліоновъ пудовъ, изъ нихъ до 4 милл. пудовъ приходится на хлѣбъ, общей стоимостью больше 4 мил. рублей. Тѣмъ не менѣе, дворянскій Симбирскъ и вся губернія годъ отъ году бѣднѣютъ, и промышленная, а также торговая жизнь распредѣляется между Самарой, Саратовомъ и верхневолжскими городами, въ ущербъ падающему Симбирску.

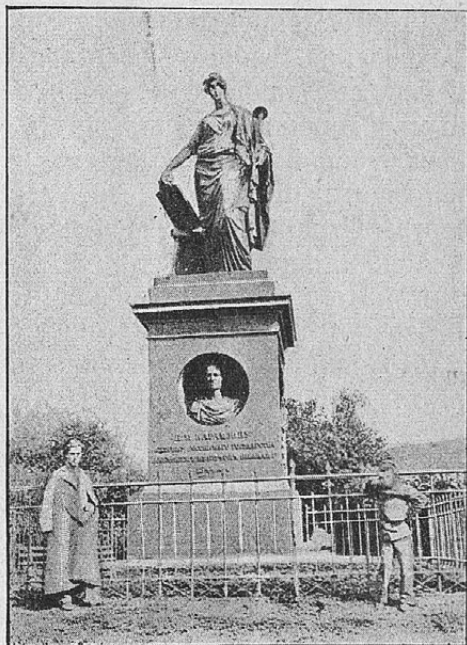
Соперникъ Симбирска — *Самара* расположилась по лѣвому берегу рѣки Волги. Распланировка ея очень несложна: рядъ широкихъ, красивыхъ улицъ, параллельныхъ Волгѣ, пересѣкается поперечными линіями.

Весь городъ раскинулся на небольшомъ скатѣ, постепенно понижающемся по направленію къ пристанямъ.

Берегъ р. Самарки представляетъ собою весною одинъ изъ самыхъ живыхъ пунктовъ города. Здѣсь кипитъ жизнь, грузятъ въ массѣ барки и направляютъ ихъ вверхъ, къ Рыбинску. Здѣсь же сосредоточивается громадное количество хлѣбныхъ амбаровъ, вмѣщающихъ въ себя до 12 милліоновъ пудовъ.

Сюда же проведена желѣзнодорожная вѣтка, а въ по-
ловодье пароходы подходят къ самымъ амбарамъ.

Самымъ красивымъ и бойкимъ мѣстомъ города
считается Алексѣевская площадь и Дворянская улица,
въ концѣ которой находится Струковскій садъ. Садъ
вѣковой, огромныя деревья даютъ много тѣни и
прохлады въ самые
жаркіе лѣтніе дни.
Съ его террасъ от-
крывается прелест-
ный видъ на Волгу
и Жигулевскія горы.
Городъ начинаетъ
понемногу устраи-
ваться. Улицы поли-
ваютъ, сообщеніе
на конкахъ. Теперь
въ Самарѣ насчиты-
ваютъ до 100.000 че-
ловѣкъ, между тѣмъ,
какъ въ концѣ XVIII
столѣтія, т.-е. около
100 лѣтъ тому на-
задъ, въ Самарѣ было
не болѣе 2.000 че-
ловѣкъ, и даже въ
1851 году населеніе
Самары едва дости-
гало 15.000. Такой

Памятникъ Карамзина въ Симбирскѣ.

быстрый ростъ населенія, обычное для Америки явле-
ніе, въ Россіи является чѣмъ-то поразительнымъ. Тамъ,
гдѣ полсотни лѣтъ тому назадъ колыхался степной
ковыль, бѣгали дрофы и чирикали куропатки, въ на-
стоящее время разстроился большой городъ, общающій
въ скоромъ времени обогнать всѣ поволжскіе города.

На Алексѣевской площади собрались всѣ важнѣйшія учрежденія города съ Александровской публичной бібліотекѣю во главѣ. Въ городѣ имѣется около 70 учебныхъ заведеній.

Существуетъ нѣсколько періодическихъ изданій: «Самарская Газета», затѣмъ «Самарскій Вѣстникъ» и «Листокъ Объявленій».

Торгово-промышленное значеніе Самары громадно. Благодаря своему географическому положенію на берегу большой судоходной рѣки, въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ сѣверныя и центральныя губерніи съ Заволжьемъ и Оренбургскимъ краемъ, и отчасти благодаря своему положенію на Самарской луцѣ, Самара сдѣлалась однимъ изъ важнѣйшихъ въ Россіи рынковъ по торговлѣ хлѣбомъ, скотомъ и саломъ. Но не однимъ зерновымъ хлѣбомъ торгуетъ поволжская столица. Въ окрестностяхъ города имѣется много паровыхъ и вѣтряныхъ мельницъ, превращающихъ зерно въ муку. Самара ведетъ большую торговлю шерстью и кожами, поступающими изъ сосѣднихъ киргизскихъ степей.

На самарскія пристани доставляютъ въ среднемъ свыше 15 милліоновъ пудовъ, а отправляется до 20 милліоновъ. Фабрикъ и заводовъ въ Самарѣ до 50 съ годовою производительностью въ 9 милліоновъ рублей. Кромѣ торговли, Самара играетъ важную роль, какъ лѣчебное мѣсто. Самарскій край широко извѣстенъ своими кумысолѣчебными заведеніями. Степное раздолье даетъ возможность пасти табуны полудикихъ кобылицъ и ихъ молокомъ спасать жизнь, главнымъ образомъ, легочнымъ больнымъ.

Самара сосредоточила вокругъ себя производство кумыса. И къ ней стекаются всѣ больные, признающіе цѣлебныя свойства кумыса и чающіе получить отъ него выздоровленіе.

Спускаясь ниже по Волгѣ, мы попадаемъ въ другую торговую и промышленную столицу Поволжья — *Саратовъ*. Городъ разбросался по склону довольно крутой возвышенности. Двумя оврагами онъ разрѣзается на три довольно неравнобѣрныхъ части. Собственно, самый городъ стоитъ на верху горы, на площадкѣ, а по скатамъ спускаются къ водѣ до-

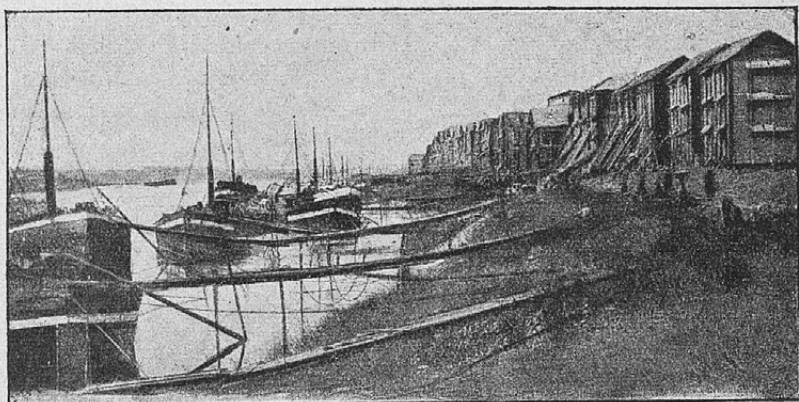
С а м а р а .

вольно плохонькія и бѣдныя строенія. Съ этой стороны онъ немного напоминаетъ Симбирскъ. Вокругъ Саратова раскинулись горы, частью покрытыя лѣсомъ и садами, а частью голыя и совершенно обнаженныя.

Но эти горы почему-то не придаютъ живописности городу, и видъ Саратова довольно унылъ, хотя, впрочемъ, распланировка города, какъ и въ Симбирскѣ, довольно правильная, а улицы широкія и прямыя. И съ Саратовомъ, какъ съ Казанью, коварная Волга сыграла злую шутку. Что ни годъ, то

рѣка все дальше и дальше уходитъ отъ города. Полая вода насыпаетъ мели, а быстрое теченіе отводитъ русло отъ Саратова къ слободѣ Покровской. Возлѣ праваго, городского берега вырастаетъ полуостровъ, такъ что пароходныя конторы отступаютъ отъ Саратова версты на три, на четыре. Только весною пароходы подходятъ къ самому городу, но это продолжается до спада водъ.

Черезъ городъ проходитъ Рязанско-Уральская желѣзная дорога. Хотя сказать «проходить», пожалуй,

не вполнѣ правильно. Грузы доходятъ до берега Волги, а на другую сторону ихъ перевозятъ въ вагонахъ на поромѣхъ. Моста черезъ рѣку нѣтъ, и, конечно, это обстоятельство чрезвычайно осложняетъ и замедляетъ доставку товаровъ. Переправа на поромѣ совершается, вопреки всякимъ ожиданіямъ, почти круглый годъ, только лѣтомъ поромъ дѣлаетъ до 8 концовъ въ день, а зимою, когда морозы достигаютъ 35°, поромъ успѣваетъ сдѣлать всего 2—3 рейса. Даже ледоходъ не останавливаетъ переправы на поромѣ.

Одной изъ очень интересныхъ достопримѣчательностей не только Саратова, а и всей Россіи является Радищевскій музей. Въ этомъ музеѣ собрано больше тысячи картинъ и этюдовъ, выполненныхъ русскими и иностранными художниками. Кромѣ того, при немъ

Памятникъ Царю-Освободителю
въ Самарѣ.

имѣется очень порядочная библіотека, но самымъ любопытнымъ представляется Тургеневскій кабинетъ, въ которомъ хранятся предметы, принадлежавшіе И. С. Тургеневу.

Музей получилъ свое названіе отъ имени извѣстнаго писателя и государственнаго дѣятеля времени

Екатерины II, А. Н. Радищева. Судьба этого человека довольна любопытна. Радищевъ написалъ и отпечаталъ книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ этой книгѣ онъ изложилъ тѣ мысли, которыя при Екатеринѣ II приобрѣли широкое распространеніе, и которыя не разъ высказывались самой императрицей. Повторяя требованія своего времени, Радищевъ высказывался за отмену крѣпостного права, уничтоженіе цензуры, обличалъ купеческіе обманы, роскошь и развратъ.

Но не посчастливилось русскому писателю. Государыня разсердилась на его писанье, отдала Радищева подъ судъ. Судъ приговорилъ его къ смертной казни, которую замѣнилъ десятилѣтней ссылкой въ Сибирь.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ I призвалъ его обратно въ Петербургъ и назначилъ членомъ комиссіи по составленію законовъ. Но Радищевъ чѣмъ-то прогнѣвалъ гр. Завадовскаго и, испугавшись его угрозъ, принялъ ядъ. Такъ кончилась жизнь этого замѣчательнаго по своему времени человека.

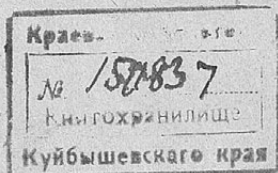
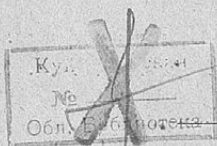
Кромѣ музея, въ Саратовѣ имѣется городская публичная библіотека и 9 періодическихъ изданій, изъ нихъ 3 ежедневныхъ газеты: «Саратовскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ» и «Сарат. Коммер. Листокъ». Учебныхъ заведеній насчитывается до сотни, изъ нихъ нѣсколько средне-учебныхъ.

Какъ и Самара, Саратовъ ведетъ очень крупную торговлю хлѣбомъ. Кромѣ хлѣба, изъ Саратова расходится по сосѣднимъ губерніямъ до 12 милліоновъ пудовъ нефти. Затѣмъ милліона на три проходитъ черезъ Саратовъ другихъ товаровъ — лѣсу, рыбы, соли изъ Эльтона, шерсти, льняного масла и пр.

Заводовъ и фабрикъ въ городѣ сотни полторы съ общей производительностью 16 милліоновъ рублей. Пер-

вое мѣсто занимаетъ мукомольное производство, затѣмъ маслостойное, табачное, водочное, пивоваренное и друг.

Говоря о Поволжѣ, намъ приходилось подчасъ рисовать невеселыя картины. Исконный источникъ богатства края, его земледѣліе, переживаетъ тяжелое время. Даже въ Самарской губерніи далеко не всегда радуется теперь землепашца золотыми колосьями его родная нива. Неблагопріятно положеніе скотоводства. Въ плохихъ условіяхъ находятся работы на Волгѣ. Другія статьи дохода — особенно фабрично-заводская промышленность — не достигли еще такого уровня, чтобы давать достаточный заработокъ большому количеству населенія. При всемъ томъ на будущность края не приходится смотрѣть безнадежно. Природныя богатства его очень велики. Географическое положеніе вполне благопріятно. Духовныя силы населенія, какъ это видно изъ проявленій дѣятельности поволжской интеллигенціи и изъ религіозныхъ броженій въ средѣ поволжскаго крестьянства, тоже представляются выдающимися. Все это позволяетъ надѣяться, что переживаемый кризисъ является временнымъ, и что, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, творческимъ силамъ населенія удастся возродить къ счастливой жизни этотъ богатый отъ природы край.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Поверхность. Волга.	3
II. Растительный и животный міръ.	15
III. Заселеніе Поволжья	21
IV. Періодъ броженія.	28
V. Общій характеръ хозяйственнаго быта поволжскаго крестьянства	34
VI. Племенной составъ поволжскаго населенія. Великороссы, малороссы, нѣмцы	41
VII. Иностранческое населеніе Поволжья.	46
VIII. Сектанство	59
IX. Землевладѣніе и земледѣліе. Переселеніе. Отхожіе промыслы . .	70
X. Скотоводство	79
XI. Работы на Волгѣ	86
XII. Кустарная и фабричная промышленность. Пути сообщенія . .	113
XIII. Просвѣщеніе въ краѣ	118
XIV. Города	123

